

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА – КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С.П.ТОЛСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1963

инв. №: 255/2

НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

II

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. П. ТОЛСТОВА, Т. А. ЖДАНКО,
С. М. АБРАМЗОНА, Н. А. КИСЛЯКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1963

сб 227

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет собой второй полутом книги «Народы Средней Азии и Казахстана», публикуемой в серии «Народы мира» Институтом этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Первый полутом этого труда содержит введение, пять вводных глав: «Географический очерк Средней Азии и Казахстана»; «Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана»; «Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана»; «Иранские языки народов Средней Азии», «Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана» и три главы, посвященные отдельным народам Средней Азии: «Узбеки», «Каракалпаки» и «Таджики» (в последней главе имеется раздел «Припамирские таджики»).

Второй полутом, представленный настоящей книгой, содержит этнографическое описание остальных крупных народов: туркмен, киргизов, казахов, а также живущих на территории среднеазиатских республик и в Казахстане мелких народностей и национальных меньшинств; завершается книга главой, посвященной русскому, украинскому и белорусскому населению этих республик.

Второй полутом подготовлен научными сотрудниками сектора Средней Азии и Казахстана Института этнографии Академии наук СССР совместно с учеными академий наук среднеазиатских союзных республик и Академии наук Казахской ССР. Некоторые главы полностью подготовлены учеными союзных академий, другие написаны сотрудниками Института этнографии АН СССР частично в соавторстве с учеными среднеазиатских республик или с использованием подготовленных на местах материалов и текстов к отдельным разделам.

Авторами отдельных глав второго полутома являются: «Туркмены» — Г. П. Васильева; отдельные разделы главы написали: «Исторические сведения» — А. А. Росляков, А. Каррыев и Г. П. Васильева; о современной экономике — В. Б. Жмуйда; «Устное народное творчество» и «Художественная литература» — Н. Мередов; «Народное образование», «Музыка, театр, кино» — И. Л. Репин; для раздела «Физкультура, и спорт» использованы материалы К. Овезбердыева; «Киргизы» — С. М. Абрамзон; в разделах, посвященных материальной культуре и прикладному изобразительному искусству, привлечены неопубликованные материалы, собранные и обработанные Е. И. Маховой и К. И. Антипиной; характеристика старого земледелия и скотоводства содержит некоторые данные из рукописей А. С. Бежковича; частично использованы материалы, подготовленные учеными и специалистами Киргизской ССР: по сельскому хозяйству — О. Сейдахматовым, по науке — Ш. Шириядановым, по художественной литературе — К. Асаналиевым, по профессиональному изобразительному

искусству — Г. Айтиевым, по здравоохранению — А. Айдаралиевым; «Казахи» — авторский коллектив Академии наук Казахской ССР; разделы главы написали: «Исторический очерк» — В. Ф. Шахматов, при участии [С. К. Ибрагимова], «Основные занятия» и «Материальная культура» — В. В. Востров и И. В. Захарова, «Общественный и семейный быт» — В. В. Востров, «Культура и искусство» — Х. И. Бисенов, Б. Г. Ермакович, В. В. Востров и З. Ахмедов; «Уйгуры» — И. В. Захарова; «Дунгане» — Г. Г. Стратанович, с использованием некоторых материалов М. Сушанло и Л. И. Думана; «Корейцы» — Ю. В. ИONOва; «Среднеазиатские арабы» — Б. Х. Кармышева; «Среднеазиатские цыгане» — Г. П. Снесарев и А. Л. Троицкая; «Среднеазиатские евреи» — Я. И. Калонтаров; «Белуджи» — Э. Г. Гафферберг; «Курды» — Т. Ф. Аристова и А. Мамедназаров; «Русское, украинское и белорусское население» — Т. В. Станюкович.

Общее редактирование осуществлено редколлегией в составе членкорр. АН СССР С. П. Толстова (ответственный редактор), Т. А. Жданко (зам. ответственного редактора), С. М. Абрамзона и Н. А. Кислякова.

Рецензировали книгу А. А. Валитова, М. С. Иванов, А. И. Першиц и М. Г. Рабинович.

Этнографические карты составлены Я. Р. Винниковым. Рисунки и таблицы выполнены художниками Т. В. Полетикой, В. А. Гиппиус, И. В. Савицким и Н. А. Юсовым.

Основная часть фотографий подобрана из собраний Музея антропологии и этнографии АН СССР, Музея этнографии народов СССР и научных архивов экспедиций Института этнографии АН СССР; использованы также фотоматериалы ВДНХ, фотохроники ТАСС, фотохроник Казахского и Туркменского ТАГ; часть фотографий прислана с мест авторами и соавторами отдельных глав книги. В подборе и подготовке иллюстраций принимали участие Л. Ф. Моногарова, Н. П. Лобачева, Е. П. Николаичева.

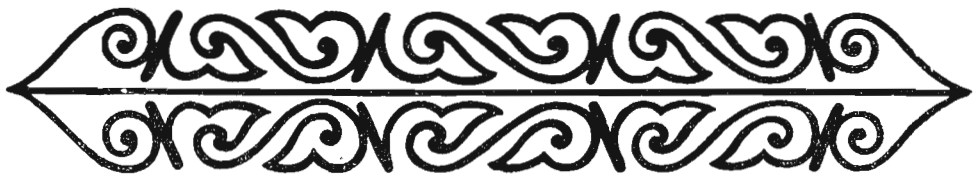
В составлении списков рекомендуемой литературы принимала участие Т. Н. Томина. Глоссарий редактировала Б. Х. Кармышева. В составлении указателя участвовали Г. П. Снесарев, Н. Г. Борозна, Э. Г. Гафферберг, В. Н. Басилов, Т. Н. Томина, А. М. Хазанов, Л. А. Фирштейн, Е. П. Николаичева.

Статистические сведения о численности населения во всех главах тома основаны на данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.; в тех случаях, когда для этого использованы другие данные, в подстрочных примечаниях сделаны ссылки на источник.

Статистический материал переписи 1959 г. разработали и подготовили сотрудники лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР.

Местные термины в главах об отдельных народах даются в тексте первый раз курсивом, на литературном языке и алфавитом данного народа, а в главах «Корейцы», «Белуджи» и «Курды» — на русском алфавите. При дальнейшем повторении термины даются в русском написании, с максимальным приближением к произношению на языке данного народа; исключение составляют широкоизвестные слова народов Средней Азии и Казахстана и географические наименования,¹ вошедшие в русский язык (джигит, джайлау, Дешти-Кыпчак и др.).

КИРГИЗЫ

Киргизы (само название *кыргыз*) были известны в дореволюционной литературе под названием кара-киргизов, т. е. черных киргизов (а также «закаменных» или «дикокаменных» киргизов). Это название продолжало отчасти сохраняться и в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции (до 1925 г.). Соседей киргизов — казахов раньше ошибочно называли казак-киргизами, вследствие чего очень часто казахов и киргизов неправильно рассматривали как единый народ. В китайских источниках XVIII в., а также среди калмыков киргизы были известны под названием бурут.

Киргизы составляют основную массу населения Киргизской Советской Социалистической Республики. Эта республика, занимающая площадь в 198,5 тыс. кв. км, на севере граничит с Казахской ССР, на западе — с Узбекской ССР и Таджикской ССР, на юге — с Таджикской ССР (здесь граница проходит по Заалайскому хребту) и на юго-востоке, на протяжении 820 км, — с Китайской Народной Республикой. В ее состав входят две области — Ошская и Тянь-Шаньская и 15 районов республиканского подчинения, расположенных в Чуйской и Таласской долинах и в Иссык-Кульской котловине.

Столица республики — г. Фрунзе, ранее уездный г. Пишпек. В нем родился и вырос виднейший деятель Советского государства, полководец Красной Армии М. В. Фрунзе.

В 1959 г. в Киргизской ССР насчитывалось 2 066 тыс. жителей, тогда как в 1913 г. на этой же территории жило 864 тыс., а в 1939 г. — 1 450 тыс. человек. Увеличение численности населения в Киргизской ССР было вызвано не только значительным притоком населения из других республик, но все более прогрессирующим его естественным приростом.

Большой приток населения в Киргизскую ССР был обусловлен переводом сюда промышленных предприятий из центральных районов страны во время Великой Отечественной войны и развертыванием нового строительства в послевоенный период. Вследствие этого при абсолютном увеличении численности киргизов в пределах Киргизской ССР на 11% удельный вес их во всем населении республики уменьшился с 52% в 1939 г. до 40,5% в 1959 г.

Все населенное киргизами огромное пространство в пределах Киргизской ССР и за ее границами представляет собой горную страну, пересеченную высочайшими хребтами Тянь-Шаньской и Памиро-Алайской систем и отчасти Гиндукуша.

Киргизов, проживающих на территории СССР, насчитывалось в 1926 г. 762,7 тыс., а в 1939 г. 884,3 тыс. По данным переписи населения 1959 г., численность киргизов в СССР составляет 968,7 тыс. человек.

Большой прирост киргизского населения в СССР за годы Советской власти виден из сопоставления этих данных со сведениями, относящимися к 1917 г., согласно которым численность киргизов определялась в 670—680 тыс. человек.

подавляющее большинство киргизского населения (836,8 тыс. человек, или 86,4%) проживает в пределах Киргизской республики. Среди основного, киргизского, населения республики более или менее компактными массивами живут русские (623,6 тыс. человек) и украинцы (137 тыс. человек). Их селения расположены в Чуйской и Таласской долинах, в Иссык-Кульской котловине и в некоторых районах Ошской области. В граничащих с Узбекской ССР сельских районах и городах Ошской области довольно многочисленны узбеки (218,6 тыс. человек). Кроме того, в Киргизской ССР живут татары (56,3 тыс. человек), казахи (20,1 тыс. человек), таджики (15,2 тыс. человек), уйгуры (13,8 тыс. человек), дунгане (11,1 тыс. человек), немцы (39,9 тыс. человек), чеченцы и др. Таким образом, Киргизия является многонациональной республикой.

Киргизы живут также на территории названных выше соседних республик: 92,7 тыс. человек в Узбекской ССР (главным образом в Ферганской и Андижанской областях), 25,6 тыс. человек в Таджикской ССР, преимущественно в пределах Джиргатальского района (в Каратегине) и в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области — на восточном Памире, представляющем собой высокое пустынное нагорье, 6,8 тыс. человек в Казахской ССР и 0,2 тыс. в Туркменской ССР.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что расселение киргизов в XVIII—XIX вв. несколько отличалось от современного. Они распространялись значительно далее на запад. Так, по сведениям, собранным таджиковедами, 200—300 лет назад весь Каратегин (на территории современной Таджикской ССР) был заселен киргизами, но затем они были постепенно вытеснены оттуда таджиками и остались лишь в самой восточной части Каратегина, находящейся по соседству с долиной Алая (современный Алайский район Киргизской ССР). Позднее происходил процесс частичного заселения таджиками и этого района. В третьей четверти XIX в. небольшие группы киргизов еще жили в долине Зеравшана: в Самаркандском отделе их насчитывалось 665 человек, в Катта-Курганском отделе 372 двора, в Ургутском тюмене (волости) 17 дворов.

В конце XIX в. в Бухарской части долины Зеравшана было 20 селений и шесть арыков, носивших название «кыргыз». Прямыми потомками киргизов, населявших ранее долину Зеравшана, следует считать жителей Бухарского, Гиждуванского, Кермининского и Шахрисябзского уездов, которые отнесли себя в 1924 г. к узбекскому племени кыргыз. Этих кыргызов насчитывалось 5600 человек.

Продвижение киргизов в эти районы в более раннее время было связано с политическими и военными событиями, происходившими в XVII—XVIII вв. В дальнейшем значительная часть киргизов осела здесь и подверглась влиянию окружающего оседлого населения, а затем и стала опосит себя к узбекам.

За пределами СССР киргизы живут главным образом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики. Здесь расположены киргизский автономный округ Кызыл-Суу, в котором проживает около 50 тыс. киргизов, киргизский район Кёк-Терек в уезде Кызыл-Курэ (Текес) Илийского (Казахского) автономного округа и киргизская волость в уезде Монгол-Курэ (Чжаосу). Всего в КНР, по переписи 1953 г., насчитывалась 71 тыс. киргизов. До 25 тыс. киргизов кочует в пределах Большого и Малого Памира и на склонах Гиндукуша в Бадахшанской области Афганистана, немногочисленные группы живут в ближайших к советскому Памиру горных областях Пакистана. Тесно

связана с киргизами по своему происхождению небольшая тюркоязычная (но сильно омонголившаяся) этническая группа под названием хотоны, проживающая в районе Улангома и р. Убса (северо-западная часть Монгольской Народной Республики) в количестве нескольких сот семей.

Еще в недавнем прошлом у киргизов сохранялось родоплеменное деление, но племенные различия не были резко выражены. В большей степени некоторые особенности быта были свойственны крупным территориальным группам. Так, в известной мере отличаются от остальных киргизы, населяющие Ферганскую котловину, прилегающие к ней хребты и восточный Памир. Этих киргизов условно принято называть южными киргизами в отличие от северных киргизов, населяющих Тянь-Шань, Прииссыккулье, долины рек Чу и Таласа.

В то же время среди киргизов имеется несколько групп, которые хотя и причисляются к киргизам, но по некоторым данным имеют иное происхождение. К ним относятся, например, группы под названием *курку-рөө* (свыше 100 семей в Кировском районе), *курөн* (60—70 семей в Ат-Башинском и Нарынском районах Тянь-Шаньской области), *калма* (несколько десятков семей) и др. К киргизам причисляют себя и входившие раньше в те или иные киргизские родовые подразделения небольшие группы калмыцкого происхождения, которые называются *калмак* или по имени предка группы. Они живут в некоторых пунктах Чуйской долины и Тянь-Шаньской области и насчитывают немногим более 100 семей.

Несколько более обособленное положение среди киргизского населения Прииссыккулья занимала до Октябрьской революции группа калмыков, которая была известна под названием *сарт-калмак* (*сарт-калмык*). Она сохраняла некоторые этнографические особенности в быту и отчасти родной язык. Предки сарт-калмыков поселились в окрестностях г. Каракола (ныне Пржевальск) в 1884 г. Позднее в состав этой группы вошли также киргизы из разных племен. От других калмыков эта этнографическая группа отличалась главным образом тем, что исповедовала ислам. В настоящее время большинство сарт-калмыков причисляет себя к киргизам, и по существу они уже слились с окружающим киргизским населением. Сарт-калмыки живут в основном в селениях Бёрюбаш и Чельпек Каракольского района. По данным переписи 1959 г., их насчитывается в Киргизии 2,4 тыс. человек, причем 1845 человек назвали своим родным языком киргизский.

К киргизам относит себя и смешанная этнографическая группа под названием *чала-казак*, населяющая западную часть г. Фрунзе (б. сел. Кызыл-Аскер) и некоторые пункты в Таласской долине.

Киргизский язык принадлежит к северо-западной группе тюркских языков. Во время всесоюзной переписи населения 1959 г. 98,7% киргизов, проживающих в СССР, назвали своим родным языком киргизский.

В антропологическом отношении киргизы в общем мало отличаются от казахов. Однако при тщательном изучении большого числа разных территориальных и этнографических групп киргизов, при детальном сопоставлении их с казахами, с другими народами Средней Азии, а также с алтайцами удалось все же установить, что центральноазиатский монголоидный элемент входит в состав киргизов в еще большем объеме, чем в состав казахов. Но, несмотря на это, киргизы все же немного отличаются и от южных алтайцев и от бурят и занимают промежуточное положение между алтайцами и казахами.

В отличие от казахов, территориальные различия в антропологическом типе киргизов все же намечаются. На Иссык-Куле, на Тянь-Шане и в некоторых группах на Алае особенно центральнопозитивного монголоидного типа выражены несколько более отчетливо, чем в Чуйской, Таласской и Ферганской долинах. Интересно, однако, что среди киргизов ослабление выраженности монголоидных особенностей в общем не

сопровождается уменьшением доли карих глаз, но, хотя и в незначительной степени, связано с уменьшением ширины лица и размеров головы. Это говорит о том, что тип Среднеазиатского междуречья, который не удастся обнаружить в составе казахов, в составе киргизов все-таки имеется, хотя доля его участия очень мала.

Преобладающим в составе киргизов является, таким образом, центральноазиатский монголоидный тип. Безусловно имеется и примесь европеоидных элементов, причем в состав киргизов вошли, по-видимому, оба европеоидных элемента Средней Азии: андроновский, имеющийся также в составе казахов, и памирский, составляющий основу таджикско-узбекского типа Среднеазиатского междуречья.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Вопрос о происхождении киргизского народа, принадлежащего, по мнению В. В. Бартольда, к числу древнейших народов Средней Азии, относится к наиболее сложным в историографии СССР. Его обсуждают в русской и западноевропейской литературе около полутора столетия. Сложность этого вопроса заключается в том, что историческими источниками засвидетельствовано существование двух этнических общностей, носивших название *кыргызы*: в Южной Сибири — на Енисее и в восточной части Средней Азии — в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

В течение некоторого времени главное внимание уделялось истории енисейских киргизов, которые стали известны русским в XVII в. Первым русским ученым, который привел достоверные сведения о киргизах, обитавших в Средней Азии, был П. И. Рычков, написавший в конце 1740-х годов исследование «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются». В 1749 г. эта рукопись была направлена В. Н. Татищеву как материал для его исторических работ. Рычков дает оригинальную краткую характеристику собственно киргизов, которых он отличает от «киргиз-кайсаков» или «казаков» (казахов).

В его исследовании под названием «алатай киргизы» описывается «народ кочевой и сильный», который «за Ташкентом, от Большой Кайсацкой орды расстоянии в пяти или шести днях, кочует около городов Ходжента, Найматана (Намангана. — *Ред.*) и Марталана (Маргелана. — *Ред.*) в горах каменистых и неприступных. Они именованы Ала Тау (отколь сей народ и звание имеет) и суть между Зюнгарского владения и реки Сыр-Дарьи называемой при урочищах Балхаш и Коркур. Их некоторая часть состоит под Зюнгарами, а прочие — особо, которые часто воюют с зюнгорскими калмыками. И збирается их на войну от двадцати до тридцати тысяч человек»¹. Характерно, что среди киргизов до сих пор сохраняется самоназвание *алатоолук кыргыздар* (алатауские киргизы). В опубликованном позднее труде П. И. Рычкова дополнен свою характеристику киргизов: «...и хотя их на войну сбирается не более как около тридцати тысяч человек, но по ситуации жилищ их, зюнгорцы и никто из тамошних владетелей преодолеть их не могут»².

Одновременное существование этнонима «кыргыз» в Сибири и Средней Азии наводило на мысль об общем происхождении и родстве носителей этого этнонима. С 1820-х годов в этом направлении начали высказываться различные гипотезы. Н. Я. Вичурин (Иакинф) выступил с

¹ Рукопись П. И. Рычкова хранится в Архиве АН СССР, разр. II, оп. I, № 126, лл. 1—21. Значение трудов П. И. Рычкова охарактеризовано в статье Л. Шеймана «Русский ученый XVIII в. о киргизах» («Литературный Киргизстан», 1959, № 2).

² П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. [Сочинение П. И. Рычкова 1762 года]. Оренбург, 1887, стр. 95.

обоснованием своей точки зрения, согласно которой тянь-шаньские киргизы имеют самостоятельное происхождение. Он полемизировал с И. Э. Фишером и А. И. Левшиным, настаивавшими на этнической общности енисейских и тянь-шаньских киргизов. Крупный вклад в разработку вопроса о происхождении киргизов внес казахский ученый Чокан Валиханов. В его взглядах имеются противоречия, но все же он склоняется к мысли о том, что киргизы являются аборигенами Тянь-Шаня и приферганских областей. Он доказывал, что кочевые пути киргизов простирались до Алтая и Хангая, куда они совершали переходы на летние пастбища¹. Впервые с концепцией о переселении киргизов выступил В. В. Радлов. Он высказал предположение, что киргизы переселились на Тянь-Шань в период расцвета их государственности на Енисее в X в. Позднее другие исследователи поддержали эту концепцию, считая лишь, что енисейские киргизы могли появиться на Тянь-Шане позднее, в период монгольского завоевания (XIII в.).

С новой, но весьма малообоснованной гипотезой происхождения тянь-шаньских киргизов выступил Н. А. Аристов, отождествлявший древних киргизов с усунями.

В основанном на письменных источниках труде, посвященном истории Семиречья, в состав которого входила значительная часть современного Киргизстана, В. В. Бартольд широко использовал написанное в середине XVI в. на персидском языке сочинение «Тарихи Рашиди» Мухаммеда Хайдера Дуглата, содержащее первые достоверные сведения о пребывании киргизов на Тянь-Шане. Хотя В. В. Бартольд и допускает возможность частичного появления здесь киргизов в X в., но приходит к выводу, что «главная масса киргизов переселилась в Семиречье значительно позже»².

Для решения проблемы происхождения киргизского народа учеными были привлечены письменные источники, в особенности китайские, а также народные предания и данные этнонимии. Тем не менее в дореволюционной литературе эта проблема не получила разрешения. Это можно объяснить прежде всего ограниченностью источников и крупными пробелами в них, а также недостаточным учетом данных сопредельных наук.

Только в советское время появилась возможность поставить решение проблемы этногенеза киргизского народа на прочное научное основание. Первым крупным вкладом явилось издание в 1927 г. труда акад. В. В. Бартольда «Киргизы»³, написанного по просьбе научного центра Киргизской автономной области. В этом труде В. В. Бартольд обобщил все известные к тому времени письменные и литературные источники о киргизах.

Как он сообщает, первым по времени известием о енисейских киргизах является упоминание в труде китайского историка Сыма Цяня о подчинении гуннами на севере царства Гэ-гунь в 201 г. до н. э. Название «гэ-гунь», встречающееся позднее в виде «гянь-гунь» или «цзянь-кунь», некоторые историки отождествляли с названием «кыргыз».

По мнению синолога Пелльо, гянь-гунь — монгольское образование единственного числа и должно читаться как кыркун. На основании анализа многочисленных источников советский ученый Ю. А. Зуев пришел к выводу, что термин «кыркун» (цзянь-кунь китайских летописей) относился к тюркоязычному гуннскому этносу, появление же этнонима «кыр-

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Сочинения. «Зап. Русского географического общества по отд. этногр.», т. XXIX СПб., 1904 стр. 184—189; е г о ж е. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 342—363, 415—417.

² В. В. Б а р т о л ь д. Очерк истории Семиречья. Изд. 2. Фрунзе, 1943, стр. 24—25.

³ В. В. Б а р т о л ь д. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1927. Эта книга была переиздана в 1943 г. с предисловием А. Н. Бернштама.

гыз» он связывает с дроблением гуннского племенного образования и относит к V—VI вв.

Страна Гянь-гунь первоначально находилась, по-видимому, в пределах современной северо-западной Монголии, в той местности, где теперь расположено оз. Кыргыз-Нор. Во время гуннских нашествий гянь-гуньцы были вытеснены на север, в Минусинскую котловину (бассейн р. Енисей), где и смешались с жившими там динлинами. Древнейшей территориально-племенной общностью, в рамках которой начался процесс этногенеза древних киргизов, С. П. Толстов¹ считает именно динлинские племенные союзы.

Из истории китайской династии Тан — «Ган Шу» (618—907 гг.) известно, что китайский полководец Ли-лин, перешедший в 99 г. до н. э. на службу к гуннам, получил от них во владение страну Хягас (так при династии Тан писали этноним «кыргыз»).

В связи с описанием появившихся в VI в. на обширных пространствах Азии тюркоязычных племен, известных под названием ту-кю, «Ган Шу» сообщает о подчинении западнотюркскому правителю Ду-лу в 638 г. народа Гэ-гу (одна из транскрипций этнонима «кыргыз»). По-видимому, одновременно другая часть страны Хягас находилась в зависимости от восточной ветви тюрков, господствовавшей в восточной Монголии. Уже для этого периода источники отмечают наличие среди киргизских племен знати, имущественного неравенства, классово-борьбы.

Некоторые сведения о древних киргизах содержатся в эпитафиях на древнетюркских камнеписных памятниках, известных под названием енисейско-кыргызских и орхонских (открыты на Енисее и Орхоне, прироте Селенги). В них, в частности, сообщается, что восточнотюркским правителям — каганам — пришлось вести борьбу с кыргызами. Борьба продолжалась почти до полного поражения тюрков-огузов и перехода их владений к уйгурам (745 г.). В течение этого времени киргизы поддерживали тесные отношения с Китаем, неоднократно снаряжали к китайцам посольства и вступали с ними в коалицию в борьбе против тюрков. Пространство, населенное киргизскими племенами, простиралось в этот период от верхнего Енисея до Байкала. Южная граница их страны достигала Восточного Туркестана.

После ряда столкновений с кыргызами уйгурам удалось в 758 г. покорить киргизские племена. Однако и после этого киргизы продолжали оказывать уйгурам сопротивление. В 840 г. борьба киргизских феодалов с уйгурскими закончилась поражением последних и взятием их столицы на Орхоне. Часть уйгуров подчинилась киргизам, другие ушли на юг. Между прочим в качестве соседей и союзников киргизов в этот период позднее постоянно упоминаются карлуки — племена, занимавшие господствующее положение в северной части Тянь-Шаня со второй половины VIII и почти до середины X в.

В описываемое время (VII—IX вв.), как сообщают китайские хроники, киргизские племена занимались не только скотоводством, но также охотой и земледелием. Они разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей и верблюдов. Охотились на маралов, лосей, косуль. Сеяли просо, ячмень, пшеницу. У них было свое металлическое производство. Жили в войлочных юртах, питались преимущественно мясом и кобыльим молоком. Одевались в бараньи тулупы, носили войлочные шляпы. Женщины носили шерстяную и шелковую одежду. Перед домом предводителя киргизов, известного под названием ажэ (ср. кирг. *ажэ* — старшóй), стояло знамя. Войско собиралось из всех киргизских родов. На войне пользовались луком и стрелами. Для предохранения от стрел и сабельных ударов ноги,

¹ С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 303—304.

руки и плечи прикрывали небольшими деревянными щитками. Подчиненные киргизам племена платили дань соболями и белками. У киргизов была своя письменность, Исчисление времени велось по двенадцатилетнему животному циклу. По религии киргизы были шаманистами; покойников они сжигали, оставшиеся после сожжения кости через год зарывали в землю.

Китайские сведения о киргизах дополняются персоязычными и арабоязычными источниками IX—XI вв. В них сообщается, что киргизы кочуют со своим скотом, у них нет ни деревень, ни городов, едят они просо, рис и всякое мясо (кроме верблюжьего). Приводятся сведения о почитании огня и планет Сатурна и Венеры, о наличии дома богослужения и молитв, при совершении которых они обращаются к югу, о существовании у них трех годовых праздников.

По степени культурного развития киргизы стояли, по-видимому, выше своих северных и восточных соседей.

Победив уйгуров, киргизские племена, предводительствуемые военно-феодалной знатью, продвинулись на юго-восток и заняли территорию Монголии. Их влияние распространилось до западного Тянь-Шаня. Они продолжали поддерживать дружественные отношения с китайской династией Тан, посылали в Китай посольства, вели торговлю с тибетцами, карлуками и арабами. По-видимому, достигли они соглашения и с уйгурами, жившими уже в Восточном Туркестане, от уйгуров к ним приходили караваны. Из страны киргизов вывозилось много мускуса, высоко ценившегося в мусульманских странах, и мехов, а также березовое дерево и рог.

Центром складывавшегося военно-политического объединения, во главе которого стояла знать киргизских племен, являлась Минусинская котловина и территория, занимаемая современной Тувинской АССР. Киргизская государственность того времени характеризовалась господством раннефеодалных отношений. Для военно-административного объединения киргизских племен были еще весьма характерны сильные пережитки патриархально-родового строя и племенных связей. Вместе с тем это была пора наивысшего расцвета политического могущества киргизов.

В начале X в. временное господство киргизских племен в Монголии закончилось, оно перешло к киданям (или кара-китайам), которые в 924 г. совершили поход из Северного Китая в Монголию. Часть киргизских племен, вероятно, осталась при кара-китаях в Монголии. Однако в течение нескольких последующих столетий источники упоминают главным образом о пребывании киргизов на Енисее, к северу от Саянского хребта.

С возвышением Чингис-хана и завоеванием им Монголии и Средней Азии роль киргизов в политической жизни соседних стран несколько возросла. В 1207 г. Чингис-хан отправил к киргизам послов с требованием покорности. Однако киргизские вожди оказали сопротивление, а в 1218 г. начали войну с монголами. Чингис-хан оказался вынужденным послать против киргизов войско под началом старшего сына — Джучи. Страна киргизов вместе с Китаем и Монголией вошла в состав владений младшего сына Чингис-хана — Тулуя. Участия в монгольских завоеваниях киргизы, по-видимому, не принимали.

О судьбе киргизов в XIV и XV вв. имеются лишь крайне фрагментарные сведения, преимущественно в монгольских, отчасти в персоязычных источниках. Новые сведения о киргизах появились в связи с событиями начала XVI в., но, как говорилось выше, эти сведения относятся уже к киргизам, живущим в пределах Тянь-Шаня.

Большая часть заселенной ныне киргизами территории входила в XVI в. в состав страны, носившей название Моголистана. В упомянутом труде «Тарихи Рашиди» при описании междоусобиц, происходивших в 1503—1504 гг. между наследниками монгольского хана Ахмеда, упоминаются киргизы, которых враждующие стороны признали виновниками

происходивших в Моголистане смут и большей частью перебили. Оставшимся было разрешено кочевать на южной стороне Иссык-Куля. В 1514 г. киргиз Мухаммед оказал большие услуги монгольскому хану Султан Саид-хану в завоевании Кашгарии, за что был награжден подарками и отправлен в Моголистан, где ему подчинились все киргизы. В 1524 г. в страну киргизов пришел казахский хан Тахир, к которому присоединилась большая часть киргизов. Некоторое время киргизы и казахи имели общих ханов, но затем стали выступать самостоятельно. В 1558 г. киргизы и казахи уже не составляли единого политического целого. На протяжении XVI в. и почти всего XVII в. мирная жизнь киргизского населения непрерывно нарушалась. Трудящимся приходилось вести борьбу с гнетом моголистанских ханов, а затем против вторгавшихся на их земли калмыцких, узбекских и других ханов и феодалов. Нередко и киргизские феодалы устраивали грабительские набеги, принуждая своих сородичей принимать в них участие. Мужество киргизских воинов признавали даже враги. Недаром современники называли киргизов «дикими львами» Моголистана. В этот период киргизов не считали мусульманами, хотя отдельные их предводители (в частности, названный выше Мухаммед) исповедовали ислам. По описаниям того времени, киргизы жили в труднодоступных местах; в случае нападения врагов они отсылали свои семьи в глубь гор и сами защищали проходы.

После краткого обзора истории енисейских и тянь-шаньских киргизов уместно снова вернуться к вопросу о том, каким образом и когда появились киргизы на Тянь-Шане, какое они имеют отношение к енисейским киргизам и происходило ли переселение последних на Тянь-Шань.

Много сил посвятил разрешению этих вопросов А. Н. Бернштам. Его гипотеза происхождения современного киргизского народа основывается на дальнейшем развитии положений, выдвинутых в свое время Аристовым и Радловым. А. Н. Бернштам рассматривал появление киргизов на Тянь-Шане как результат переселения сюда енисейских киргизов, которое происходило несколькими этапами: во время движения северных гуннов во главе с шаньюем Чжи-Чжи (начиная с 49 г. до н. э.), в период существования Западно-Тюркского каганата, но главным образом в IX—X вв., в период политического возвышения енисейских киргизов¹. В обоснование своей гипотезы А. Н. Бернштам положил письменные источники (китайские хроники и сочинения восточных авторов), а также археологические материалы, свидетельствующие о связях Тянь-Шаня с Саяно-Алтаем.

Некоторые источники содержат упоминания о пребывании киргизов в домонгольский период в непосредственном соседстве с Тянь-Шанем. Так, в анонимном персоязычном источнике X в. («Худуд ал-Алем») упоминается о киргизах и городе Кыркыз-хана к северу от Тянь-Шаня. Подобного рода указания имеются у Истахри (X в.), Бекрана (XIII в.). Но данные этих и других источников не вполне отчетливы и не позволяют уверенно утверждать, что киргизы обитали здесь до XV—XVI вв., хотя на это и указывают некоторые косвенные факты. Часть страны Хягас, т. е. киргизов, уже в VII в. входила в состав владений западных тюрков, занимавших северный Тянь-Шань; в IX в. енисейские киргизы были соседями карлуков и находились в оживленных сношениях с ними и с другими племенами, занимавшими территорию Тянь-Шаня.

Предложенная А. Н. Бернштамом гипотеза приобрела много сторонников, но в ней имелись слабые места и недостаточно обоснованные

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 46 и сл.; его же. К вопросу о происхождении киргизского народа. «Советская этнография», 1955, № 2; его же. О появлении киргизов на Тянь-Шане в IX—X вв. «Советское востоковедение», 1956, № 4.

утверждения. Назрела необходимость решить эту проблему коллективными усилиями.

Вопрос о происхождении киргизского народа вызывал и вызывает огромный интерес со стороны научной общественности Киргизии. Учитывая неполноту имеющихся источников по этому вопросу и придавая большое значение правильному решению проблемы этногенеза киргизского народа, основанному на выработанном советской наукой комплексном методе, Киргизский филиал Академии наук СССР (ныне Академия наук Киргизской ССР) совместно с Институтом этнографии и Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР организовал в 1953—1955 гг. Киргизскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию, в составе которой действовали археологические, антропологический, этнографический и картографический отряды. После окончания полевых работ экспедиции в 1956 г. в г. Фрунзе была созвана научная сессия по этногенезу киргизского народа, которая подвела итоги исследований этой проблемы и наметила основные пути ее решения.

Еще до проведения сессии складывалось мнение, что в этногенезе киргизского народа принимали участие и центральноазиатские и местные, среднеазиатские, этнические элементы. Однако необходимо было определить удельный вес тех и других и наметить хронологические рамки появления на современной территории выходцев из центральной Азии.

На основе собранных Киргизской комплексной экспедицией материалов и других исследований, а также широкого обсуждения проблемы киргизского этногенеза на указанной научной сессии представителями различных научных дисциплин было установлено, что основное ядро киргизского народа или по крайней мере один из основных компонентов, вошедших в его состав, имеет центральноазиатское происхождение¹.

Антропологические исследования, проведенные под руководством Г. Ф. Дебеца, показали, что центральноазиатский антропологический тип входит в состав киргизов в большей мере, чем в состав любого другого народа Средней Азии, не исключая казахов. При этом удельный вес монголоидного элемента в составе населения Киргизии в I тысячелетии н. э. был гораздо меньше, чем в настоящее время. Палеоантропологические материалы свидетельствуют о резком повышении в Киргизии доли монголоидного элемента центральноазиатского происхождения в первые века II тысячелетия н. э. Эти данные приводят к выводу о том, что именно в это время происходили значительные по своим этногенетическим последствиям исторические события.

Существенное значение для решения проблемы киргизского этногенеза имеют данные языка. Известно, что по ряду важнейших классификационных признаков киргизский язык наиболее близок к горно-алтайскому. Признаки, объединяющие эти языки, могли возникнуть лишь на единой языковой основе и в пределах общей для предков киргизов и алтайцев территории — на Алтае или в приалтайских областях. Киргизский язык не мог сформироваться в обстановке значительной разобщенности между крупными племенными объединениями киргизов, которая была характерна для киргизов на Тянь-Шане. Исследуя историю киргизского языка в свете всех этих факторов, киргизский языковед Б. М. Юнусалиев пришел к выводу, что языковая общность киргизов должна была сложиться за пределами современного местообитания киргизов, скорее всего к востоку от него, причем это произошло в относительно недавнее время, что может быть подтверждено не слишком значительными расхождениями в существующих диалектах киргизского языка.

Таким образом, выводы антропологов и языковедов оказались чрезвычайно близкими друг другу.

¹ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959.

Широко привлеченные к решению проблемы этногенеза киргизского народа этнографические данные позволили сделать чрезвычайно важные выводы. Хотя в культуре киргизского народа, в особенности в его материальной культуре, имеется много черт, свидетельствующих о его тесных связях с другими народами Средней Азии и Казахстана, следует признать, что эта общность элементов культуры должна рассматриваться как сравнительно позднее явление. В то же время многочисленные факты, относящиеся к различным сторонам материальной культуры, хозяйства и мировоззрения, а также этновимика и народные предания убедительно говорят об этногенетических связях киргизов с народами Алтая, Прииртышья, Монголии, Восточного Туркестана, а также притибетских районов.

Эти факты позволяют выдвинуть положение о том, что процесс формирования современных киргизских племен происходил главным образом на территории восточного При Тяньшанья и прилегающих областей на базе тюркоязычных племен, значительная часть которых по своему происхождению, вероятно, восходит к племенам эпохи тюркских каганатов и государств VI—X вв. В более поздний период в процесс киргизского этногенеза включились и некоторые племена монгольского происхождения. На территории Средней Азии, куда киргизы продвинулись, очевидно, в послемонгольское время, состав формировавшейся здесь киргизской народности пополнялся, с одной стороны, казахско-ногайскими элементами, а с другой — местными, среднеазиатскими, в лице узбеков и отчасти таджиков.

В этой связи значительный интерес представляет сложная группа так называемых ичкиликов, обосновавшихся на территории современной Киргизии, в ее юго-западных районах. Высказывавшиеся неоднократно мнения о чуждости этой группы киргизам в целом в свете последних данных этнографии и языкознания должны быть отброшены. Однако сложение этой группы происходило в силу разных причин особыми путями. Появление основного ядра ичкиликов в Средней Азии, куда они пришли преимущественно с территории Восточного Туркестана, можно связывать с движением группы киргизов через Каратегин в Гиссар в 1635—1636 гг. Однако здесь ичкилики впитали в себя значительные группы местного тюркоязычного населения. Об одной из таких крупных групп упоминал в своих мемуарах узбекский султан Бабур, называя ее чакрак (чограк, чегерак) и отмечая, что она занималась разведением яков. Известно, что яководством в пределах Средней Азии и поныне занимаются главным образом памиро-алайские киргизы — ичкилики. В этническом же составе ичкиликов выявлены среди племен нойгут и тейит небольшие группы, сохранившие этноним «чогорок».

В самое последнее время положение, выдвинутое этнографами и языковедами, нашло подтверждение в сведениях, обнаруженных в хранящейся в Ленинграде таджикоязычной рукописи «Маджму' ат-таварих» («Собрание историй») ферганского автора муллы Сейфадина Ахсикенди, датируемой началом XVI в. Рукопись была описана А. Т. Тагирджановым и исследована им и В. А. Ромодиним. В этом источнике приводятся названия почти всех основных киргизских племен, известных и в XIX и XX вв.; таким образом, их можно отнести к числу наиболее древних этнических компонентов, образовавших киргизскую народность. На основании указаний, содержащихся в рукописи, можно считать, что этнический состав киргизов к началу XVI в. уже успел стабилизироваться, а это не могло произойти слишком далеко за пределами территории Тяньшаня и Памиро-Алая, на которой киргизы жили уже в XVI в.

Как показывают многочисленные данные, в настоящее время вопрос об исконном генетическом родстве между енисейскими и тянь-шаньскими киргизами должен, по-видимому, решаться отрицательно, хотя и нельзя

отвергать возможности частичного включения потомков енисейских киргизов на более позднем этапе в состав сформировавшейся киргизской народности. Заслуживает внимания мнение А. Х. Маргулана¹, который развивает выдвинутую в свое время Чоканом Валихановым концепцию об исконной связи киргизских племен с территорией Тянь-Шаня и Памира, и доказывает, что, совершая перекочевки из этих областей вплоть до Саяно-Алтая, киргизские племена имели связи с жившими там племенами, в том числе и с енисейскими киргизами.

Вопрос о более точной локализации и этническом облике центрально-азиатского ядра киргизской народности и о времени его появления на территории современного местобитания киргизов все же не может пока считаться окончательно выясненным. В последнее время К. И. Петровым сделана попытка его решения². Автор отрицает тождество енисейских киргизов с тянь-шаньскими и отклоняет версию о переселении основной массы предков киргизов на Тянь-Шань в домонгольский период. Киргизская народность на Тянь-Шане сформировалась, по его мнению, из трех основных этнических компонентов, главным из которых были тюркоязычные племена, вышедшие из так называемого Енисейско-Иртышского междуречья после разгрома Чингис-ханом найманов и изгнания их с Алтайского нагорья.

Судьбу киргизских племен К. И. Петров рассматривает в тесной связи с судьбой восточнокыпчакских племен. Эти кыпчакско-киргизские племена продвинулись в XIII в. в Или-Иртышское междуречье и на Алтайско-Хангайское нагорье. Их продвижение сюда, по утверждению автора, началось в ходе междоусобной борьбы потомков Чингис-хана — Хубилая и Хайду и их преемников. Основываясь на данных некоторых монгольских хроник, К. И. Петров выдвигает гипотезу о временной гегемонии киргизов во главе с ханами Угэчи Хашага и его сыном Эсэху над ойратами на Алтайско-Хангайском нагорье в первой четверти XV в. Именно в этот период киргизские племена начали активное продвижение на Тянь-Шань и к последней трети XV в. распространились по всему Тянь-Шаню.

Большое значение в этом движении киргизов автор придавал 70-м годам XV в., когда центральный Тянь-Шань стал местом пребывания улуса ойратского предводителя Амасанджи-тайши, которого он также считает потомком киргизских ханов. Пришедшие с ним киргизы стали самым многочисленным этническим массивом на Тянь-Шане, слившимся в дальнейшем с конгломератом местных тюрко-монгольских племен, известных под названием моголов. Во второй половине XV в. завершилась консолидация киргизской народности. На Тянь-Шане возникло обширное «киргизско-монгольское государство (улус)».

Как можно видеть из краткого изложения концепции К. И. Петрова, в ее основе лежат те идеи, которые были выдвинуты большинством ведущих участников упомянутой выше научной сессии по этногенезу киргизского народа (1956 г.). Главными источниками, на которых построены его работы, и явились, с одной стороны, материалы этой сессии, а с другой — неопубликованные переводы извлечений из сочинений восточных авторов, выполненные группой востоковедов, и, кроме того, давно опубликованные, но заново прокомментированные автором труды и источники.

Ряд важных положений, сформулированных К. И. Петровым, носит убедительный характер, другие — чрезвычайно спорны. Выводы автора не свободны от противоречий. В целом же выдвинутая им концепция еще

¹ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, стр. 175—201.

² К. И. Петров. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII—XV вв. Фрунзе, 1961; его же. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII веках. Фрунзе, 1961.

нуждается в серьезном обосновании, так как многие из приводимых в ее пользу аргументов зиждутся на случайных фактах, не всегда доказательственной интерпретации источников и умозрительных заключениях. Труды К. И. Петрова могут оказаться полезными для дальнейшей разработки сложной проблемы происхождения киргизской народности.

Исследования советских археологов вскрыли картину богатой культуры, развивавшейся на территории современной Киргизии. Поскольку в состав киргизской народности в той или иной мере вошли потомки племен, населявших Тянь-Шань в древности и в средние века, сохраняется известная преемственность их культуры с культурами этих племен. В скотоводческом хозяйстве киргизов можно усматривать продолжение кочевых традиций древних насельников Тянь-Шаня — саков (VII—IV вв. до н. э.), усуней (III в. до н. э. — IV в. н. э.), тюрков. В земледельческой культуре киргизов оставила следы широко развитая земледельческая культура ираноязычного населения Тянь-Шаня — согдийцев (V—VI вв. н. э.) с их искусными ирригационными сооружениями и техникой обработки земли. В прикладном изобразительном искусстве киргизов обнаруживаются отдельные элементы орнамента согдийцев и тюркского населения Тянь-Шаня VIII—XII вв.

Таким образом, киргизы выступают перед нами не только как участники создания культурных ценностей на Тянь-Шане, но и как продолжатели традиций культурной жизни населения Тянь-Шаня, сохранившие ее следы в своей материальной культуре и в народном творчестве.

Как же сложилась судьба той части киргизов, которая осталась на Енисее? Ко времени прихода в Сибирь русских в XVII в. киргизы составляли четыре княжества: Тубинское, Езерское, Алтырское и Алтысарское. Они занимались тогда охотой и скотоводством. Посевов у них не было. Рядовые охотники и скотоводы, искавшие мирной и безопасной жизни, стремились переходить в русское подданство. Киргизские же князья, не желавшие лишаться доходов, которые давала им эксплуатация труда местного населения, а также дани, поступавшей от подвластных племен, начали вести упорную борьбу с русскими воеводами, которая продолжалась в течение всего XVII в.

В начале XVIII в. 2500 семей киргизов были уведены из Южной Сибири калмыками, и с тех пор среди народов Сибири киргизы не упоминаются. Однако имеются основания считать, что отдельные группы из среды киргизских племен остались в пределах своего прежнего местобитания, и, утратив свое самоназвание, язык и бытовой уклад, вошли в состав племен, консолидировавшихся ныне в народность хакасов в пределах Хакасской автономной области, а также в состав тувинцев.

В конце XVII в. усилилось Джунгарское государство, и в 1680-х годах тянь-шаньские киргизы оказались под властью калмыков (ойратов). При этом большая часть киргизов, по-видимому, была вытеснена калмыками и ушла в Ферганскую долину, на Памир и Алай, а также отчасти в соседние районы Кашгара. Обратное из Ферганы на Тянь-Шань часть киргизов вернулась после прекращения существования ойратского государства в 1758 г., когда на территории Джунгарии уже почти не осталось калмыцкого населения. В местах, оставшихся свободными от калмыков, в дальнейшем были расположены кочевья некоторых киргизских племен. Передвижения кочевых групп киргизов совершались тогда на весьма значительные расстояния.

Киргизское население, жившее в Кашгаре, так же как и киргизы Тянь-Шаня и Ферганы, принимало участие в различных политических событиях, происходивших на этих территориях. Часть киргизских феодалов вместе с подвластным им населением была втянута в междоусобную борьбу так называемых белогорских и черногорских ходжей в

Восточном Туркестане. В китайском сочинении того времени киргизы описываются как отважные и храбрые воины. Сообщается, что они бреют голову, не едят свиного мяса, платье носят с узкими рукавами, шапки квадратные с плоским верхом, своих старейшин называют биями; каждое племя имеет своего бия; это звание передается по наследству.

Ценные сведения о киргизах, относящиеся к последней четверти XVIII в., привел капитан И. Г. Андреев, один из первых русских авторов, писавших о тьяншаньских киргизах. В третьей главе его «Описания Средней орды киргиз-кайсаков» он пишет о расселении, политической жизни, занятиях и родоплеменном устройстве киргизов¹.

Правители возникшего в Ферганской долине в XVIII в. Кокандского ханства избрали киргизские земли одним из главных объектов своей захватнической политики. Киргизские народные массы оказывали кокандским войскам упорное сопротивление. Последние, постепенно продвигаясь на Тянь-Шань, построили здесь ряд военных укреплений: в Тогуз-Тороо, Кетмень-Тюбе, Куртке, Джумгале, Кочкорке. Проникнув в Чуйскую долину, они воздвигли крепости в Кара-Балты, Аксу (Беловодске), Пишпеке, Токмаке, а затем на Иссык-Куле — в Барскоуне, Караколе и т. д. Созданные укрепления служили опорными пунктами управления захваченным краем, они должны были охранять от нападений торговые караваны, обеспечивать сбор податей. Около многих крепостей возникли узбекские оседлые поселения.

Кокандским феодалам удалось подчинить себе большую часть киргизских племен, пользуясь их раздробленностью и межплеменной борьбой. В полной зависимости от них оказалось киргизское население, жившее в восточной части Ферганской долины. Ставленники кокандского хана регулярно собирали дань с племен солто, саяк, кытай и других; племена бугу и сары багыш временами выходили из подчинения кокандским властям; территория расселения племен черик и багыш была труднодоступна, но и они отчасти подчинялись кокандцам; памирские, бадахшанские и каратегинские киргизы в разное время были подвластны Бухаре, Кундузу и Коканду. В горных районах власть держалась исключительно на военной силе. Насколько непрочны чувствовали себя сатрапы кокандского хана в Киргизии, говорит тот факт, что гарнизоны крепостей не рисковали уходить далеко в кочевья и отсиживались в крепостях, а для сбора податей им приходилось ежегодно весной и осенью снаряжать иногда довольно внушительные военные отряды.

Закончив в 30-х годах XIX в. захват всей территории современной Киргизии, кокандские ханы ввели здесь тяжелый деспотический военно-феодальный режим. Господство Кокандского ханства было ознаменовано установлением многочисленных и обременительных для трудового населения налогов и поборов.

Основными видами податей, которые взимались с трудящихся киргизов, являлись «подымный» сбор по овце с юрты (*тундук зекет*), сбор по одной голове скота с 50 голов, а иногда с 40 и даже 10 (*алал зекет*) и сбор с земледельцев по три овцы с гумна (*жараж*). Собиралась и военная подать — три овцы с юрты. Кроме того, трудящиеся массы киргизов обязаны были снабжать хлебом гарнизоны, поставлять скот для продовольственных нужд не только хана, но и его двора, кормить сборщиков податей, в случае надобности — выставлять всадников в ханские войска и т. п. Тяжесть податей усугублялась злоупотреблениями и поборами со стороны сборщиков. Особенно жестокой была земельная политика кокандских властей, сто-

¹ И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргиз-кайсаков с касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Кольванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями. «Новые ежемесячные сочинения», ч. СХ — СХVIII. СПб., 1795—1796.

нявших трудовые киргизские хозяйства с плодородных земель в Ферганской долине. Для несения полицейской службы кокандские наместники назначали в каждом киргизском роде чиновников (*илбеги*), которые кочевали вместе с аилами (аулами) киргизов.

Феодално-родовая знать южнокиргизских племен принимала активное участие в политической жизни ханства. Она оказывала большую помощь кокандским ханам в сохранении господства над киргизами. Таким образом, политика насилий и грабежа, проводившаяся кокандскими властями, пользовалась поддержкой киргизских феодалов, на которых в первую очередь и опирались ханские чиновники. Представителям киргизской знати кокандские ханы раздавали чины и должности как в войсках, так и в гражданском управлении.

Захват освоенных трудовым киргизским населением земель, беззастенчивая эксплуатация и обирательство трудовых скотоводческих хозяйств со стороны купцов, скупавших за бесценок сырье и скот, разорительные поборы и повинности, жесточайший произвол—такова была политика кокандских правителей по отношению к киргизам. Усилилось также влияние реакционной идеологии ислама на киргизов. Доведенные до отчаяния систематическими притеснениями и насилием, киргизы систематически восставали против кокандской власти. Так, в 1843 г. иссыккульские киргизы выгнали кокандцев из укреплений в Караколе, Барскоуне и Конур-Улене, в 1845 г. восстали ошские киргизы, в середине 50-х годов XIX в. поднялись на борьбу тяньшавские киргизы, а в 1857—1858 гг. произошли совместные восстания против ханского гнета киргизов и казахов в Чуйской долине и в районе современного Джамбула. В первой половине 60-х годов XIX в. началось освободительное движение против Кокандского ханства среди племени солто и саяк, приведшее к добровольному принятию ими подданства России.

Наконец, в 1873—1874 гг. в южной Киргизии вспыхнуло одно из самых крупных в истории киргизского народа в XIX в. народно-освободительное восстание, направленное против колониально-феодалного гнета Кокандского ханства. Восставшие уничтожали кокандские крепости, убивали сборщиков податей, ханских чиновников. Движущей силой восстания были киргизские скотоводы и дехкане, а также часть трудящихся узбеков. Это восстание было борьбой не только за освобождение от гнета Кокандского ханства, но, как будет показано ниже, и за присоединение к России.

В период господства кокандских ханов не прекращалась междоусобная борьба между киргизскими феодалами. Когда же в результате перечисленных восстаний зависимость ряда крупных киргизских племен от Коканда сильно пошатнулась, феодальные междоусобицы еще более обострились. Страдающей стороной всегда оказывались трудовые массы, подвергавшиеся ограблению.

Межплеменные и феодальные войны были повсеместным явлением вплоть до присоединения к России. Характер феодальных набегов приобрели и нападения с целью угона скота (*барымта*), ранее служившие средством разрешения межплеменных споров или насильственного возмещения ущерба, понесенного тем или иным аилом, иногда своего рода формой обеспечения иска. К началу XIX в. барымта превратилась уже в средство захвата скота и пленных в интересах феодальной верхушки киргизского общества. С развитием классовых противоречий масштабы и цели этих войн менялись. Из мелких набегов они превращались в крупные военные столкновения с целью захвата территории, скота и расширения эксплуатации трудовых масс.

Кокандский гнет, обременительные для народных масс войны киргизских феодалов между собой, войны между киргизскими и казахскими феодалами толкали трудящиеся массы киргизских племен на поиски

выхода из кризиса. К середине XIX в. войска царского правительства, осуществляя завоевательную политику царизма в Средней Азии, вплотную подошли с севера к территории Кокандского ханства. Стремление киргизских народных масс к освобождению от власти кокандских ханов, от их непосильных поборов и грабежей, а также к прекращению разорительных междоусобных феодальных войн нашло выход в добровольном присоединении всех основных северокиргизских племен к России. Переход под покровительство и защиту России был единственным реальным выходом из назревшего кризиса. Интересы некоторых крупных киргизских феодалов — манапов, рассчитывавших при поддержке царской администрации упрочить свое положение в междоусобной борьбе, временно совпали со стремлением народных масс.

Присоединение северной Киргизии к России происходило одновременно с военным разгромом кокандских отрядов русскими войсками. В борьбе России с Кокандским ханством основные массы киргизского населения встали на сторону России.

Дипломатические сношения северокиргизских племен с Россией начались значительно раньше, еще в конце XVIII в. В 1786 г. киргизский бий Атеке отправил посольство ко двору Екатерины II. В 1814 г. племя бугу послало своих представителей к русским властям в Западной Сибири. Следующая делегация была направлена этим племенем в 1824 г. в Семипалатинск и Омск. Она возвратилась в 1825 г. на Иссык-Куль в сопровождении русского отряда. Участник этого похода лекарь Зибберштейн в своих «Путевых замечаниях» — одном из самых обстоятельных описаний киргизов первой половины XIX в. — рассказал о дружелюбном приеме, оказанном русским на Иссык-Куле. В дальнейшем (844, 1847, 1852 гг.) также предпринимались попытки вождей племен бугу и сары багыш вступить в подданство России, в сношения с русской администрацией. Но практических результатов эти попытки установления связи с Русским государством не имели. Причины заключались в большой удаленности Киргизии от России и в сложности внутреннего и международного положения России. Лишь в 1855 г. племя бугу, возглавлявшееся дальновидным вождем Бороомбаем, вновь пославшее своих представителей в Россию, было принято в подданство России и включено в состав Алатавского округа.

В 1862 г., с завоеванием кокандской крепости Пишпек, была присоединена к царской России вся Чуйская долина. В течение последующих лет присоединились к России другие киргизские племена северной Киргизии.

Включение южнокиргизских племен в состав Русского государства произошло позднее, после упоминавшегося народного восстания 1873—1874 гг. и присоединения почти всего Кокандского ханства к России. Однако многие из южнокиргизских племен также рассматривали принятие подданства России как единственный путь облегчения своего тяжелого положения.

Присоединение Киргизии к России, совершившееся в 60—70-х годах XIX в., сыграло огромную прогрессивную роль в истории киргизского народа. Самым решающим последствием включения Киргизии в состав России было то, что киргизский народ вошел в состав страны, которая быстрыми шагами шла навстречу революции, становилась центром мирового революционного движения. Оказавшись в составе Русского государства, киргизский народ избавился от гнета кокандской деспотии и от опасности быть поработанным одним из соседних отсталых восточных государств. Тем самым он уже не мог стать и колониальной добычей британского империализма, алчные интересы которого все более приближали его к границам Киргизии.

Важнейшим положительным результатом присоединения Киргизии к России было сближение киргизского народа с великим русским народом,

осуществлявшееся независимо от целей, которые ставил себе царизм, от его воли и желания. Это сближение привело к тому, что киргизский народ начал испытывать благотворное влияние русской культуры на различные стороны своей материальной и духовной жизни и знакомиться с демократическими, революционными идеями передовой части русского общества. Судьба киргизского народа соединилась с судьбой русского народа, самого революционного в мире русского рабочего класса. Свою подлинную свободу киргизский народ получил в дальнейшем из рук этого революционного народа.

Царское правительство в первые годы осуществляло управление киргизами через представителей феодально-родовой знати — манапов, которые были признаны главарями племен и родов. С 1867 г. было введено выборное начало, согласно которому в качестве волостных управителей, биев (народных судей) и айльных старшин, составлявших низовую администрацию, могли избираться не только манапы, но и другие лица. «Выборы» сопровождались борьбой различных манапов за названные должности, в ход пускались подкупы, взятки, нередко дело доходило до крупных вооруженных столкновений с человеческими жертвами; после выбора манапа или его ставленника все понесенные расходы и убытки перекладывались на плечи подчиненного ему населения. В осуществлении своей колониальной политики царское правительство широко пользовалось поддержкой киргизской знати — манапов и байства.

К моменту присоединения Киргизии к России в киргизском обществе безраздельно господствовали патриархально-феодальные производственные отношения. Основные черты этих отношений у киргизов, как и у других кочевников, сложились еще в конце I тысячелетия н. э. Разумеется, за истекшее тысячелетие патриархально-феодальные отношения претерпели некоторые изменения. Однако низкий и застойный характер производительных сил в условиях кочевого скотоводства, постоянные потрясения, которые переживали кочевые племена в результате опустошительных набегов со стороны завоевателей, сменявших друг друга, были причинами крайне медленной и мало ощутимой эволюции в производственных отношениях.

Своеобразие господствовавших в киргизском обществе патриархально-феодальных отношений заключалось в том, что эти отношения развивались в условиях полукочевого и кочевого скотоводческого хозяйства и патриархально-родового быта. Для них были характерны многие черты, свойственные ранним формам феодальных отношений. Одну из основных особенностей этих отношений можно видеть в том, что они переплетались с остатками и пережитками дофеодальных, патриархально-родовых общинных отношений.

Основную массу киргизского населения составляли *букара*, *чарба* — владельцы сравнительно небольших стад. Во главе той или иной группы населения стояла феодально-родовая знать в лице биев и манапов. Эксплуатация трудящихся манапами и биями происходила в рамках пронизывавшей общественную жизнь идеологии «родового единства», «родовой солидарности», находивших выражение в многообразных явлениях патриархально-родового быта. Букара была опутана сетью различных форм эксплуатации и повинностей, ставивших ее в зависимое положение от манапов и биев, причем ей внушалось, что она получает «благоденствие» и «помощь». Пользуясь большой живучестью патриархально-родовых традиций, манапы и бии не только широко использовали их для маскировки феодальных по своему содержанию форм эксплуатации, но и активно способствовали консервации этих традиций, выступая в роли хранителей и толкователей родовых обычаев и обычного права (*заң*, *нарк*).

В основе классового деления лежало различное отношение членов киргизского общества к главному средству производства, каким являлась

земля, особенно пастбища. Решающее значение в условиях скотоводческого хозяйства имела именно феодальная собственность на землю, которая и была основой патриархально-феодальных отношений у киргизов. Хотя владение пастбищами у киргизов внешне имело общинный характер, на деле все пастбища были по елены между крупными биями и манапами, которые и распоряжались ими и другими землями в качестве феодальных владельцев. Тем самым создавалась монополия владения землей, принадлежавшая феодальной верхушке киргизского общества, другими словами, возникали своеобразные формы частной земельной собственности, далеко не соответствовавшие той форме общинной собственности на землю, представление о которой отражалось в обычном праве киргизов и ревниво охранялось феодальной знатью в ее классовых интересах. Таким образом, племенная и родовая собственность на пастбища существовала лишь номинально, выступая как юридическая фикция фактически феодальной формы земельной собственности.

Феодальная верхушка киргизского общества присвоила себе главным образом право распоряжения территорией кочевий. Манапы устанавливали границы кочевания для подвластных им групп кочевников, определяли порядок пользования теми или иными пастбищами. Пользуясь захваченным ими правом распоряжаться общинными землями, манапы установили особенно строгий контроль над наиболее ценными пастбищами: долиной р. Сусамыра, районом вокруг оз. Сон-Куль и др. Широко известными пастбищами в Алайской долине фактически владели крупная родоуправительница Курманджан-датха и ее сыновья.

Захват общинных земель происходил и путем образования феодальной собственности в формах, аналогичных земледельческому феодальному обществу. Отдельные манапы объявляли некоторые урочища своей личной собственностью (*корук*). Лучшие из этих урочищ, иногда участки леса, огораживались глинобитными дувалами и охранялись; в них никому не разрешалось пользоваться деревьями, охотиться и т. д.

Богатейшие и наиболее посещаемые кочевниками пастбища крупные манапы превратили в источник доходов. За пастьбу скота они взимали натуральные поборы, своеобразную ренту в виде скота, носившую название *от май*, или *чеп ооз* (т. е. побор за траву). Взимались также поборы за прогон скота через мосты и даже через территорию, на которую распространялась власть данного манапа. О таких поборах (их называли *туяк-пул*, т. е. покопытная подать), взимавшихся со скотопромышленников и торговых караванов, упоминает в своем описании Чокан Валиханов.

Своеобразие имущественных отношений заключалось, таким образом, в том, что понятие «родовой» или «племенной» собственности прикрывало захват земли феодальной знатью. Концентрация больших земельных массивов и скота в руках манапов, биев и баев приводила к тому, что многие рядовые кочевники постепенно лишались важнейших средств производства и попадали в кабальную зависимость от феодально-байской верхушки.

Охарактеризованные формы собственности определяли классовую структуру киргизского общества, положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения.

В течение всего периода существования классового киргизского общества феодально-родовая знать выступала как эка омически и политически господствовавшая группа. Основной костяк ее в XVIII в. и в более раннее время составляли феодальные владельцы — бии, в руках которых сосредоточивалось руководство общественной жизнью, в том числе и суд — главнейшая функция управления в то время. Поэтому в дальнейшем звание бия и стало отождествляться со званием судьи. Но в действительности положение бия определялось раньше не судеbnыми функциями, а господством в жизни киргизского общества. Для XVIII в. это очень хорошо отмечают китайские источники.

В первой половине XIX в. в северной Киргизии получил распространение новый социальный термин «манап», который постепенно вытеснил понятие бия как феодального владетеля (в южной Киргизии феодалов по-прежнему продолжали называть биями). Появление этого нового термина до недавнего времени было принято связывать с образованием манапства как нового, отличного от прежних биев социального института. В действительности, как это позволяют теперь установить этнографические данные, манапами называли вначале всех лиц, принадлежавших к одному из подразделений в составе племени сары багыш, носившему наименование манап по имени своего родоначальника, жившего в XVII в. Феодалы из подразделения манап не только заняли привилегированное положение внутри племени сары багыш, но и распространили свое влияние на другие киргизские племена. В силу этого термин «манап» стал нарицательным для феодалов и из других подразделений этого племени, а впоследствии начал применяться и по отношению к биям из других племен. Таким образом, с термином «манап» нельзя связывать появление нового социального института. Никакой принципиальной разницы между биями и манапами не было.

Власть манапа, как правило, передавалась по наследству. Наиболее крупные из манапов и биев распространяли свою власть на обширные территории с разноплеменным населением.

В зависимости от крупных феодалов (*ага манап* или *чоң манап*) находились средние манапы (*орто манап*) и мелкие манапы (*чала манап*). Каждый из них имел то или иное количество зависимого от него населения. Вся эта феодальная верхушка не только распоряжалась пастбищами в своих узкокорыстных интересах, прикрываясь общинными порядками. Крупные манапы и бии сами являлись владельцами многочисленных табунов лошадей, отар овец, стад коров, верблюдов и яков. В их руках была сосредоточена большая часть скота. Остальной скот составлял частную собственность мелких скотоводов, хотя и среди них он был распределен весьма неравномерно.

В первой половине XIX в. в числе крупных феодалов северной Киргизии, державших в зависимости средних и мелких феодалов и значительное количество подвластных им кочевников, а отчасти и земледельцев, были старший манап племени сары багыш Джантай, у которого насчитывалось до 700 юрт букары, главный манап племени¹ бугу Бороомбай — до 1000 юрт, манап Уметаалы (сын известного феодала Ормона) из племени сары багыш — 1500 юрт и его брат Чаргын — до 1000 юрт букары. Некоторые крупные манапы передавали в наследство сыновьям целые родовые подразделения. Так, сыновья манапа Тюлөёберди (из подразделения талкан племени солто) после его смерти разделили принадлежавшую им букару как наследство. Каждый из них получил свою долю (*энчи*). Чыны взял себе роды беш кёрюк и мааке, Канаю отдал род телёк, Эшкоджо — роды жоо чалын, шалта и кара сакал, Карбозу — род асыл баш. Это очень походило на своеобразную удельную систему. Весьма многочисленным был слой манапов, имевших в подчинении менее 100 хозяйств.

Феодально-родовой знати противостояла букара. Это была преимущественно феодально-зависимая масса трудящихся кочевников и земледельцев. Однако букара не представляла собой однородной массы. Внутри букары была отчетливо выражена имущественная дифференциация. По

¹ Следует подчеркнуть условность употребляемых в тексте терминов «племя» и «род». По своему содержанию племенные и родовые деления уже давно не соответствовали родоплеменной организации, свойственной первобытнообщинному строю. Это уже не были кровнородственные союзы, о которых писал Ф. Энгельс. Возглавлявшиеся манапами и биями большего или меньшего размера группировки сохраняли старую форму племен и родов, которые были объединены друг с другом реальным или легендарным генеалогическим родством, как звенья строго регламентированной родоплеменной структуры.

существо не отличался по общественному положению от знатных манапов выделившийся в составе букары слой баев — богатых скотовладельцев, поэтому его с полным основанием можно отнести к господствующему классу. В то же время росло число бедняцких хозяйств, находившихся в полной зависимости от баев и манапов. Часть бедняков (*коңшу*) кочевала вместе с манапами и баями и обслуживала их скот на условиях отработок, другие бедняки не кочевали, но обрабатывали на тех же условиях землю баев. Бедняки, лишившиеся скота, были самой угнетенной частью общества. Их использовали в качестве домашней прислуги (*малай*), пастухов овец (*койчу*), табунщиков (*жылыкчы*) и поденщиков (*жалчы*).

Середняки до поры до времени сводили концы с концами, но их уверенность в завтрашнем дне при всесии манапов и частых бескормицах была весьма относительной.

Но не только труд букары обогащал представителей феодальной знати. Вплоть до присоединения к России у киргизов продолжали существовать остатки патриархального рабства. Рабами (*кул*) были главным образом военнопленные. Кроме того, рабами становились преступники, за которых их сородичи отказывались уплатить выкуп. Манапы включали рабов в состав калыма и приданого, выставляли их в качестве призов на скачках, ими уплачивали выкуп за кровь (*кун*). В основном их использовали в домашнем хозяйстве в качестве прислуги и отчасти в скотоводстве. Сами рабы не считались членами родовой общины, потомки же их входили в число членов данной общины, но с ограниченными правами. Широкого распространения рабство у киргизов не получило. Кроме потомков рабов, в состав родовой общины могли входить припущенники — члены чужих родов (*кирме*), продолжавшие сохранять свое родовое наименование. Они обычно попадали в такую же зависимость от местного феодала, как и другие члены общины.

Системе патриархально-феодальных отношений у киргизов была свойственна характерная черта феодализма — неполная собственность феодала на работника производства. Она проявлялась в своеобразных формах закрепощения сородичей — под видом покровительства и помощи нуждающимся родственникам. Одни манапы отдавали своих сородичей в качестве составной части калыма, другие — дарили или обменивали их на киргизов же, но не сородичей, третьи — насильственно переселяли целые группы хозяйств своей букары по каким-либо политическим или семейным соображениям. Манап вмешивался и в личную, семейную жизнь букары, лишая рядового кочевника возможности жениться без своего разрешения или иногда заставлял его развестись с женой, отбирая полученный сородичем калым и т. п.

Киргизские феодалы широко пользовались различными формами эксплуатации букары, прикрываемыми патриархально-родовой оболочкой «помощи» обедневшим скотоводам. Одной из наиболее распространенных форм такой эксплуатации являлось наделение бедняков скотом, носившее название *саан* (буквально — доение). За предоставление во временное пользование части принадлежавшего ему молочного скота или овец нуждающимся сородичам-беднякам, с правом последних использовать по своему усмотрению молоко и шерсть, манап обязывал их отрабатывать в своем хозяйстве иногда целыми семьями: ухаживать за скотом, заготавливать топливо, обслуживать земледельческое хозяйство — поливать посевы, караулить их и т. п. Полученный от манапа скот надо было целый год кормить, а приплод сохранить.

Другой формой эксплуатации этого же типа, носившей название *куч*, являлось предоставление манапами и баями во временное пользование нуждающимся сородичам вьючного скота для перекочевки, либо рабочего скота для обработки поля. За эту «помощь» бедняк должен был отработать манапу или баю в его хозяйстве.

Обе эти формы феодальной эксплуатации имели характер отработочной ренты, своего рода барщины, носившей лишь внешние признаки родовой взаимопомощи. Вступая в такого типа отношения с манапом и баем, обедневший скотовод или земледелец попадал в кабальную зависимость к феодалу, оказываясь в известной мере закрепощенным им.

Явные черты барщины имела и такая форма «помощи» манапу или баю, как *ашар*. По предложению манапа зависимая от него букара в короткое время коллективно выполняла в его хозяйстве какую-либо большую работу, связанную с обработкой полей и уборкой урожая. От манапа требовалось только угостить своих даровых работников.

Среди киргизов, в особенности на юге, получила развитие эксплуатация беднейшего дехканства и в форме издольщины (*ортюк*).

Все эти виды эксплуатации были очень изнурительными для букары. Однако ими дело не ограничивалось. У киргизов получила большое развитие и рента продуктами, ложившаяся тяжелым бременем на плечи букары. Манапы заставляли подвластное им население систематически платить оброк, носивший название *салык*; он взимался скотом (обычно овцами и лошадьми) и продуктами. Кроме того, букара была обязана доставлять скот и продукты для манапского стола (*союш*), покрывать расходы, произведенные манапами на угощение гостей, пиры и праздники (*чыгыл*), собирать скот для призов на скачках и состязаниях, для подарков по случаю свадьбы членов манапской семьи. Охотники должны были в обязательном порядке доставлять добытую дичь к столу манапа, искусные мастера — «дарить» манапу лучшие образцы своего труда.

В тех случаях, когда авторитет и сила патриархальной традиции, освященной веками, оказывались недостаточными, на сцену выступали исполнители манапской воли — безжалостные джигиты, с нагайкой в руках приводившие в повиновение непокорных, а также манапский суд. Манапы нередко сами, паряду с судьями-биями, осуществляли судебные функции, получая за решение дела с тяжущихся судебную пошлину (*бийлик*), а с виновной стороны штраф (*айып*). В большинстве случаев бий-судьи также были ставленниками манапов и не решали ни одного дела без совета с ними.

В судебной практике и манап и бий руководствовались неписанным обычным правом. Оно исходило из уже сложившихся твердых положений неравенства между богатыми и бедными, между мужчиной и женщиной. Например, величина выкупа за кровь колебалась в зависимости от того, какое общественное положение занимал убитый, был ли он богат или беден. Таким образом, родовые обычаи и суд биев служили важным идеологическим оружием в руках господствовавших классов. Использовались и другие формы идеологического воздействия на массы.

Большую роль в сохранении косности, отсталости общественной жизни и семейно-бытового уклада киргизского населения играло родоплеменное деление и связанные с ним представления. Феодальная верхушка киргизского общества была кровно заинтересована в сохранении родоплеменного деления и умело его использовала в качестве орудия угнетения собственного народа. Она способствовала распространению генеалогических преданий, в которых утверждались чистота и древность происхождения тех или иных манапских родов. Таким образом, феодалы выступали в качестве главных носителей и хранителей пережитков идеологии патриархально-родового общества, чрезвычайно облегчавшей их господство над трудовыми массами.

Существовавшие у киргизов племенные и родовые группировки уже давно утратили прежнюю основу. В состав племен входили более или менее крупные роды, имевшие нередко многочисленные подразделения. Эти разросшиеся социальные объединения — племена — не

были однородными по составу, они включали остатки других племен и родов и даже целые иноплеменные группы. Принципом, который объединял исторически складывавшиеся различные социальные и этнические группировки, были уже не кровнородственные связи, а общность территориально-хозяйственных и общественно-политических интересов. Решающее влияние на эти интересы оказывали манапы, стоявшие во главе того или иного рода и племени. Наряду с этим у киргизов существовало понятие *сөөк* (кость). Этим термином называли свойственников, т.е. людей, породнившихся через браки своих кровных родственников; несомненно, когда-то термин «сөөк» обозначал родство по крови.

Мельчайшие подразделения родов представляли собой чаще всего большие или меньшие семейно-родственные группы (*бир атанын балдары*, т.е. дети одного отца), внутри которых сохранялись еще некоторые стороны прежнего патриархально-родового уклада. Большинство таких групп насчитывало от 5 до 15 семей близких родственников. Цементирующим началом многих подобных групп являлось объединение вокруг одного или нескольких богатых хозяйств, использовавших родственные связи для эксплуатации членов группы. Тем не менее именно в этих группах в известной степени проявлялись элементы производственной кооперации (при сохранении частной собственности отдельных семей на скот), отдельные черты потребительской общности, внутригрупповой солидарности, кровнородственное начало.

Основной формой общественной организации у киргизов была айльная (аульная) община, состоявшая из некоторого числа семейно-родственных групп. По сообщению Г. С. Загряжского, вплоть до середины XIX в. «киргизы стояли всегда большими аулами, кибиток по 200 и более; пастухи были всегда вооружены пиками и ходили в табун в большом числе»¹.

Айльные общины продолжали внешне сохранять формы родовых общин. Однако их экономическое содержание было уже совершенно иным. В них входили частные собственники скота, объединенные прежде всего совместным пользованием кочевьями и пастбищами. Производство и присвоение продуктов в айльной общине осуществлялись на индивидуальных началах, кочевание же и пользование пастбищами строились на общинном принципе. Но это не было, как говорилось выше, свободное общинное владение землей, распоряжались землей феодалы — бии и манапы. Общинным было фактически не владение, а пользование кочевьями. Внутри айльной общины наблюдалось имущественное неравенство, классовое расслоение. Самый состав таких общин нередко был неоднородным. В них иногда входили неродственные группы, а в некоторых случаях и группы различного этнического происхождения. Киргизская кочевая айльная община по своему экономическому содержанию вполне соответствовала тому типу общественной организации, какую в применении к сельскохозяйственным народам К. Маркс называл сельской общиной.

Внутри родовых подразделений и особенно семейно-родственных групп продолжали еще бытовать разного рода пережитки патриархально-родовых отношений, часто видоизмененные манапами в своих интересах. Они проявлялись в некоторых сторонах общественной и семейной жизни, а также в идеологии.

У киргизов бытовали обычаи взаимопомощи, в частности в виде объединения для поочередной уборки полей каждого из участников (*алгоо*, *уюшма*). Эти формы артельного труда, применявшиеся в наиболее чистом виде в маломощных и бедняцких хозяйствах, нередко служили прикрытием для эксплуатации баями своих бедных соседей. Более устойчивые

¹ Г. С. Загряжский. Кара-киргизы. (Этнографический очерк). «Туркестанские ведомости», 1874. № 44.

формы простейшей производственной кооперации сохранялись в скотоводческом хозяйстве. Здесь почти весь цикл сезонных работ, включая и работы по уходу за посевами, осуществлялся на артельных началах. Для совместных работ объединялись иногда до десятка и более хозяйств соседей по зимнему стойбищу, чаще всего являвшихся близкими родственниками.

Празднества (*той*) по случаю свадьбы, обрезания и в особенности тризны (*аш*), справлявшиеся ранее всем родом и состоявшие из обильных угощений и различных народных увеселений, манапы и бай стали устраивать с особой пышностью, рассматривая их как способ укрепления своего авторитета и влияния, а также как немаловажный источник дохода (по обычаю приглашенные на празднество должны были оказать устройтелю помощь в виде подношения — *кошумча*).

Обязательными для всех близких сородичей обычаями были материальная помощь члену рода, оказавшемуся в особо трудных обстоятельствах, в нужде — *жардам*, и трудовая помощь в хозяйстве — *кол кабыш*.

Родоплеменная структура у киргизов в XIX в., как и в более ранние периоды, была сложной. Основные киргизские племена в совокупности составляли три группы. Первые две назывались *отуз уул*, т. е. тридцать сыновей. Они составляли два крыла (*канат*): правое (*оң*) и левое (*сол*). Левое крыло по численности было значительно меньше правого. Когда и при каких условиях сложилось такое деление, не установлено, но несомненно корни членения на два крыла относятся к глубокой древности и связаны с ранними формами социальных отношений. В более позднее время деление на два крыла было отражено в военной организации.

Правое крыло распадалось на три ветви: *тагай*, занимавшую основную часть Тянь-Шаня, *адигине* и *муңгуш*; две последние жили на территории южной Киргизии. К ветви тагай киргизы относили следующие племена: *саяк*, *чекир саяк*, *черик*, *бугу*, *тынымсейит*, *сары багыш*, *солто*, *жедигер*, *азык*, *багыш*, *суу мурун*, *моңолдор*, *баарын*. Ветвь адигине включала племена *жору*, *бөрү*, *баргы*, *кара багыш* и *сарттар*. Ветвь мунгуш состояла из двух подразделений: *жагалмай* и *кош тамга*. Особняком стояло племя *конгурат*¹.

В состав левого крыла входили племена: *куйчу* (*куччу*), *саруу*, *мундуз*, *жетиген*, *кытай*, *басыз*, *тебей*, *чоң багыш*.

Третью группировку киргизов принято было называть *ичкилик*. В нее входили племена: *кыпчак*, *найман*, *тейит*, *кесек*, *жоо кесек*, *бостон*, *каңды*, *нойгут*, *төөлөс* (*дөөлөс*), *авагат* (*ават*).

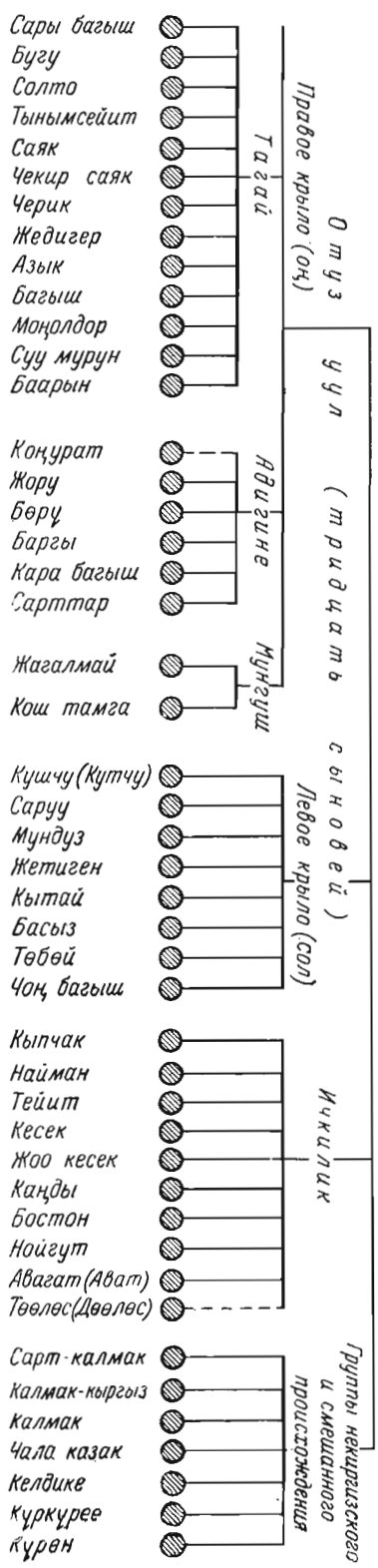
Некоторые из перечисленных племен приняли также участие в образовании других народностей Средней Азии и казахов.

Одно из крупнейших киргизских племен — бугу — жило на небольшом восточном отрезке северного побережья оз. Иссык-Куль, на восточном и почти на всем южном побережье озера с прилегающими предгорьями и хребтами Тянь-Шаня, Кунгей Алатау и Терской Алатау, вплоть до границы с Китаем. Оно занималось хлебопашеством и скотоводством, используя верховья рек Нарына, Кегена и других для летних кочевков. Бугинцев насчитывалось свыше 10 тыс. юрт. Племя сары багыш, имевшее около 9 тыс. юрт, кочевало в восточной части Чуйской долины, в долинах рек Чонг-Кемина и Кичи-Кемина, в Кочкорской долине, к западу от Иссык-Куля и в ряде урочищ в долинах рек Нарына и Ат-Баши.

Племя солто, насчитывавшее около 10 тыс. юрт, жило в центральной и западной частях Чуйской долины, по южному берегу р. Чу, а также в урочищах прилегающего Киргизского хребта.

¹ Племя конгурат включено в ветвь адигине условно, поскольку, проживая длительное время среди других племен этой ветви, конгуратцы нередко относили себя к адигине. Фактически же племя конгурат имеет самостоятельное происхождение. То же самое относится к названному ниже племени төөлөс (дөөлөс), большинство представителей которого не относилось к группировке ичкилик.

Родоплеменная структура киргизов

+

Племя чекир саяк (около 5,5 тыс. юрт), находившееся в постоянной борьбе с бугинцами и сарыбагышцами, держало в своих руках огромные кочевья по среднему течению р. Нарына и в долинах Джумгала и Сусамыра. Дальше на юг и юго-запад, по склонам Ферганского и Алайского хребтов, в восточной части Ферганской котловины, в Алайской долине и на восточном Памире находились зимние стойбища и кочевья крупных племенных объединений адигине и мунгуш и группировки ичкилик, насчитывавшие около 14 тыс. юрт. Естественной границей между этими южными группами и наиболее многочисленной группой тагай правого крыла, которую южане называли *аркалык*, служил Ферганский хребет, огибающий Ферганскую котловину с северо-запада.

К югу от р. Нарына кочевало племя черик, которое насчитывало свыше 4 тыс. юрт. Богатые замечательными пастбищами Таласскую и Чаткальскую долины и отроги одноименных хребтов заселяли небольшие племена: саруу, кушчу, багыш и другие, имевшие в общей сложности свыше 9 тыс. юрт. Кроме того, в различных долинах и урочищах Киргизии были расселены разные более мелкие племена.

Всего у киргизов насчитывалось около 40 племен. В киргизском героическом эпосе киргизы нередко называются «сорокаплеменным народом».

* * *

Занимаемая ныне Киргизской ССР территория до Октябрьской революции входила в состав Семиреченской, Сыр-Дарьинской, Ферганской и отчасти Самаркандской областей Туркестанского генерал-губернаторства. Управление страной, осуществлявшееся через уездных начальников и названный выше низовой административный аппарат, сопровождалось произволом, взяточничеством, незаконными поборами и разорением населения. К эксплуатации и вымогательствам со стороны манапов, бесконтрольно распоряжавшихся имуществом своих сородичей, присоединились национальный гнет и новые экономические тяготы. Помимо сохранившихся манапских поборов и повинностей, был установлен кибиточный сбор, составлявший вместе с другими сборами по 8 руб. на хозяйство, натуральная земская повинность по устройству и ремонту дорог, особенно обременявшая беднейшую часть киргизов. Низкая товарность хозяйства приводила к тому, что масса киргизов для уплаты налогов вынуждена была продавать за бесценок много скота или брать ссуды у кулаков и торговцев с последующей отдачей скотом.

Царское правительство всей своей политикой поддерживало привилегированное положение манапства. Однако изменившиеся экономические условия вынуждали манапов прибегать к новым методам хозяйствования. Некоторые из них начали захватывать удобные участки пахотной земли, используя ее для продажи и сдачи в аренду переселенцам. Отдельные манапы превращались в торговцев и ростовщиков, другие создавали товарные скотоводческие и земледельческие хозяйства. Произвол, поборы и вымогательства, вошедшие у манапов в систему, вызывали неоднократные возмущения букары, иногда сопровождавшиеся убийством отдельных манапов, наиболее безжалостно грабивших народ.

После присоединения края к России классовая дифференциация приняла более четкие формы. На одном полюсе выросла кулацкая верхушка — баи, на другом все более увеличивалась группа бедняцких хозяйств, которые были вынуждены идти в наем или в кабалу к баю и манапу, а также сельских пролетариев. Часть бедняков кочевала вместе с баями и обслуживала их скот на условиях найма или отработок, другие же (*жатакчы*) обрабатывали на тех же условиях землю баев. Батраки были многочисленной и наиболее эксплуатируемой частью киргизского общества, они получали за свой труд лишь обноски с байского плеча и объедки со стола.

В результате присоединения Киргизии к России в хозяйственной жизни киргизского народа произошли глубокие изменения. Под влиянием проникавших в страну товарно-денежных отношений началось постепенное разложение натурального в своей основе киргизского хозяйства, усиление классовой дифференциации кыштака (кишлака) и айла в капиталистическом направлении, ломка патриархально-феодалных отношений, перестройка всей экономики.

Вместе с проникновением в Киргизию элементов нового, более прогрессивного экономического уклада — капитализма — Киргизия включилась в общероссийское и мировое товарное обращение. Здесь стали появляться современные средства связи, первые улучшенные пути сообщения, что вместе с другими факторами способствовало уничтожению замкнутости и оторванности Киргизии. Начался процесс хозяйственного сближения киргизского народа с русским. Появились города, базары; усиливался обмен и торговля с соседними районами, с центральной Россией. Вместе с тем появился новый эксплуататорский класс. Наряду с торговцами узбеками, русскими, татарами на арену хозяйственной жизни выступали торговцы, предприниматели и ростовщики из среды киргизских баев и манаров — возникала национальная буржуазия.

Быстро развивалось земледелие. Большинство киргизских хозяйств в 1913 г. имело помимо скота и посевы. По мере роста классовой дифференциации основа благосостояния кочевников — скот — все более сосредоточивался в руках небольшой группы. Так, по данным обследования киргизских хозяйств в 1912—1913 гг., в Пишпекском уезде 5,52% хозяйств в трех наиболее мощных группах владели 33,51% всего скота, а на долю 49,22% хозяйств, относившихся к четырем наименее обеспеченным группам (не имевших скота и имевших его не свыше восьми голов на хозяйство), приходилось только 11,12% всего поголовья скота. Велико было число бедняков и среди земледельцев: 47,75% всех хозяйств не имело никакого сельскохозяйственного инвентаря и 40,77% хозяйств, занимавшихся земледелием, пользовалось чужим инвентарем. В байских хозяйствах кулацкого типа начал широко применяться наемный труд.

Много изменений в хозяйственную жизнь края внесло организованное царизмом переселение сюда значительного числа русских и украинских крестьян из пределов центральной и южной России. Царское правительство изъяло из пользования киргизов и передало в руки переселенцев большое количество пахотоспособной земли. Этому активно способствовали и киргизские манары: они продавали и отдавали в аренду переселенцам захваченные у трудового населения земли. Значительная часть трудящихся киргизов была вытеснена в малопригодные для земледелия горные районы, где беднота была обречена на полуголодное существование.

Процесс пролетаризации захватывал не только киргизский аил, но и русское село. Трудящиеся массы пришлого русского и местного киргизского населения, подвергавшиеся эксплуатации со стороны кулаков, баев и манаров, оказались в сходных условиях. Классовое расслоение киргизского айла, усиливаемое зарождавшимися буржуазными отношениями, создавало реальную почву для сближения русского и киргизского народов.

Переход значительной части киргизской бедноты к земледелию и оседлости был вызван прежде всего классовым расслоением киргизского общества, но на трудящихся киргизов оказал также влияние пример русских крестьян. Переходившие к земледелию киргизы охотно воспринимали хозяйственный опыт и навыки русских крестьян. В киргизское хозяйство стали проникать русская коса, плуг и борона. От русских крестьян киргизские дехкане восприняли новые сельскохозяйственные культуры. Начало практиковаться сенокосение. В свою очередь и русские переселенцы заимствовали у киргизского населения некоторые приемы ведения хозяйства, например поливное земледелие, отгонное животновод-

ство. Начавшееся хозяйственное сближение двух народов не могло получить широкого развития из-за проводившейся царизмом политики разжигания национальной розни и религиозных предрассудков, насаждавшихся духовенством обеих сторон.

Устойчивое сохранение патриархально-феодалных отношений в киргизском обществе способствовало тому, что в народном мировоззрении киргизов удерживалась наиболее отсталая форма идеологии — религиозная. Она играла существенную роль в духовной жизни киргизов, хотя содержание ее далеко не ограничивалось официальной господствовавшей религией этого периода — исламом.

Ислам среди киргизов распространился сравнительно поздно. Даже в исторических источниках, относящихся к XVII в., киргизы еще называются кафирами, т. е. немусульманами. Более интенсивное проникновение ислама в среду киргизов можно отнести приблизительно ко второй половине XVII и к XVIII в. Этот процесс, по-видимому, принял еще более активные формы с момента захвата киргизских земель Кокандским ханством.

Основную роль в насаждении и распространении ислама, помимо всякого рода проповедников — дервишей, ходжей и ишанов, сыграла киргизская феодальная знать. С помощью узбекского духовенства манасы заставляли подвластное им население обучаться мусульманской обрядности и заучивать молитвы. Однако среди подавляющего большинства киргизского населения религиозного фанатизма не наблюдалось. Догматы ислама были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не всеми. Чокан Валиханов писал по этому поводу: «...Пуританизм ислама не успел еще распространиться между этим народом. Буруты (киргизы. — *Ред.*) называют себя мусульманами, но даже не знают, что за человек был Мухаммед. Похороны, свадьбы справляют они по шаманскому обряду, но заставляют при этом, если найдется грамотный среднеазиатец или татарин, читать молитву»¹. Насколько свободно толковались предписания ислама, свидетельствует тот факт, что однажды по ходатайству сородичей крупный феодал Ормон разрешил перенести тридцатидневный пост (*орозо*) с летнего времени на зиму.

В народных массах были широко распространены антиклерикальные настроения. Они были направлены против официального мусульманского духовенства. Так, в одной из молитв, обращенных к высшему божеству — Кудая, содержалась следующая просьба: «От пестрохалатных ходжей сохрани! От тихо ступающих мулл сохрани!»

Стремясь использовать религию как орудие укрепления своего господства, феодальная знать всеми доступными средствами насаждала мусульманскую идеологию, нетерпимость к «неверным». Идеология панислама внадрялась феодалами в народно-поэтическое творчество. Народные традиционные обряды постепенно заменялись мусульманской обрядностью. Идеология ислама была глубоко реакционной. Она тормозила развитие производительных сил, задерживала рост культуры. Одной из наиболее агрессивных форм идеологии ислама был суфизм, который имел некоторое распространение и среди киргизов. Его представители — ишаны — призывали к борьбе с «неверными», духовно закабалили своих приверженцев. Они вербовали себе мюридов среди киргизов-кочевников и, систематически посещая их, собирали в свою пользу большое количество скота в виде религиозной подати. О таких поездках говорили: «ишан отпавился на охоту». В некоторых местах, даже на Тянь-Шане, существовали киргизские суфийские общины.

Такая религиозная обязанность мусульман, как пятикратная молитва, регулярно исполнялась главным образом лицами, принадлежавшими к

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 413.

эксплуататорскому классу. Посещение мусульманских святынь в Мекке (хадж) получило некоторое распространение среди манапов и баев в конце XIX — начале XX в. Но мусульманские религиозные праздники соблюдались и в народной среде. Однако в их празднование влетались языческие обряды. Религиозный пост связывался с культом предков. Окончание поста (*орозо айт*) отмечалось как поминовение умерших и предков вообще. В этот день жарили кусочки теста в сале (*боорсок*) и зажигали 40 свечей (стебли чия, обмотанные ватой и обмазанные жиром), которые ставили вокруг костра в юрте. После произнесения имен умерших остатки свечей бросали в огонь. Пища, которую ели в этот день, считалась посвященной духам предков. Мужчины собирались и вместе читали молитву.

Другой религиозный праздник (*курман айт*) сопровождался принесением в жертву какого-либо животного. Этот праздник считался праздником живых. Угощение предназначалось для членов своей семьи, родственников, соседей. В первый день этого праздника иногда устраивали скачки (*кыз куумай*), в которых участвовала молодежь.

Более архаичные черты носил праздник встречи Нового года (*нооруз*, или *оруз дама*), в котором в своеобразной форме переплетались черты среднеазиатского земледельческого праздника науруза с остатками местных древних культов. Во время этого праздника, который приурочивался к концу февраля, готовили специальное блюдо — жидкую кашу из пшеницы (*кэчө*). Разжигали костры, мужчины и дети прыгали через них, дымом от горящей арчи окуривали людей и скот.

О поверхностном усвоении ислама киргизами свидетельствовали бытовавшие среди них многочисленные пережитки древних религиозных представлений. Особенно большое место занимали культ предков и элементы шаманизма. Среди южных киргизских племен ислам пустил гораздо более глубокие корни; некоторые из сохранившихся у них древних верований подвергались заметному влиянию ислама. Главным центром религиозного мракобесия на юге современной Киргизии был г. Ош, с его «священной» горой Тахти Сулейман. Кроме того, центрами паломничества и распространения мусульманской идеологии служили «священные» целебные источники Азрет-Аюп (около современного г. Джалал-Абада), мавзолей Шах Фазиль около сел. Сафид-Буленд в современном Ала-Букинском районе, мавзолей Идрис Пайгамбар в Чаткальской долине и др.

Благоприятной почвой для бытования многообразных домусульманских верований являлась живучесть патриархальных традиций, коренившихся в отсталых формах кочевого скотоводческого хозяйства. Неустойчивость последнего, приводившая к систематическим голодовкам и разорению трудовых хозяйств, бессилие перед властью имущими, а также перед эпидемиями и разного рода болезнями, вызывали к жизни превратные представления о причинах бед и несчастий. Беспомощные перед социальными силами гнета и несправедливости, перед стихийными силами природы отсталые скотоводы и земледельцы искали поддержки у созданных их же фантазией сверхъестественных существ. В то же время они пытались прибегать к защите и помощи своих умерших предков, которым приписывалась способность влиять на судьбу потомства.

По представлениям киргизов, духи предков (*арбак*) покровительствуют оставшимся в живых родственникам; всякого рода несчастья и болезни объяснялись тем, что духи предков отступились от человека за какой-либо проступок, недостойный их памяти. Результатом этого воззрения являлось особое уважение к могилам предков. В старину за оскорбление могилы полагалась смертная казнь. На могилах умерших обязательно ставили какой-либо памятник или знак. Так, у племени саяк на могиле мужчины было принято водружать высокий шест с привязанным к нему хвостом самой любимой лошади покойного. Обычно могилу обносили глинобитной

стенной, а около могил зажиточных и богатых скотоводов устраивали надмогильные сооружения (*кумбэз*), иногда довольно крупных размеров, типа мавзолеев.

С культом предков был связан сохранявшийся местами древний обычай: после смерти мужчины — главы семьи на деревянный остов или на подушку надевали верхнюю одежду и шапку покойного. Сделанную таким образом куклу, изображавшую умершего, держали в юрте в течение года, до устройства большой тризны. Отражением этого же культа являлось поклонение огню домашнего очага, сохранявшееся в свадебном обряде. С развитием патриархально-феодальных отношений и с усилением влияния ислама культ предков начал постепенно приходить в упадок, его место занял культ мусульманских «святых», находивший выражение в почитании разного рода гробниц (*мазар*). Например, объектом паломничества служила гробница Арстанбап (Арсланбоб) на юге Киргизии.

Наряду с представлением о духах предков стало распространяться пришедшее вместе с исламом верование в Кыдыр-ата (Хызра), невидимого странствующего святого, приносящего с собою счастье, богатство, славу и прочие блага. Это верование укреплялось в среде кочевников мусульманским духовенством. Оно воспитывало в киргизах приниженность и фаталистическое убеждение в том, что счастливым и богатым становится только тот, кому помогает Кыдыр-ата.

Среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, источников, камней и т. п., сопровождавшееся многочисленными магическими действиями и обрядами. В таких местах, тоже называемых мазарами, иногда еще до сих пор кладут кости и черепа животных, рога горных козлов, архаров, ставят шесты с хвостами яков, к деревьям привешивают лоскуты ткани, кусочки ваты и т. п. Около мазаров в случае каких-либо стихийных бедствий (засуха, падеж скота и др.) или во время мусульманских праздников еще совсем недавно устраивали общественные моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями (*тулөө*). У таких мазаров совершали и частные жертвоприношения в случае недомогания кого-либо из семьи или заболевания скота, а также когда не было детей. При жертвоприношениях произносили молитвы, иногда ничего общего с исламом не имеющие. Мазары устраивали и на особенно высоких перевалах.

В киргизской мифологии большое место занимали представления о разного рода демонических существах, якобы способных нанести вред человеку или его богатству, каким для кочевников был скот. Так, они верили в существа, имеющие образ женщины с медным клювом и медными когтями, нападающей особенно часто на охотников (*жез тырмак*), или образ старухи, сосущей кровь из пятки человека (*мастан кемпир*), а также образ женщины с длинными грудями, главная опасность от которой будто бы грозит роженицам (*албарсты*), и др. Сохранялись следы почитания древнего божества Джер-Суу (Земля-Вода), которому приносились умильстивительные жертвы. Это божество упоминается еще в орхонских надписях (там оно называется в числе добрых божеств). Вера в это божество была связана с циклом представлений, относящихся к культу природы. Таковы были представления о духах-хозяевах гор, рек, перевалов, различных видов животных и птиц. Остатки культа гор были зафиксированы В. В. Радловым в 60-х годах XIX в. Среди женщин было распространено почитание Умай-эне — покровительницы женщин и детей, особенно новорожденных (божество Умай олицетворяло у древних тюрков культ матери, покровительницы домашнего очага, хранительницы потомства).

Особое место занимало верование в злых духов (*жил*). Их представляли себе в виде маленьких мошек и мух, вызывающих якобы различные болезни у человека и животных, чаще всего сумасшествие, падучую и другие нервные болезни. Способность влиять на джиннов, изгонять их из тела больного приписывалось определенным лицам (мужчинам — *бакшы*

и женщинам — бубу), их приемы лечения во многом напоминали шаманские камлания. Передача способностей бакшы по наследству, наличие у них духов-помощников и некоторые другие признаки позволяют рассматривать бакшы как шаманов.

В киргизском шаманстве сочетались особенности, свойственные сибирскому и центральноазиатскому шаманству, с одной стороны, и шаманству среднеазиатскому, которое было связано с исламом и прежде всего с суфизмом, — с другой. Киргизское шаманство отличалось некоторыми чертами от казахского. Бакшы не применяли во время камлания музыкальных инструментов.

Шаманы оказывали большое влияние на скотоводов, используя их отсталость и невежество. У киргизских шаманов была своеобразная специализация, в зависимости от которой они носили различные названия. Так, бакшы и бюбу занимались главным образом лечением, но в то же время выступали и как прорицатели. *Сынчы* предсказывали будущий характер подрастающих детей, угадывали свойства скаковых лошадей, способность людей к воинским подвигам. Различались также *жайчы* — вызыватели дождя, *эсенчи* — предсказатели погоды, *толгочу* — гадалщики на камешках, *далычы* — гадалщики на бараньей лопатке, *куучу* — шаманы, способные отгонять злых духов от рожениц, и др.

Ислам и пережитки доисламских верований широко использовались феодальной верхушкой для усиления эксплуатации трудовых масс киргизов. Идеология ислама закрепляла угнетенное положение киргизской женщины. Она поддерживала и узаконивала многоженство, утверждала непререкаемое господство мужа и отца в семье, устанавливала разные ограничения для женщин.

Пережитки патриархальных отношений и господство отсталой идеологии способствовали затушевыванию классовых противоречий в киргизском обществе. Забитость кочевого населения, неразвитость классового сознания бедноты, закабаленных пастухов и батраков мешали усилению классовой борьбы. Но все же антагонизм между аристократической феодальной верхушкой и эксплуатируемой массой рядовых кочевников, земледельцев и бескотных пастухов прорывался и сквозь патриархальную оболочку. Еще в первой половине XIX в. классовая борьба проявлялась в отсталых формах, чаще всего в виде ухода или откочевки отдельных групп населения из-под власти манапов, отличавшихся особым деспотизмом и жестокостью, угона скота у некоторых феодалов-эксплуататоров, убийства отдельных ненавистных манапов и баев. Но в конце XIX — начале XX в., по мере углубления классовых противоречий, классовая борьба достигала уже большой остроты.

Трудящиеся массы киргизского народа тяжело страдали от грабительской политики царизма, от произвола манапов и баев. С помощью созданной царским правительством администрации с населения взималось большое количество налогов, податей и сборов. Вся тяжесть их ложилась на плечи бедноты. Попутно с этим существовали и неофициальные налоги и поборы, практиковавшиеся местной администрацией. Все это ставило трудящихся в бедственное положение, вело к их разорению и обнищанию, поскольку кабальная зависимость киргизской бедноты от манапов и баев не только не уменьшалась, но все более увеличивалась. Ко всему этому надо прибавить политическое бесправие трудящихся, их полную незащищенность перед лицом царских законов, стоявших всегда на стороне знатных и богатых.

Невыносимый национальный и социальный гнет вызывал революционное брожение в киргизском народе, толкал его на борьбу с баями и манапами, на освободительную борьбу против царизма. Наиболее активные формы классовая борьба и национально-освободительное движение приняла начиная с первой русской революции 1905 г. Они проявлялись в форме разного рода «беспорядков» в связи с выборами волостных управ-

телей, столкновений и конфликтов из-за земли между дехканами с одной стороны, баями и манапами, с другой, отказов от уплаты налогов. Трудящиеся массы киргизского населения часто объединялись с русскими трудящимися для совместных выступлений против царизма и местных эксплуататорских классов. В отдаленную от центра России Киргизию проникало влияние революционного русского пролетариата и его большевистской партии (здесь существовало несколько социал-демократических кружков), и Киргизия втягивалась в общероссийское революционное движение, направленное против царизма. Но революционная борьба в Киргизии вследствие слабости и малочисленности местного пролетариата не достигла того уровня, какой она имела в других областях Туркестана.

Более широкий размах революционное движение приняло в 1916 г., когда назревшее возмущение трудящихся масс киргизского населения произволом царских чиновников, кулаков-колонизаторов, баев и манапов вылилось в национально-освободительное восстание. Оно возникло стихийно и проявлялось в разрозненных вспышках, у него не было единого центра и руководства, оно протекало изолированно от революционных выступлений рабочих, солдат и русской крестьянской бедноты, хотя местами и были совместные выступления трудящихся русских и киргизов. Восстание в целом было антиимпериалистическим и антифеодальным. Однако в некоторых местах феодально-клерикальным элементам — баям и манапам — удалось обманым путем использовать это стихийное движение темных, забитых масс в своих классовых интересах, превратить его в антирусское, националистическое движение и тем самым заглушить остроту классовых противоречий. В результате в некоторых районах северо-восточной Киргизии движение принимало реакционный характер — имело феодально-монархическую направленность и приводило к национальной розни.

Последствия киргизского восстания, потерпевшего поражение, были очень мучительными для народа. Множество киргизских хозяйств было разорено. Около 150 тыс. человек, боясь расправы со стороны царских карательных отрядов и под влиянием байско-манапской агитации, бежало в пределы Китая.

После ликвидации восстания царской администрацией было решено «отобрать от киргизов те земли, где пролита русская кровь». Предполагалось изъять у киргизского населения огромную площадь в 4 млн. га освоенных земель в долине р. Чу и в Иссык-Кульской котловине и выселить его в высокогорные пустыни Тянь-Шаня. Осуществлению этого помешала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Тяжелый путь прошел киргизский народ за время господства царского самодержавия, вместе с манапами и баями стремившегося закабалить трудовые массы киргизского населения, лишить их возможности политического, экономического и культурного развития. Однако, несмотря на всю тяжесть колониальной политики русского царизма, включение киргизов в состав Российской империи сыграло огромную прогрессивную роль в дальнейших судьбах киргизского народа.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла трудящимся киргизам освобождение от колониального рабства и социального угнетения, предоставила человеческие права огромной массе людей, разоренных и лишившихся родины в результате восстания 1916 г.

Под руководством Коммунистической партии и с помощью русского рабочего класса киргизский народ установил у себя Советскую власть, которая в первые годы существования встречала ожесточенное сопротивление белогвардейцев, контрреволюционного байства и манапства.

Верхушка семиреченского казачества совместно с кулацкими колонизаторскими элементами русского крестьянства на протяжении 1918—1920 гг. неоднократно поднимала контрреволюционные восстания. В южной Киргизии развернулось басмаческое движение, организованное буржуазными националистами, баями и манапами при поддержке из-за кордона. Казачье-кулацкая и байско-манапская контрреволюция, как и басмаческое движение, были ликвидированы при бескорыстной помощи Советской России.

Туркестанским фронтом руководили тогда М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. В начальный период гражданской войны красногвардейские отряды, в рядах которых боролась наиболее сознательная часть киргизской бедноты, как и созданные затем части Красной Армии, в борьбе с врагами опирались на широкое сочувствие и помощь киргизского трудового крестьянства. В борьбе с басмачами участвовали киргизские партизанские отряды.

Вскоре после Октябрьской революции и в особенности после окончания гражданской войны в северной Киргизии бежавшие в Китай кочевники-киргизы начали массами возвращаться на родину. Государство оказывало им широкую помощь. В 1921—1922 гг. в северной Киргизии была проведена земельная реформа, в результате которой бедняцкие и середняцкие хозяйства беженцев были наделены землей, изъятой у захвативших ее казачье-кулацких элементов, а также скотом и инвентарем.

Населенные киргизами районы вошли после Октябрьской революции в состав Туркестанской Советской Социалистической Республики. В процессе национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область, которая вошла в состав РСФСР (25 мая 1925 г. она была переименована в Киргизскую автономную область). В 1926 г. решением III сессии ВЦИК, утвержденным Всероссийским Съездом Советов, Киргизская автономная область была преобразована в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. Дальнейшим этапом было создание в 1936 г., в соответствии с утвержденной VIII Чрезвычайным Съездом Советов Конституцией, Киргизской Советской Социалистической Республики, вошедшей в состав Союза ССР в качестве его равноправного члена. Тем самым был завершен процесс создания национального киргизского советского государства, что сыграло крупную роль в окончательном оформлении киргизской социалистической нации.

Киргизский народ вследствие своей патриархально-феодалной отсталости, раздробленности по административным областям царской России, слабого развития капиталистических отношений и наличия лишь зачаточных форм общности экономической жизни до Октябрьской социалистической революции не успел сложиться в буржуазную нацию. Образовавшаяся в условиях Советской власти киргизская социалистическая нация коренным образом отличается от прежней киргизской народности.

Решающие изменения в экономике, классовом составе киргизского населения и его бытовом укладе произошли за годы первых пятилеток.

Благодаря коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшейся ликвидацией эксплуататорского класса — байства и манапства — киргизское крестьянство вышло на широкий путь зажиточной жизни.

Пользуясь неослабной помощью великого русского народа и других народов СССР, киргизский народ преобразил свою жизнь, построив ее на совершенно новой основе. Киргизская ССР обогатилась десятками современных промышленных предприятий; замечательных успехов в развитии социалистического сельского хозяйства добились колхозы и совхозы, из года в год в городах, аилах и кыштаках повышалось материальное благосостояние населения, расцвела культура киргизского народа.

Созидательный мирный труд народов Киргизии, как и всех советских народов, был нарушен вероломным нападением гитлеровских орд 22 июня 1941 г. По призыву Коммунистической партии киргизский народ, которому царизм не доверял оружия, плечом к плечу с другими народами нашей страны встал на защиту свободы, чести и независимости своей советской Родины.

Бойцы киргизы вписали в летопись Великой Отечественной войны немало ярких страниц. Среди героев Отечественной войны немеркнувшей славой овеяны имена верных сынов киргизского народа Героев Советского Союза Дюйшенкула Шопокова, Чолпонбая Тулебердыева, Даира Асанова, Ташмамата Джумабаева, Анварбека Чортекова, Розы Азимова, Самата Садыкова.

Героические подвиги сынов Киргизии на фронтах Великой Отечественной войны были подкреплены самоотверженным трудом киргизского народа в тылу. Усилиями рабочих, колхозников и интеллигенции Киргизская республика превратилась за годы войны в один из важных районов, непрерывно снабжавших фронт различными видами вооружения, боеприпасов и продовольствия. На территории Киргизии работали многие промышленные предприятия, эвакуированные из западных областей страны.

Огромную роль в выполнении Киргизией своего патриотического долга сыграли женщины, молодежь и старики, заменившие ушедших на фронт мужей, отцов, братьев и сыновей.

Трудящиеся Киргизии приняли активное участие в создании финансовой и материальной базы для победы Красной Армии, охотно отдавая государству личные сбережения, ценности, продовольствие.

Дружба и братство народов нашей страны нашли яркое воплощение в повсеместно развернувшейся в Киргизии помощи населению районов, освобожденных Красной Армией от немецко-фашистской оккупации. В тяжелые месяцы блокады Ленинграда — в феврале и октябре 1942 г., а также в октябре 1943 г. из Киргизии были отправлены эшелоны с подарками для его жителей и защитников — всего около 100 вагонов.

В своих подвигах на фронтах и в тылу киргизский народ показал высокие образцы советского патриотизма. После победоносного окончания Великой Отечественной войны трудящиеся Киргизии перешли к мирному труду, который влился в общий поток трудовых усилий советского народа по осуществлению грандиозных планов восстановления и развития народного хозяйства СССР.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Хозяйственная жизнь и занятия киргизского народа после Великой Октябрьской социалистической революции подверглись коренным преобразованиям. Некоторые отрасли прежнего хозяйства совершенно изменили свой облик, другие — потеряли прежнее значение, но главное — появилось много таких видов хозяйственной деятельности и занятий киргизского населения, которые раньше не были и не могли быть ему известны.

Сельское хозяйство в прошлом В дореволюционном прошлом производительные силы киргизского общества находились на относительно низком уровне развития. Главным занятием киргизов в течение многих веков было скотоводство экстенсивного типа. Мелкие скотоводческие хозяйства вели кочевой и полукочевой образ жизни. Природные условия страны давали возможность содержать скот в течение всего года на подножном корму. Горный рельеф и наличие в связи с ним попертикали зон, различных по климатическим условиям и растительному покрову, позволяли скотоводам планомерно совершать установившийся веками круглогодичный цикл кочевания, переходить со скотом с одного

сезонного пастбища на другое. Следует, однако, заметить, что скотоводство у киргизов уже давно сочеталось с земледелием, которое, как правило, существовало не обособленно, а входило неразрывной частью в хозяйство кочевого аила. Лишь местами в более позднее время стали возникать небольшие земледельческие оазисы, которые, впрочем, были в той или иной мере связаны с окружающими их скотоводами.

Направление скотоводческого хозяйства менялось в зависимости от исторических условий. В период, предшествовавший присоединению Киргизии к России, когда часто возникали феодальные войны и совершались нашествия завоевателей, киргизы разводили главным образом лошадей, меньшее значение имели овцы и верблюды.

С переходом киргизов после присоединения к России к мирной жизни первое место заняло овцеводство и одновременно увеличилось количество крупного рогатого скота и верблюдов. При переходе части хозяйств к земледелию как основному занятию, особенно в южных районах, главное место в их стаде стало принадлежать лошадям, крупному рогатому скоту и отчасти козам. Крупный рогатый скот приобретал все большее значение в бедняцких хозяйствах, которые были вынуждены переходить на оседлый образ жизни.

Одним из основных видов животных, издавна разводимых киргизами на восточном Памире и в южной, горной части Ошской области, являются яки (*топоз*). Ослов и мулов раньше держали преимущественно байские хозяйства на юге Киргизии для своих пастухов. Только с 20-х годов нашего века они получили более широкое распространение, частично и на севере.

Киргизская лошадь — одна из разновидностей монгольской. Крупный рогатый скот был низкорослый, малопродуктивной местной породы. Грубошерстные курдючные киргизские овцы имели некоторые локальные особенности. У киргизов преобладал двугорбый верблюд (бактрийский).

Каждое племя и род кочевали на определенной территории. Кочевание совершалось преимущественно не в меридиональном направлении (с севера на юг), как у многих групп казахов, а в вертикальном направлении: из низколежащих горных долин к высокогорным альпийским пастбищам и обратно. В течение зимы скотоводы находились в защищенных от ветра лощинах и ущельях. На территории, прилегавшей к зимнему стойбищу (*кыштоо*), многоскотные байские хозяйства выпасали только крупный рогатый скот, верблюдов, молодняк и лошадей, предназначенных для дальних поездок. Овец и остальных лошадей выпасали обычно на отдаленных отгонных пастбищах (*отор*), расположенных в местах, где снег со склонов гор сдувало ветром. Богатые и зажиточные хозяева нанимали в последнем случае пастухов и табунщиков или пользовались трудом зависимых от них общинников. Условия зимнего выпаса были очень тяжелыми. Морозы и бураны, длительное нахождение под открытым небом, неотепленные жилища и плохая одежда делали пребывание на отгонных пастбищах тягостным и изнурительным. Хозяйства среднего достатка объединяли скот для совместного выпаса собственными силами или сообща нанимали пастухов.

Зимний выпас скота был сопряжен с большими трудностями и требовал мобилизации всех сил для сохранения скота. Поэтому техника зимнего выпаса была разработана особенно тщательно. Для выпаса овец и крупного рогатого скота, не обладающих способностью самостоятельно добывать корм из-под снега, использовались южные склоны гор. Лошади тебеневали в местах, покрытых снегом. В тех случаях, когда бесснежных участков не было, скот выпасали в определенном порядке: сначала шли лошади, которые разгребали копытами снег, после них пускали крупный рогатый скот, а за ним овец.

Ранней весной, но обычно уже после посевных работ на своем небольшом поле, расположенном около зимнего стойбища, скотовод среднего

достатка откочевывал со скотом на близлежащие, находившиеся в предгорьях весенние пастбища (*көктөө* или *бөксө*). Здесь происходил окот овец. С наступлением летней жары и появлением беспокоящих скот оводов и разной мошкары часть скотоводов перегоняла свой скот на высокогорные пастбища (*жайлоо*), а хозяева, владевшие небольшим количеством скота, оставались большей частью на весенних пастбищах до возвращения на зимнюю стоянку. Многие летние пастбища находились на высоте до 3,5 тыс. м, поблизости от линии вечного снега и ледников. Осенью, с наступлением холодов в горах, скотоводы спускались с летних пастбищ на осенние (*куздөө*), которые в большинстве случаев совпадали с весенними, где к этому времени подножный корм успевал возобновиться. По окончании уборки хлебов и сенокоса, производившихся посланными для этого членами семьи, а у богатых зависимыми от них бедняками, кочевники возвращались на зимние стойбища.

Необходимо заметить, что полный цикл кочевания сохранялся только в богатых и зажиточных хозяйствах, которые владели большим количеством скота, в том числе вьючного. Бедняцкие же хозяйства, не имевшие лошадей и овец или имевшие их в незначительном количестве, самостоятельно совсем не кочевали. Одни из них оставались около своих или байских посевов, другие кочевали со своими богатыми сородичами, получая от них часть скота для выпаса на условиях отработки. Некоторые богатые скотоводы в течение всей зимы кочевали со своими стадами на обширных высокогорных пустынных плато (*сырт*). В некоторых местностях летние пастбища были четко разграничены по социальным группам. Таким образом, группа хозяйств, объединенных зимой общими выпасами в остальное время года распадалась на несколько частей. Пользование пастбищами, как говорилось выше, в большинстве случаев осуществлялось на общинных началах, хотя фактически ими распоряжалась феодально-байская верхушка; сенокосы были поделены и, за небольшими исключениями, находились в подворно-наследственном владении.

Выход на кочевье после суровой зимней стоянки превращался в своеобразный праздник. Все мало-мальски состоятельные скотоводы надевали самую лучшую одежду, лошадей покрывали чепраками и попонами, головы и шеи верблюдов украшались покрывалами. Навьюченные на верблюдов или лошадей части юрты и другой домашний скарб принято было покрывать коврами или яркими паласами, а наиболее дорогие вещи (самовары, сундуки, подносы) привязывать сверху. Согласно обычаю, те, которые ранее прикочевывали на место стоянки, преподносили вновь прибывшим угощение (*өрүүлүк*).

Длина кочевых путей в различных районах была неодинакова, она колебалась от нескольких десятков до 100—120 км, а местами достигала 150—200 км. Для отдельных хозяйств дальность кочевков зависела от обеспеченности скотом.

Для выпаса каждого вида скота выбирали пастбища с соответствующим рельефом местности и определенным травостоем. Трудовые хозяйства объединяли лошадей и овец для выпаса в весенне-летний сезон. Объединяли скот чаще всего родственники, иногда — соседи. Число хозяйств, входивших в подобную кочевую группу, зависело от количества принадлежавшего им скота. Такие объединения облегчали выпас скота, охрану стад, преодоление трудных перевалов, бурных рек, позволяли более эффективно использовать пастбища. Байские хозяйства предпочитали кочевать отдельно, небольшими аилами.

В предметах, связанных с уходом за скотом, с ловлей животных, их лечением у киргизов имелось много общего с казахами¹.

¹ Сводная таблица этих предметов дана в главе «Казахи».

Табунщик имел всегда с собой аркан (*чалма*) и шест (*ужурук*) со скользящей петлей из шерстяной веревки для ловли пасущихся лошадей. Жеребят до определенного возраста днем держали на специальной привязи (*желе*). В течение дня шесть—восемь раз к ним пригоняли кобылиц для доения, а на ночь жеребят отпускали на пастбище вместе с матками. Чабан сопровождал овец верхом на лошади или на быке, на ночь он пригонял их к айлу. Ночью охрана стад возлагалась на девушек или молодых женщин. Коротая время, они пели песню (*бекбекей*), которая должна была отпугивать волков.

Техника скотоводства, хотя и представляла собой систему проверенных многовековым опытом приемов, стояла на низком уровне. Заготовка кормов на зиму в прошлом почти совершенно не практиковалась. Несколько раньше у южных киргизов, а с конца XIX — начала XX в. и у северных под влиянием русских переселенцев начало распространяться сенокосение. Корм запасали в небольшом количестве, преимущественно для подкормки больного и истощенного скота, молодняка, а также лошадей, предназначенных для дальних поездок. Для уборки сена применяли обычно серп, но уже с начала XX в. стала распространяться русская коса-литовка (*чалгы, чапкы*).

Отсутствие достаточных запасов кормов на зиму ставило киргизское кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных явлений природы. Большой урон скотоводству приносили эпизоотии, в частности чума, и периодически повторявшиеся массовые падежи скота (*жут*) от бескормицы. Скот (прежде всего овцы) погибал ранней весной оттого, что после затяжной и суровой зимы с глубокими снегами и особенно гололедей, он не имел сил пробить ледяную корку и добыть корм.

До третьей четверти XIX в. киргизы почти не строили каких-либо помещений для скота. Загоны возводили из камня, камыша, хвороста. Загоны из глинобитных стен, а потом и хлева появились сначала в богатых хозяйствах. Позднее они распространились несколько шире, особенно в южной Киргизии, однако большую часть скота по-прежнему содержали в загонах, которые могли служить лишь защитой от ветра, но не укрывали от снега, метели и бурана.

В трудовом скотоводческом хозяйстве на мужчине лежали все работы, связанные с организацией выпаса стада и заготовкой кормов. Женщины должны были ухаживать за скотом, пасущимся поблизости от айла, доить кобылиц и коров, коз и овец, следить за молодняком, вести молочное хозяйство, временами охранять стада ночью, а также выполнять главную часть работы, связанной с перекочевкой айла.

Скот киргизы повсеместно доили с припуском молодняка, т. е. с применением подсоса.

Для лечения домашних животных киргизы применяли оперативное вмешательство, кровопускание и различные средства народной ветеринарии. Если болезни не поддавались лечению, они использовали разного рода магические приемы: окуривали стада дымом арчи, гнали скот к «священным местам» — мазарам, где устраивали моления, приносили жертвы патронам-пскровителям домашних животных. Естественно, все это не могло предотвратить бедствий, от которых чуть ли не ежегодно страдали скотоводы. Сеть ветеринарных учреждений, возникших после присоединения к России, была очень ограниченной и не могла обслужить разбросанные на огромных пространствах киргизские айлы.

С поселением в крае русских и украинцев в местной хозяйственной жизни появились некоторые нововведения. В котловине Иссык-Куля В. П. Пяновский создал конный завод. Породистые производители имелись и на основанной в г. Пржевальске случной конюшне. В Киргизию были завезены улучшенные породы крупного рогатого скота, тонкорунные овцы. Кое-где были созданы сельскохозяйственные школы. Но все эти про-

Перекочевка. Алайская долина

грессивные мероприятия, как и развитие сенокосения и заготовки кормов, не дали сколько-нибудь ощутимых результатов в киргизском скотоводстве. Оно по-прежнему было отсталым и малопродуктивным, всецело зависящим от природных условий и господства патриархально-феодалных отношений.

Земледельческая культура на территории расселения современных киргизов существует с давней поры. Значительного развития она достигла в античный период в Фергане; во второй половине I тысячелетия н. э. она переживала пору расцвета в Чуйской долине под влиянием занимавшихся земледелием выходцев из Согда¹. В послемонгольское время в пределах северной Киргизии земледелие пришло в полный упадок.

В недавнем прошлом существовало мнение, что возрождение земледелия на территории Прииссыккуля, Чуйской долины и других районов северной Киргизии было связано с переселением сюда русских и украинских крестьян, начало которому было положено в 60—70-х годах XIX в. В действительности земледельческая культура в этом крае возродилась еще раньше. Носителями ее были аборигены-киргизы, занявшиеся возделыванием земли тотчас же после своего возвращения на места прежнего жительства, временно захваченные ойратскими феодалами в XVII в. Как показывают собранные в последние годы полевые материалы, в соседней с Ферганой долине Тогуз-Тороо (Тянь-Шань) на рубеже XVII—XVIII вв. киргизы уже занимались поливным земледелием. Эти данные находят подтверждение в китайских источниках, относящихся к последней четверти XVIII в.², а также в упомянутой работе капитана И. Андреева, написанной в конце XVIII в. Андреев сообщает, что киргизы «имеют довольно изобильное хлебопашество», в котором «в летнее время упражняются».

На территории Ферганской котловины и окружающих ее предгорий земледелие у киргизов, несомненно, существовало еще раньше. Из

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 17, 24; А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. VI, 1940.

² А. Н. Бернштам. Источники по истории киргизов XVIII в. «Вопросы истории», 1946, № 11-12, стр. 131.

материалов В. П. Наливкина следует, что в XVII в. киргизы занимались здесь сооружением больших ирригационных систем¹.

Более поздние источники согласно свидетельствуют о широком распространении земледелия у киргизов в Иссык-Кульской котловине, в долинах рек Чу и Таласа, а также в Ферганской котловине, в долине Кетмень-Тюбе и повсюду в горах, где позволяли климатические условия, иногда на значительной высоте (например, в высокогорной долине р. Ат-Баши). Одним из крупных центров земледелия еще до присоединения Киргизии к России было Прииссыккулье.

В киргизской земледельческой культуре имеется много общих черт с древней земледельческой культурой соседних оседлых народов — узбеков и таджиков и оседлого населения, живущего на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Таким образом, киргизское земледелие развивалось в тесном взаимодействии с местным среднеазиатским земледелием. Вместе с тем киргизские земледельцы на севере страны (а частично и на юге), начиная с 60-70-х годов XIX в., испытывали благотворное влияние исконных земледельцев — русских и украинских крестьян-переселенцев.

Удельный вес земледелия издавна был более высоким в хозяйстве южных киргизов. В северной Киргизии его значение стало увеличиваться после присоединения Киргизии к России. В 1913 г. уже свыше 90 % киргизских хозяйств Пишпекского уезда занималось хлебопашеством. Переход значительной части киргизской бедноты к земледелию и оседлости, как уже отмечалось выше, был вызван прежде всего усиливавшимся классовым расслоением киргизского общества, проникновением в киргизское хозяйство капиталистических отношений. Большую роль при этом сыграла колонизаторская политика царизма: происходило изъятие больших массивов земли и сокращение пастбищ, особенно более ценных — зимних, приводившее к уменьшению поголовья скота в малообеспеченных хозяйствах. Некоторое влияние на развитие земледелия у киргизов оказал также положительный пример их соседей — русских крестьян.

Часть обедневших хозяйств, имевших ничтожное количество скота, перейдя к земледелию, все же совершала неполный цикл кочевания. Для многих бедняцких хозяйств, у которых вовсе не было скота, земледелие превратилось в единственный источник существования.

В годы, предшествовавшие Октябрьской революции, значительное распространение получило смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство полуседлого типа: часть семьи в таком хозяйстве оставалась летом на месте зимней стоянки для обработки полей. Однако переход к земледелию не всегда совпадал с оседанием ранее кочевых хозяйств. Так, в Пишпекском уезде среди киргизских хозяйств насчитывалось всего 15,4 % оседлых. Попытки перехода киргизской бедноты на положение крестьян встречали резкое сопротивление манапов, видевших в этом сужение возможностей для эксплуатации зависимого от них населения. Борьба за переход на оседлость достигала иногда очень большой остроты. После длительной борьбы в 1900 г. в Пишпекском уезде было основано первое киргизское оседлое сел. Таш-Тюбе. Почти одновременно с ним возникло сел. Боз-Учук в Пржевальском уезде. Незадолго до Октябрьской революции киргизы образовали несколько других оседлых селений, в том числе смешанное киргизско-русское сел. Дархан (1912 г.)².

¹ В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 25.

² Об истории этого селения см. в кн.: С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», в. с., т. XXXVII. М., 1958, стр. 26—32.

Несмотря на то, что в условиях аграрной политики царизма переход к земледелию и оседание бедняков-киргизов протекали далеко не безболезненно, эти явления, с общ исторической точки зрения, безусловно имели прогрессивное значение, знаменуя переход к более высоким формам хозяйства и культуры.

В хозяйстве основной массы киргизов земледелие было подсобной отраслью и имело преимущественно потребительский характер. Посевы, особенно в бедняцких хозяйствах, были небольшие. Лишь у богатых скотоводов они достигали нередко значительных размеров. В Ферганской долине земледелие все более приобретало товарный характер, что было связано с развитием там хлопководства. Помимо хлопка на юге киргизы выращивали пшеницу, кукурузу, джугару, рис, бахчевые культуры, люцерну. На севере Киргизии основными культурами были пшеница, просо и ячмень, в небольшом количестве овес и люцерна. Ячмень был особенно распространен в высокогорных районах. Посевы овса начали распространяться в крае под влиянием русского населения. Наиболее древним злаком у киргизов было, по-видимому, просо. Огородные культуры имели очень незначительное распространение. Так, в Пржевальском уезде в 1913 г. их возделывал лишь 1% киргизских хозяйств.

Земледелие у киргизов было главным образом оливное, с искусно разработанными приемами орошения, приспособленными к высокогорным условиям. Оросительные каналы (*арык, өстөн*) устраивали нередко на большой высоте, в скалистом грунте с каменным ложем. Для переброски воды через овраги сооружали акведуки (*ноо*) из выдолбленных стволов ели, установленных на высоких подпорках. Местами киргизы восстанавливали и древнюю, давно заброшенную ирригационную сеть. Применялось исключительно самотечное орошение. Система орошения позволяла кочевникам после посева откочевывать на пастбища и возвращаться к уборке урожая. Для проведения поливов в этот промежуток времени приезжали лишь отдельные члены семей скотоводов.

Кое-где оливное земледелие сочеталось с богарным, зависящим от атмосферных осадков. Но более широко богарные посевы распространились позднее, что было связано с использованием опыта окружающего русского населения.

Основным орудием для обработки почвы был *буурсун* (на юге — *амач, омоч, ысфар*; ср. тадж. «сипор»), аналогичный украинскому однозубому ралу и не отличавшийся по типу от подобных орудий у большинства народов Средней Азии. Обычно на его заостренный конец надевали чугунный наконечник (*тиш*). Древность этого орудия подтверждается тем, что во время раскопок буддийского храма в Чуйской долине в 1953 г. было найдено точно такое же орудие, сделанное из арчи, которое датируется VIII в. н. э. Из-за несовершенства этого орудия приходилось проводить перекрестную вспашку поля. Тип пахотного орудия у киргизов и связанная с ним терминология указывают на общие черты в технике земледелия киргизов и оседлого населения Средней Азии и Восточного Туркестана.

Накануне Октябрьской революции деревянный буурсун еще продолжал господствовать в сельскохозяйственной технике у киргизов. Но под влиянием русских крестьян начали получать распространение и русские железные плуги. В 1913 г. в Пишпекском уезде насчитывалось уже 3538 плугов, в то же время буурсунов было 13 217.

В киргизском земледелии господствовала залежная система, севооборот встречался очень редко, удобрение полей частично применялось в южной Киргизии.

Засевали поля киргизы вручную, сеяли и по вспаханной почве и до пахоты, стерню потом пропахивали и бороновали. Сеяли из шапки, полы халата, кожного ведра, торбы. Позднее были заимствованы русские приемы сева из мешка. У киргизов местами сохранились еще способы сева,

характерные только для кочевников. Сидя верхом на лошади, сеятель бросал семена через ее голову. Для боронования использовали связку ветвей и сучьев боярышника, арчи (*мала, шак мала*) или бревно с сучьями, нередко бороновили буурсуном, положенным на бок, на который для тяжести становился человек. С течением времени начали пользоваться бороной с деревянными или железными зубьями, конструкция которой была заимствована у русских.

Единственным орудием уборки урожая служил серп двух видов: старинный *орок, кол орок*, крючкообразной формы, и гладкий, без зазубрин — *маңгел*, распространенный и в других районах Средней Азии. По воспоминаниям стариков, когда-то использовали для жатвы овечью челюсть или конское ребро. При небольшой площади посева иногда просто срывали колосья руками, срезали обыкновенным ножом или вырывали растения с корнем. Позднее получила некоторое распространение русская коса. Снопы (*боо*) или складывали на поле или перевозили к току (*кырман*) на волокуше (*чийне*), реже — на русской телеге или украинской бричке.

Обмолот урожая в более ранний период, когда площади посевов были очень небольшие, производили ударами простой палки по куче колосьев. Для этой цели применяли и деревянную ступу (*соку*), в которую набрасывали колосья. Однако наиболее распространена была молотьба (*темин басуу, пайкан*) путем прогона по разостланным снопам животных (лошадей, быков, ослов), которых привязывали к врытому посредине тока шесту (*момук, мамы*) с надетым на него кольцом из прутьев (*чамберек*). В южной Киргизии для молотьбы применялось заимствованное у узбеков и таджиков приспособление в виде прямоугольной деревянной рамы, переплетенной сучьями, хворостом, травой, или в виде связки хвороста (*увал*; тадж. «чапар»). От переселенцев — русских и украинцев был заимствован способ молотьбы при помощи моголильных каменных катков (*мала тачи*).

Для веяния после первого обмолота применяли вилы (*беш илик*), а после вторичного обмолота — лопаты. На юге еще просеивали зерно через решето (*паран*). По окончании обмолота, когда очищенное зерно было ссыпано в кучу, устраивали обрядовое угощение (*чеч*). Для этого считалось желательным заколоть какое-либо мелкое животное. Под голову животного подстилали веник (*шыпыргы*), а кровь стекала на лопату. Кровью животного обрызгивали зерно и шест. Это угощение посвящали покровителю земледелия (Баба Дыйкан). Данный обряд аналогичен таджикскому («чошбанди»).

Для помола зерна, наряду с водяными мельницами общего для Средней Азии типа, часто употребляли ручные каменные жернова (*жаргылчак*). Киргизы применяли в хозяйстве и такое универсальное орудие, как мотыга (*кетмен*) с овальной лопастью, насаженной перпендикулярно к рукоятке. Это орудие было повсеместно распространено в Средней Азии.

Таким образом, киргизское земледелие, сохраняя некоторые архаичные самобытные черты, было органически связано со всем среднеазиатским земледелием. Но на нем уже заметно сказывалось прогрессивное влияние общения с соседним русским и украинским населением, а также укрепление экономических связей с Россией.

Охота

Охота, бывшая в древности одним из основных занятий киргизов, еще в XIX в. являлась значительным подспорьем в их трудовых хозяйствах. В фольклоре сохранились воспоминания о том, что в отдельных случаях охотники снабжали мясом бедные айлы или небольшие общины. Доказательством большого значения охоты в прошлом служит киргизский народный календарь, в котором пять месяцев носят названия промысловых животных: оленя (*бугу*), горного козла (*теке*), архара (*кулжа*) и самца косули (*чын куран*, т. е. истинный куран, и *жалган куран*, т. е. ложный куран).

Охотники с ловчими птицами. Прииссыккулье

(XIV в.)

Охотились с ловчими птицами и с ружьями, ставили тарелочные капканы (железные) и силки. Значительное распространение до Октябрьской революции имели фитильные ружья с деревянными сошками, но уже появлялись шомпольные ружья и берданки. Объектами охоты были горные бараны, козлы, косули, медведи, волки, лисицы; в первой половине XIX в. была распространена охота на маралов, рога которых, добытые в определенное время года, высоко ценились в Китае; их скупали у киргизов китайские купцы. Киргизы славились как искусные, исключительно меткие стрелки и неутомимые охотники.

В старину на горных баранов и козлов устраивались иногда коллективные облавы (*уу*), напоминающие такие же способы охоты у таджиков.

Охотники, как и пастухи, для ходьбы в горах пользовались особыми приспособлениями из конских копыт (*тай туяк*), которые пристегивались к подошвам сапог. У них были «ступающие», круглой или четырехугольной формы, лыжи (*жапкак*) и железные приспособления типа «кошек» (*темир чокой*) для ходьбы по скалам.

С давних времен у киргизов была распространена охота с ловчими птицами. В качестве ловчих птиц, дрессировка которых была доведена до большого совершенства, служили орлы, соколы, ястребы. Промысловое значение имела главным образом охота с орлами-беркутами (*буркут*), с помощью которых добывали лисиц, иногда волков, косуль. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь была скорее любительской — спортивным занятием. Чаще всего она служила развлечением феодальной знати. Искусно проводилась охота с борзыми собаками. Киргизы издавна разводят особый, горный тип борзой собаки (*тайган*), которая хорошо идет на лисицу. Собаки использовались также во время облавы на зверей.

У киргизов существовал обряд посвящения в охотники. Применялись заговоры на дичь.

После Октябрьской революции охота не утратила значения подсобного промысла, но характер ее претерпел большие изменения. Охотники-промысловики объединены в особые звенья, входящие в состав колхозов.

За сдаваемую ими пушнину деньги поступают в колхоз, а охотникам начисляются трудодни. Объектами охоты служат преимущественно лисы, сурки и суслики, но и теперь охотятся на хищников — волков, медведей, барсов. Фитильные ружья почти повсеместно вышли из употребления — их заменили современные охотничьи ружья. Для охоты на хищников и сурков и теперь применяют капканы. Продолжает бытовать и охота с беркутами, особенно на лис. Охотой занимаются и колхозники, не состоящие в охотничьем звене. Это преимущественно животноводы. Они бьют главным образом хищников, представляющих опасность для отар и табунов. В Киргизии в широких размерах производится отлов диких животных и птиц для зоопарков страны. Киргизы-охотники активно участвуют в снаряжаемых для этой цели экспедициях и с большим мастерством ловят снежных барсов, рысей, горных козлов, горных баранов (архаров) и других зверей.

Охота с ловчими птицами и в настоящее время принадлежит к числу излюбленных спортивных развлечений киргизов.

Домашние промыслы и ремесла Значительное место в киргизском хозяйстве занимали различные домашние промыслы, большинство которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Из шерсти овец, которых мужчины стригли весной и осенью, женщины изготовляли пряжу при помощи ручного деревянного веретена (*ийик*) с пряслицем из дерева, свинца или камня. На примитивном ткацком стане (*өрмөк*) из этой пряжи изготовляли ткань для пошивки халатов, штанов, мешков, переметных сум, а также тесьму для обвязывания остова юрты. По своему устройству киргизский ткацкий стан в общих чертах совпадает с такими же станами у соседних, в прошлом кочевых, народов Средней Азии.

Овечья шерсть шла также на выделку тканых ворсовых ковров (у южных групп киргизов) и войлоков, которыми покрывали юрты. Из нее изготовляли войлочные ковры для подстилки, халаты, головные уборы, обувь, различные принадлежности к седлам. Верблюжью шерсть использовали для выделки тканей на пошив одежды, из шерсти коз и яков вили веревки (*аркан*). Из овечьих шкур шили тулупы, головные уборы, подстилки для юрты. Шкуры обрабатывали кислым молоком с солью, а затем очищали мездру. Из козьих шкур изготовляли мешки для хранения и перевозки жидкостей. Кожу крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов шли на выделку обуви и различных типов посуды. В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи и ложившихся почти целиком на плечи женщин, необходимо еще упомянуть изготовление циновок из стеблей степного растения чия, переплетаемых шерстяными и хлопчатобумажными нитками.

В бедняцких и середняцких хозяйствах в домашних промыслах были заняты члены собственной семьи; богатые хозяйства привлекали для домашних работ зависимых от них бедных сородичей.

Деревообделочные работы заключались главным образом в изготовлении остовов юрт, ленчиков для седел, колыбелей и частично посуды. Для изготовления точеной деревянной посуды деревообделочники (*жыгач уста*) применяли примитивный токарный станок (*кырма, дукөн*). Некоторые мастера работали на заказ, на непосредственного потребителя, часто из его материала. Оплата за работу производилась преимущественно натурой. Ремесло у киргизов не было развито. Мастера продолжали заниматься скотоводством и земледелием.

Обработка металлов известна киргизам уже давно. Из добывавшегося на оз. Иссык-Куль шлихового железного песка, путем плавки его в примитивных горнах, получали железо. Кузнецы (*темир уста*) изготовляли подковы, ножи, серпы, топоры, сошники, а более искусные из них — оружие. Серебряных дел мастера (*кумуш уста, зергер*) делали из серебра жен-

ские украшения, украшения для мужских поясов, сбруи и т. п., часто отличавшиеся большим художественным вкусом. Некоторые виды ремесла у киргизов передавались по наследству; были потомственные кузнецы, ювелиры, мастера по изготовлению жерновов.

В некоторых местах из цветного камня изготовляли пулелейки, светильники, пуговицы. Памирские киргизы добывали хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда. Южные киргизы жгли уголь и продавали его в городах Ферганы.

С соседними странами киргизы издавна вели оживленный меновой торг. К ним приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стегаными бумажными и полупелюковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, бумажными и шелковыми тканями, из которых особенно большим спросом пользовались бязи и бумажная армячина. Оттуда же привозили оружие. Из Кульджи купцы привозили чай, табак, рис, шелковые ткани. Проникали к киргизам также и товары российского производства. Торговля с Россией установилась задолго до принятия киргизами русского подданства. Из России привозили ткани, выделанную кожу (юфть), железные и чугунные изделия, украшения. Эти товары пользовались большим спросом у киргизского населения. В обмен на привозившиеся товары купцы получали от киргизов скот, шкуры, войлоки, кожи, шерсть, пушнину, волос. В качестве всеобщего эквивалента при обменных операциях служила овца. Более ценные из привозимых товаров (например, шелковые ткани, кожи, рис) приобретали только богатые скотоводы.

Несмотря на некоторое развитие торговли и обмена с соседними оседлыми народами, товарное производство в киргизском обществе в XIX в. находилось в зачаточном состоянии. Вследствие крайне незначительного числа городов и рынков хозяйства подавляющего большинства скотоводов и земледельцев в основном было натуральным. Исключение составляли населенные киргизами районы, тяготевшие к таким экономическим центрам, как Ош и Андижан, Кашгар и Яркенд. Здесь имели некоторое значение товарные отношения.

В конце XIX — начале XX в. экономическая жизнь в Киргизии стала оживляться. Все более расширялась торговля скотом и продуктами животноводства, товарно-денежные отношения проникали в аил и постепенно распатывали устой натурального киргизского хозяйства. Меновая торговля все более заменялась денежной. Основное место заняла торговля с Россией.

После Октябрьской революции, в особенности в связи с коллективизацией сельского хозяйства, развитием местной промышленности и советской торговли, значение и удельный вес домашних промыслов и ремесел в хозяйственной жизни киргизского населения резко изменились. Некоторые из них, как, например, кузнечный промысел, обработка дерева, изготовление арканов полностью или частично перешли в область общественного хозяйства. Однако киргизские мастера, работающие в колхозных кузницах, где они заняты ремонтом и изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, выполняют и заказы колхозников на предметы домашнего обихода: таганы, щипцы для углей, шумовки. Отдельные мастера деревообделочники до сих пор занимаются изготовлением частей для остова юрты. Большинство же их работает ныне в качестве плотников и столяров в строительных бригадах колхозов или в колхозных мастерских. В свободное от основной работы время они изготовляют по просьбе колхозников различные виды мебели и домашней утвари: низкие шкафы для посуды, сундучки (*укөк*) для хранения хлеба, лари для зерна и муки, обычные или круглые низенькие столы, кадки (*челек*), ступы (*соку*), детские колыбели (*бешик*), музыкальные инструменты (трехструнный *комуз*), ленчики для седел.

Значительная часть старых киргизских домашних промыслов продолжает в той или иной мере сохраняться и теперь в личном хозяйстве колхозных семей, что объясняется многими особенностями местного хозяйства, климатическими условиями, национальными вкусами и потребностями. Сохраняются и традиционные технические приемы. Значительная часть домашних производств связана с обработкой шерсти. Из нее изготавливают войлоки для покрытия юрты, подстилки, потники, головные уборы, валенки и чулки. В некоторых семьях ткнут шерстяные ткани для верхней одежды, переметных сум, паласов, мешков, попон. Такие работы, как катание войлоков, витье арканов, до сих пор выполняются с участием соседок, на коллективных началах. Домашним способом обрабатываются также овечьи шкуры, из которых затем шьют тулупы, шубы, шапки, штаны, коврики для подстилки. В семьях животноводов изготавливают некоторые виды кожаной посуды, удобной при частых переездах на пастбищах. Сохраняется и плетение циновок из стеблей чия¹.

Рыболовство,
пчеловодство,
шелководство

После присоединения к России в Киргизии получило некоторое развитие рыболовство. Для ловли рыбы в Иссык-Куле киргизы пользовались примитивной остройгой (*дегее*), устраивали запруды на реках. В дальнейшем некоторые киргизы, нанявшиеся к русским промышленникам, стали пользоваться их приемами, рыболовными снастями. Однако сколько-нибудь значительного развития в прошлом этот промысел не получил. Отдельные киргизские хозяйства на Иссык-Куле заимствовали у русских крестьян-переселенцев технику разведения пчел, но и пчеловодство в силу особенностей полукучевого киргизского хозяйства не играло в нем какой-либо заметной роли. Некоторая часть южных киргизов, наряду с земледелием, стала заниматься шелководством, причем выкормка червей стала обязанностью женщин.

В настоящее время рыболовство в Киргизии, особенно на оз. Иссык-Куль, имеет важное народнохозяйственное значение. Рыбы, населяющие водоемы и реки Киргизии, принадлежат к пятидесяти видам и подвидам. Наиболее распространены голый осман, сазан, маринка, чебак, чебачок-селедочка, голец, щука, сом, красноперка. Оз. Иссык-Куль становится ныне рыболовной базой Средней Азии. Здесь уже акклиматизировались форель, карп, судак. Построен Тонский рыболовный завод.

На Иссык-Куле организованы рыболюбческие артели.

Многие киргизские колхозы, особенно в Прииссыккулье и в северной части Ошской области, имеют свои пасеки, обслуживаемые пчеловодами-киргизами. Получаемый с пасек мед продается на колхозном рынке и членам колхоза, а также служит одним из видов натуральной оплаты трудней.

Шелководство развивается ныне как часть общественного хозяйства в колхозах Ошской области.

Современное сельское хозяйство Социалистическое преобразование сельского хозяйства Киргизии — ранее одной из самых отсталых окраин России с кочевым и полукучевым хозяйством — имело выдающееся значение в жизни киргизского народа.

В первое десятилетие после установления Советской власти большую роль в укреплении экономического положения бедняцко-средняцких масс киргизского аила и в ограничении эксплуататорских тенденций байства и манапства сыграло развитие различных видов сельскохозяйственной кооперации. В Киргизии создавались кредитные товарищества, товарищества, имевшие снабженческо-бытовые функции, возникали и первые ячейки производственной кооперации: коммуны, сельскохозяйственные артели, товарищества по совместной обработке земли.

¹ О художественных промыслах см. в разделе «Изобразительное искусство».

Пасека колхоза «Каирма». Северная часть Омской области

Одним из важных мероприятий по реконструкции сельского хозяйства Киргизии была организация совхозов. В конце 1924 г. в Чуйской долине был основан первый совхоз — «Аламедин» (ныне им. Стрельниковой), имевший мясо-молочное направление, на Тянь-Шане был создан овцеводческий совхоз «Кочкорка» и на юге Киргизии — овцеводческий совхоз «Катта Талдык». С организацией первых совхозов в Киргизии возник новый тип оседлого социалистического животноводческого хозяйства.

Важное значение для хозяйственного подъема трудового населения в аилах и кыштаках и для борьбы с байством и манапством, оказывавшими упорное сопротивление мероприятиям Советской власти, имело проведение на юге Киргизии в 1927—1928 гг. земельно-водной реформы. В результате реформы в экономике были ликвидированы остатки феодализма. 17,5 тыс. безземельных и малоземельных хозяйств было наделено землей. Часть батраков, бедняков и издольщиков, получивших землю, рабочий скот и инвентарь, объединилась в колхозы.

В борьбе с байско-манапскими элементами видное место занимала деятельность батрацко-бедняцкой организации — союза «Кошчи». Большую работу по хозяйственно-культурному обслуживанию животноводов и освобождению их из-под влияния классово чуждых элементов провели созданные с 1927 г. на крупнейших пастбищах джайлоуные Советы. Первый такой Совет был образован в долине р. Сусамыра.

Выселение из пределов Киргизии крупнейших баев и манапов, мероприятия по укреплению Советской власти в киргизском аиле, развитие различных форм кооперации создали предпосылки для массовой коллективизации, которая развернулась в Киргизии в 1929—1930 гг. В Киргизии в процессе коллективизации была решена и другая историческая задача — переход бывших кочевников-киргизов на оседлость.

В результате сельское хозяйство Киргизии из отсталого, насчитывавшего около 100 тыс. мелких разрозненных скотоводческих хозяйств, ведших кочевой и полукочевой образ жизни (они составляли до двух третей всех киргизских хозяйств), превратилось в передовое социалистическое сельскохозяйственное производство, оснащенное новой техникой.

В 1961 г. в Киргизии насчитывалось 304 крупных сельскохозяйственных артели, 67 многоотраслевых и специализированных совхозов (из них 40 овцеводческих и мясо-молочных), десятки ремонтно-технических и машинно-животноводческих станций.

За годы социалистического строительства в сельском хозяйстве республики осуществлена подлинная техническая революция, в результате которой оно переведено на рельсы крупного машинного производства. В сельскохозяйственном производстве используется более 12 тыс. тракторов, свыше 3 тыс. зерновых комбайнов, свеклокомбайнов, хлопкоуборочных машин, около 8 тыс. грузовых автомобилей. Уже к началу 1959 г. почти все колхозы приобрели большое количество техники, в том числе около 6 тыс. тракторов, на общую сумму 232 млн. руб.

Ведущей отраслью сельского хозяйства является животноводство.

Еще в 1926 г. байские и манапские хозяйства, составлявшие около 9,8% всех хозяйств в Киргизии, сосредоточивали в своих руках до 22% крупного рогатого скота, до 40% поголовья лошадей и 67% овец. Ныне большая часть скота является общественным достоянием. Общественному сектору в 1961 г. принадлежало свыше 80% поголовья крупного рогатого скота, 94% овец, свыше 93% поголовья лошадей, 90% свиней.

Переход от примитивного единоличного скотоводческого хозяйства к колхозам и совхозам позволил резко увеличить поголовье скота. Поголовье овец и коз, составлявшее в 1916 г. 2,5 млн., увеличилось до 6,3 млн. в 1960 г., крупного рогатого скота — с 519 до 739 тыс. голов. В настоящее время овцы составляют около 80% общего поголовья скота.

Особенностью животноводческого хозяйства республики является сохранение и широкое использование выработанных веками у киргизов опыта и навыков ведения животноводства, связанных с круглогодичным выпасом на отгонных пастбищах многочисленных отар овец и конских табунов. Применение отгонно-пастбищной системы дает возможность эффективно использовать необозримые, богатейшие пастбища, занимающие более половины всей территории Киргизии и представляющие собой важнейшую базу естественных кормовых ресурсов социалистического животноводства. Из них наибольшей известностью пользуются пастбища, расположенные в долинах рек Сусамыра, Ак-Сая, Арпы, Кара-Куджура, Чаткала, в Алайской долине, вокруг оз. Сон-Куль. Особое место среди них занимают прииссыккульские сырты.

Внешне формы ведения животноводческого хозяйства и производственный быт самих киргизских животноводов на отгонных пастбищах во многом сходны со старым бытом скотоводов-кочевников. Подъезжая к спрятавшемуся где-нибудь в ложине айлу табунщиков или чабанов, видишь большое сходство с прежним стойбищем кочевника. Те же юрты, те же привязи для молодняка, деревянные корыта для соли, привязанная к колу верховая лошадь, помост для сушки сыра, лежащее на земле вьючное седло для быка... Но стоит ближе присмотреться к жизни этого айла, как станет ясно, что перед тобой и люди совсем не те, что были, и отношения между ними построены на новой основе, и организация труда, и его характер, его целенаправленность претерпели глубокие изменения.

Само животноводческое хозяйство стало принципиально иным, непохожим на прежнее. Если раньше кочевание скотоводов имело бытовой характер: все они вместе со скотом и домашним скарбом отправлялись на восемь-девять месяцев на пастбища, то теперь выпас скота подчинен исключительно производственным целям общественного хозяйства: со скотом на отгонные пастбища отправляется только часть населения — колхозники и работники совхозов, непосредственно связанные с обслуживанием и выпасом скота. Отгонное животноводство сочетается со стойловым и полустойловым содержанием части скота и с самыми последними достижениями сельскохозяйственной науки и передового опыта.

Ветеринарное обслуживание колхозных отар на высокогорном пастбище.
Тянь-Шаньская область

Продолжая применять традиционные приемы выпаса и содержания скота, киргизские животноводы заблаговременно готовятся к наиболее ответственной поре — перегону животных на высокогорные летние пастбища. Предварительно вместе со специалистами разрабатываются маршрут и график движения отар, гуртов и табунов, очередность при переходе через перевалы скота, принадлежащего отдельным колхозам и совхозам. Чабаны, скотники и табунщики проходят производственное обучение на специальных курсах и семинарах. Составляется план стравливания пастбищных участков, а для нагульного скота — график сдачи животных на заготовительные базы. Зоотехники и ветеринарные работники тщательно проверяют состояние скота.

Начало перегона скота рассматривается как ответственное хозяйственное мероприятие и в то же время как большой праздник. Иногда перегону скота действительно предшествует устраиваемый колхозом праздник животноводов. После официальной части организуются национальные игры и состязания (борьба на конях, конские скачки), а в заключение — угощение.

Перегон начинается обычно в конце мая или начале июня, местами — несколько позднее. Перед этим весь скот сосредотачивается поблизости от одного из первых перевалов. Сюда выезжают работники бухгалтерии для пересчета поголовья скота. Накануне дня перегона нередко устраиваются проводы с традиционным угощением. Уезжающим дают наказы, желают успеха, провозглашают тосты за удачный перегон.

Впереди идут лошади, за ними отары овец и остальной скот, последними движутся навьюченные юртами и домашними вещами животноводов быки и верблюды. Колхозы и совхозы принимают меры к тому, чтобы бригады чабанов были обеспечены транспортом для частых передвижений, а каждый чабан — верховой лошастью. Многие хозяйства снабжают животноводов хорошими юртами и палатками (иногда и домиками), теплой одеждой, своевременно завозят им продукты питания.

Беседа зоотехника с табунищиками на летнем пастбище. Кеминский район

На пути к пастбищам, после каждого небольшого перехода, останавливаются для отдыха. Обычно перегон занимает несколько дней.

Во время пребывания на летних, а тем более на зимних пастбищах ведется напряженная и сложная работа. Чабанам приходится преодолевать большие трудности и работать нередко с исключительной самоотверженностью. Десятки тысяч животноводов круглый год трудятся на пастбищах, вдали от родных селений. Аилы чабанов и табунищиков обычно расположены неподалеку один от другого. Иногда животноводы навещают друг друга, между ними строго соблюдается закон взаимопомощи. Они радушно встречают приезжающих в аилы зоотехников и ветработников, библиотекарей, агитаторов. Иногда животноводы той или иной округи объединяются для поочередных групповых угощений (*шерне*).

Животноводы выезжают на пастбища обычно с семьями и часто целыми семьями там и работают. Но иногда они живут вдали от семьи. Большинство их имеет в поселках дома с приусадебными участками, в которых живут (преимущественно зимой) члены их семей или близкие родственники. В дальнейшем намечается во всех хозяйственно-культурных центрах, на межколхозных и межрайонных пастбищах создать школы-интернаты и круглосуточные детские сады с тем, чтобы животноводы не возили своих детей с места на место, а могли оставлять их под надлежащим присмотром.

Летом семьи животноводов занимаются заготовкой молочных продуктов на зиму, осенью — некоторыми видами домашних работ, связанных с обработкой животноводческого сырья, шитьем одежды. В сентябре происходит стрижка части овец, отбивка ягнят весеннего приплода, формирование отар. Часть животноводов начинает осенью передвигаться вниз, к зимним стоянкам, остальные готовятся к выпасу скота на зимних пастбищах. На период расплода и весенней стрижки овец в феврале-марте

скот перегоняют с зимних пастбищ в предгорья и долины. Снова приходят в движение огромные массы скота, для животноводов наступают тревожные дни и ночи. В пунктах перегона, около перевалов заготавливают корма для скота, для животноводов открываются походные столовые, организуется развозная торговля.

Молочнотоварные фермы выпасают скот обычно на более близких пастбищах. Здесь размещаются сепараторные пункты, а местами и сыроваренные заводы.

Хотя животноводческое хозяйство в целом качественно преобразилось, в условиях содержания скота еще осталось многое от старого кочевого животноводства. Дальнейшее развитие животноводства потребует коренного изменения устарелых способов и методов ведения хозяйства, основанных на круглогодичном выпасе без подкормки.

Освоение обширных пастбищ, используемых для выпаса скота, превратилось в большую государственную задачу. Она имеет особенно большое значение потому, что в больших масштабах применяется не только осенне-летний, но и зимний выпас скота, а это требует огромной подготовительной работы. Проведение зимовки скота — самый ответственный этап в животноводческом хозяйстве, к ней бывает приковано внимание всех партийных и советских организаций, не говоря уже о самих колхозах и совхозах. На пастбищах создаются страховые запасы кормов. С этой целью туда перебрасываются фураж и прессованное сено. Это вызвало необходимость сооружения автомобильных дорог, связывающих колхозные поселки со всеми основными пастбищами. Однако в некоторых случаях условия рельефа не позволяют проложить дороги. И тогда на помощь животноводам приходит авиация.

Однако обеспечить страховыми запасами кормов многие сотни тысяч голов скота, круглый год содержащегося на подножном корму в зоне высокогорных субальпийских и альпийских лугов, только путем переброски кормов из долин не представляется возможным. Для решения этой задачи предприняты попытки организации на самих пастбищах травосеяния и возделывания фуражных культур. На одном из крупнейших в Средней Азии высокогорном пастбище Сусамыр и в Кенес-Анархае работают МЖС и большие площади засеваются зернофуражными культурами. Уже начато создание искусственных сенокосов, производятся посевы кормовых трав на тысячах гектаров. Это требует в свою очередь прокладки оросительной сети. Одновременно практикуются улучшения сенокосов и полив луговых трав. Благодаря этому появилась возможность на самих пастбищах создавать необходимые запасы кормов, применяя для их заготовки конные и тракторные сенокосилки.

Из-за недостатка водоемов некоторые пастбища не могли быть эффективно использованы. Теперь в широких масштабах проводится обводнение пастбищ. Только за 1959—1960 гг. было обводнено 413 тыс. га пастбищ. Около буровых скважин оборудуются железобетонные резервуары и водопойные площадки. Это позволило оживить безводные пастбища. Особенно крупные работы по обводнению проводятся на пастбище Кенес-Анархай. Это пастбище, находящееся на территории братской Казахской ССР, решением правительства последней предоставлено Киргизии для выпаса скота, принадлежащего колхозам и совхозам Чуйской долины. На пастбищах Кенес-Анархай и Прибалхашской низменности, занимающих 528 тыс. га, зимует до 300 тыс. овец. Построенные на безводных пастбищах республики 36 буровых и 84 шахтных колодца обеспечивают водопой скота. Для орошения и обводнения 15 тыс. га в степях Кенес-Анархая сооружается Джилгындинское водохранилище.

Большое значение в развитии отгонного животноводства имеет создание в 11 основных, наиболее крупных урочищах (Ак-Сай, Орто-Сырт, Кара-Куджур, прииссыккульские сырты) хозяйственно-культурных

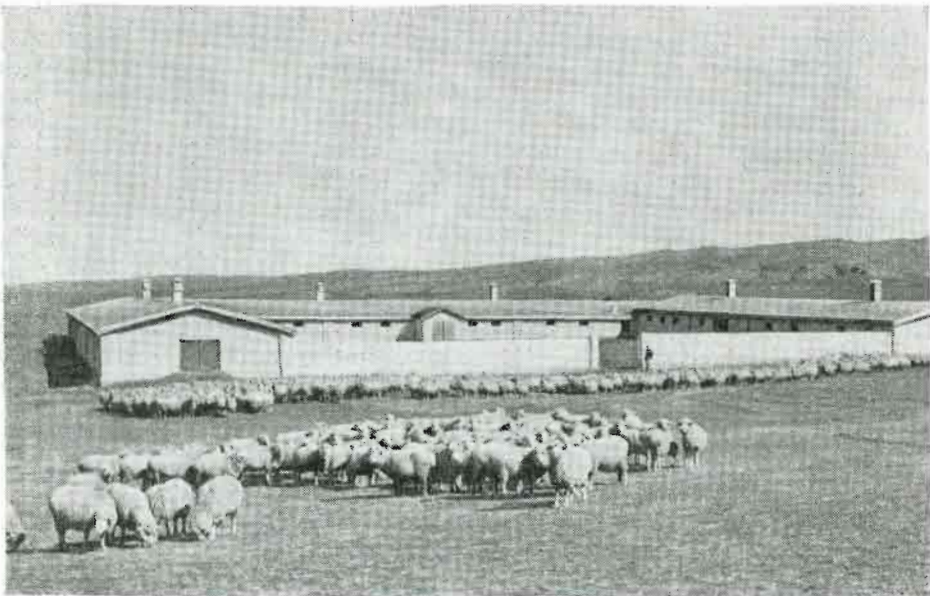

Агитатор читает чабанам газету. Урочище Кен-Код, Таласская долина

центров. Здесь открыты медицинские пункты или больницы, зооветеринарные участки, магазины, красные уголки и библиотеки, школы с интернатами, русские бани (с раздевалками, парными), стационарные киноустановки, построены радиостанции, удобные жилые дома. Повсеместно на отгонных участках развернулось строительство домиков для чабанов и табунщиков, зимующих со скотом на пастбищах, в том числе и на высокогорных пустынных сыртах. О том, какое значение придают этому сами чабаны, свидетельствуют слова Героя Социалистического Труда Тёлесуна Исмаилова: «...В нынешних условиях семья чабана не может довольствоваться юртой или палаткой на горных пастбищах, надо строить для них домики на две комнаты. В этом случае можно лучше организовать быт людей...». Хозяйственно-культурные центры посещают агиткультбригады, здесь демонстрируются кинофильмы. На отдаленные урочища выезжают передвижные библиотеки, туда доставляются газеты и журналы, направляются магазины-караваны, снабжающие животноводов теплой одеждой, тканями, бельем, кондитерскими изделиями, мукой. Сюда же завозится кормовая соль. Наряду с автолавками и гужевыми «развозками», в Тянь-Шаньской области действуют «магазины», пользующиеся вьючным транспортом.

Специализация животноводства в зависимости от природных и экономических условий резко изменила соотношение его отдельных отраслей. Если в дореволюционное время значительный удельный вес в стаде еще имели лошади, то теперь преобладающая часть общественного животноводства представлена продуктивными животными. Ведущей отраслью животноводства стало овцеводство, второе по значению место занял крупный рогатый скот.

Радикальным образом изменился породный состав скота. Благодаря многолетним усилиям и упорному труду специалистов сельского хозяйства, ученых и практиков-животноводов в Киргизии выведены и получили широкое распространение новые, улучшенные высокопродуктивные породы скота. К ним прежде всего относится порода овец, получившая название «киргизская тонкорунная». Она хорошо приспособлена к условиям горнопастбищного содержания, дает тонкое руно и много мяса. Выве-

Отара племенного овцеводческого совхоза «Джуан-Тюбе» у кошары.
Галасская долина

дение этой породы началось еще в 1928 г. В нем участвовали киргизы-овцеводы Т. Досбергенов, А. Осмонов, З. Тынаева. Если грубошерстная киргизская овца давала 1,5—1,8 кг шерсти, то киргизская тонкорунная дает по 4—5 кг и более.

Выведены также новая высокопродуктивная алатауская порода крупного рогатого скота и новокиргизская порода лошадей верхово-упряжного типа. В совхозах республики почти все поголовье крупного рогатого скота, а в колхозах более 70%, состоит из животных алатауской породы и ее помесей. Более двух третей табунов в колхозах составляют лошади новокиргизской и других улучшенных пород (донской, чистокровной верховой, орловской рысистой), разводимых в Киргизии.

Для качественного преобразования местных пород скота создана разветвленная сеть государственных племенных хозяйств. В Киргизии работают 15 племенных заводов и 115 племенных хозяйств-репродукторов по разведению и размножению основных пород скота, 33 станции по искусственному осеменению животных.

Породное преобразование овцеводства привело к большим положительным результатам. Теперь в совхозах разводят только овец тонкорунной породы, и в колхозах основная часть поголовья представлена овцами тонкорунной и улучшенной пород. Из закупаемой государством в Киргизии шерсти свыше 85% составляет тонкая и полутонкая шерсть. В 1960 г. Киргизия по производству шерсти занимала шестое место в СССР среди других союзных республик. Решается задача в ближайшие годы перевести все маточное поголовье овец и молодняк на пастбищно-стойловое или полустойловое содержание в зимний период с подкормкой животных.

Овец теперь стригут не вручную, примитивными ножницами (*жуушаң*), а с помощью электростригальных агрегатов. Получили широкое распространение укрупненные стригальные пункты, благодаря которым повысилась производительность труда и улучшилось качество шерсти. Такие межколхозные стригальные пункты, а также ванны для профилактического купания овец начинают строить и на высокогорных пастбищах, чтобы избежать необходимости перегонять животных в долины.

В овцеводстве стали широко применяться прогрессивные методы ведения хозяйства. Их инициаторами были передовые чабаны совхоза «Оргочор», преобразованного ныне в Иссык-Кульскую опытную станцию по овцеводству. В этом совхозе впервые был применен зимний окот овец, благодаря которому от сотни овцематок удалось получить и сохранить до 120—130 ягнят и более. Заслуга применения этого метода принадлежит Герою Социалистического Труда Ишемби Илишаеву, знатному чабану Зууре Тынаевой и др. По инициативе чабана той же станции Тапшырма Садывакунова началось движение за переход к уплотненному окоту овец, метод которого разработал знатный чабан страны И. Н. Малашенко. Почин Т. Садывакунова подхватили более 300 бригад, которые обязались от закрепленных за ними 145 тыс. овец получить 513 тыс. ягнят. Проводя три окота за два года, чабаны добиваются получения от 100 маток 370—400 ягнят и более. Лучших результатов в 1960—1961 гг. достигла бригада старшего чабана совхоза «Улахол» (Прииссыккулье) Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР Төлөсуна Исмаилова. Она провела за два года три окота и сохранила по 426 ягнят от каждой 100 маток, настриг шерсти составил в 1961 г. в среднем 5,5 кг с каждой овцы. Такие же показатели у известного чабана из совхоза «Джуан-Тюбе» Тюлюбека Досбергенова.

Применяемые методы выпаса овец все более совершенствуются. Организуется своевременное искусственное осеменение овец, перед отправлением на пастбища проводится профилактическая обработка животных. Маточное поголовье до конца ягнения подкармливают концентратами. В осенне-зимний период овцематкам дается кукурузный силос. Повсюду введен сакманный метод содержания овцематок и молодняка: маток с ягнятами одинакового возраста объединяют в группы (сакманы). В передовых хозяйствах помещения, где содержатся ягнята, хорошо вентилируются, в них часто меняют подстилку и белят стены.

Перед зимним выпасом заблаговременно выбирают участки для пастбы овец, намечают места стоянок — так называемые «чабанские точки». Лучшие чабаны не держат отару более пяти-шести дней на одном месте. Они применяют загонную систему пастбы, во время дают животным минеральную подкормку, регулярно поят. Благодаря правильному перегону овец и умелой пастбе многие опытные чабаны, среди которых уже немало женщин, добиваются наживровки овец, хорошего приплода и повышенного выхода шерсти. В 1960 г. впервые 27 чабанам за достижение высоких показателей и применение новых прогрессивных приемов ведения овцеводства присвоено почетное звание «Лучший чабан Киргизской ССР». В их числе Зуура Тынаева и Бюбюкан Тыныбекова.

В результате замены малоудойного крупного рогатого скота высокопродуктивными породами резко улучшилось производство молока в республике (в 1960 г. — почти в 2 раза по сравнению с 1953 г.). Этому способствует также осуществляемая на многих фермах комплексная механизация и автоматизация. Разработанный Киргизским институтом животноводства и ветеринарии совместно с практиками метод беспривязного сменно-поточного содержания скота позволяет содержать в коровнике, имеющем 100 кормушек, 300 голов скота. Кормораздаточный конвейер вместе с автопоилками и электродоильными агрегатами заменяет труд десятков людей. Этот метод, примененный первоначально в колхозе им. Мичурина Чуйского района, начали вводить у себя десятки колхозов.

Одним из основных резервов увеличения производства мяса является организация в широких размерах откорма и нагула скота. Большой опыт в этом направлении накопили животноводы Тянь-Шаня. В 1961 г. 288 тыс. животных, выделенных в нагульные отары, гурты и табуны, были отогнаны на самые отдаленные летние пастбища. В ряде районов возрождается яководство. Яководческие фермы созданы во всех колхозах Ат-Ба-

Колхозный табун на высокогорном пастбище. Прииссыккулья

пинского района на Тянь-Шане и в некоторых колхозах Прииссыккулья. Они дают самое дешевое мясо.

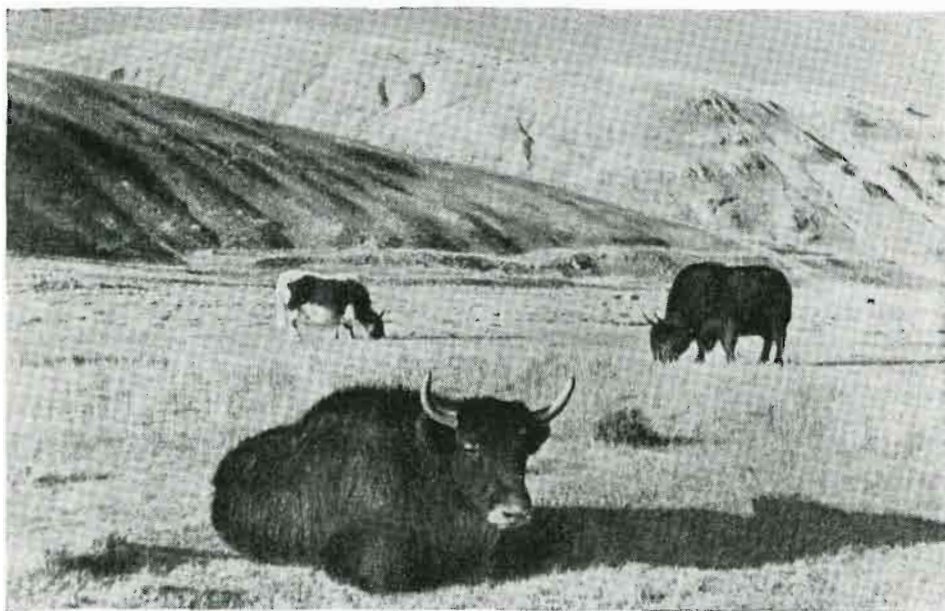
Развиваются новые для киргизского хозяйства отрасли животноводства: свиноводство, птицеводство, кролиководство.

Важнейшими условиями качественного улучшения животноводства и повышения его продуктивности являются создание устойчивой кормовой базы и строительство животноводческих помещений. Кормовая база создается путем широкого использования естественных сенокосов, развития посевов многолетних трав — люцерны, эспарцета, кормовых корнеплодов, зернофуражных и кормовых бахчевых культур, а главное — кукурузы. На заготовке кормов (сенокосение и сеноуборка, возделывание и уборка кукурузы) все в более широких размерах применяется комплексная механизация. Благодаря резкому увеличению производства кукурузы, росту урожайности зеленой массы в 1960 г. в республике было заложено в среднем по 12 т силоса на корову. В ближайшие годы площадь под кукурузой увеличится со 140 (1961 г.) до 250 тыс. га.

Массовый характер приняло в колхозах строительство животноводческих помещений, в том числе и на отгонных пастбищах. Активное участие в этом строительстве принимает по инициативе комсомольцев молодежь, как сельская, так и городская.

Большая сеть ветеринарных учреждений, зоотехническое обслуживание, организация выставок, распространение передового опыта способствуют все большему подъему животноводства.

В области полеводства в Киргизии также произошли коренные изменения. Современное крупное механизированное полеводство уже ничем не напоминает дореволюционного земледелия у киргизов, основанного на крайне отсталой технике. По существу в своем современном виде

Яки. Восточный Памир (Горно-Бадахшанская автономная область)

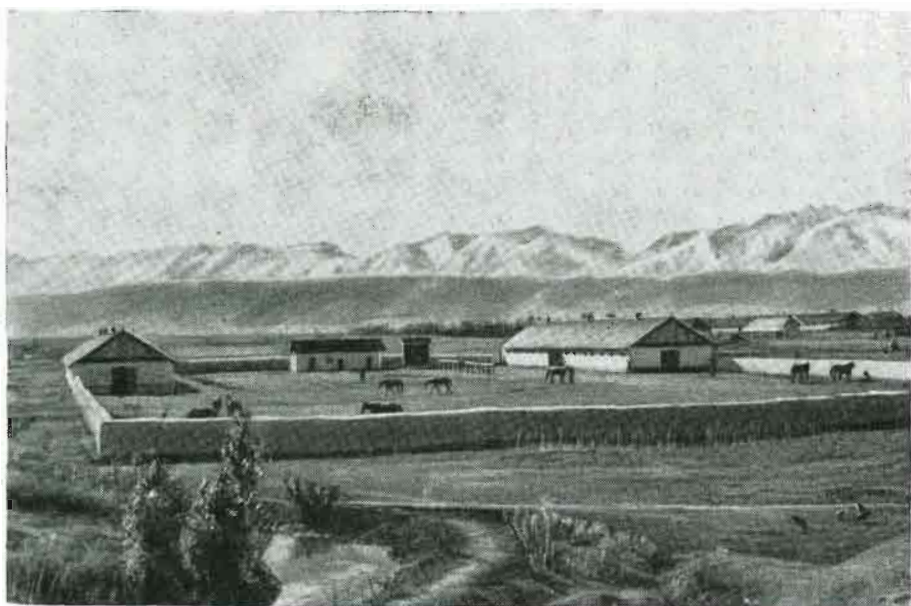
полеводство сложилось как новая отрасль хозяйства. Старые производственные традиции и навыки, в отличие от животноводства, сохранились здесь в очень ограниченных размерах, в частности в ирригации и отдельных видах работ, проводимых в горных условиях, где не всегда возможно применить сельскохозяйственные машины.

Важное значение для развития социалистического земледелия в Киргизии имеют обширные межгорные долины (Чуйская, Таласская, Кочкорская, Джумгалская) и котловины (Ферганская, Иссык-Кульская, Кетмен-Тюбинская). Расположенные в них районы отличаются высокоразвитой земледельческой культурой.

Посевные площади в республике (свыше 1200 тыс. га) по сравнению с 1913 г. увеличились почти вдвое, а под техническими культурами, в частности под хлопчатником, — в 4,5 раза. Базой развития хлопководства (свыше 70 тыс. га) являются районы южной Киргизии, расположенные в Ферганской котловине и соседних предгорных и некоторых горных долинах. Возделыванием хлопка здесь занимаются 70 колхозов и совхозов. В Чуйской долине заняли прочное место не возделывавшиеся ранее сахарная свекла, лубяные (кенаф, конопля) и эфиромасличные культуры (мускатный шалфей, ажгон, базилик). В Прииссыккулье, частично на Тянь-Шане и в Таласе выращивается лекарственный мак. В Таласской долине и некоторых районах южной Киргизии (в особенности в Наукатском) успешно развивается табаководство (более 6 тыс. га).

Зерновые (пшеница, кукуруза, ячмень, просо) и бобовые культуры, занимающие свыше половины всей посевной площади, возделываются в большинстве районов республики. Однако основным производителем зерна является северная Киргизия.

Решающую роль в развитии сельского хозяйства Киргизии играет ирригация. На орошаемых землях выращивается более 65% всех сельскохозяйственных культур. Широко развернувшееся ирригационное строительство потребовало крупных затрат со стороны государства. По сравнению с дореволюционным периодом площадь орошаемых земель выросла более чем вдвое. Длина всех оросительных каналов составляет 25 тыс. км.

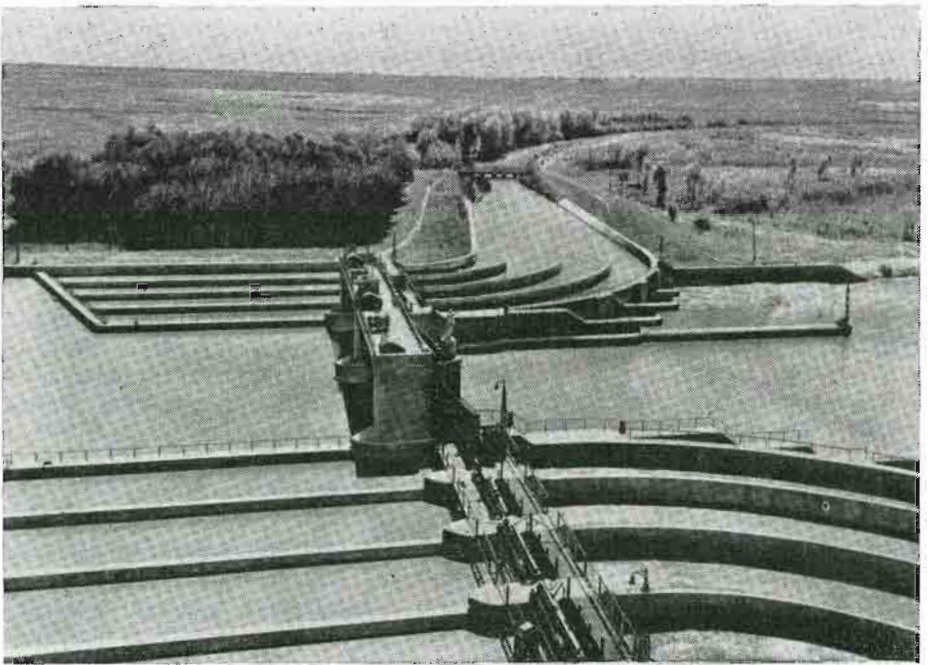
Помещения коневодческой фермы колхоза «Кенеш». Чуйская долина

На них построено и действует 12 тыс. гидротехнических сооружений инженерного типа, проведен ряд крупных оросительных каналов — среди них созданный в годы войны методами народной стройки Большой Чуйский канал. В последние годы завершено строительство одного из самых сложных гидротехнических сооружений — крупного Орто-Токойского водохранилища в глубине Тянь-Шаня и Западной магистральной ветки Большого Чуйского канала. Ввод их в эксплуатацию позволит оросить до 100 тыс. га земель Чуйской долины. Сооружаются крупные водохранилища на юге республики (Базар-Курганское, Найманское, Папанское), которые дадут возможность развивать хлопководство и производство кормов. К концу семилетки темпы ирригационного строительства возрастут в 3,5 раза. Несмотря на реконструкцию старых и сооружение новых ирригационных систем, при осуществлении которых внедрены инженерные устройства (плотины, водораспределители), в процессе эксплуатации ирригационной сети пока еще используются ручной труд, традиционные приемы и навыки. Отведенные от реки магистральные каналы называются *естөн*, каналы второго порядка — *ок арык* и, наконец, мелкие арыки, подающие воду непосредственно на поля, — *кол арык*. При новой системе орошения создается временная мелкая ирригационная сеть. По мере надобности ее прокладывают, а перед вспашкой и уборкой урожая заравнивают. Эта работа во многих хозяйствах еще выполняется вручную. Для работ по орошению в колхозных бригадах и отделениях совхозов выделяют опытных поливальщиков (*сугатчы*); наблюдают за распределением воды, особенно на магистральных каналах, специальные лица — *мирабы* (*муран*). В последние годы при орошении технических культур, в частности лекарственного мака, стал широко применяться более экономичный бороздковый полив. Ведутся работы по механизации поливов, оборудуются трубопроводы для воды, дождевальные установки.

Благодаря оснащению сельскохозяйственного производства новейшей техникой все основные процессы, связанные с возделыванием зерновых культур (пахота, сев, уборка урожая), почти полностью механизированы. Широко механизированное возделывание сахарной свеклы, которым

Головной регулятор распределителя Ат-Башинской оросительной системы.
Чуйская долина

Чумыпская железобетонная плотина на р. Чу

Продольная и поперечная обработка хлопчатника на колхозных полях.
Ошская область

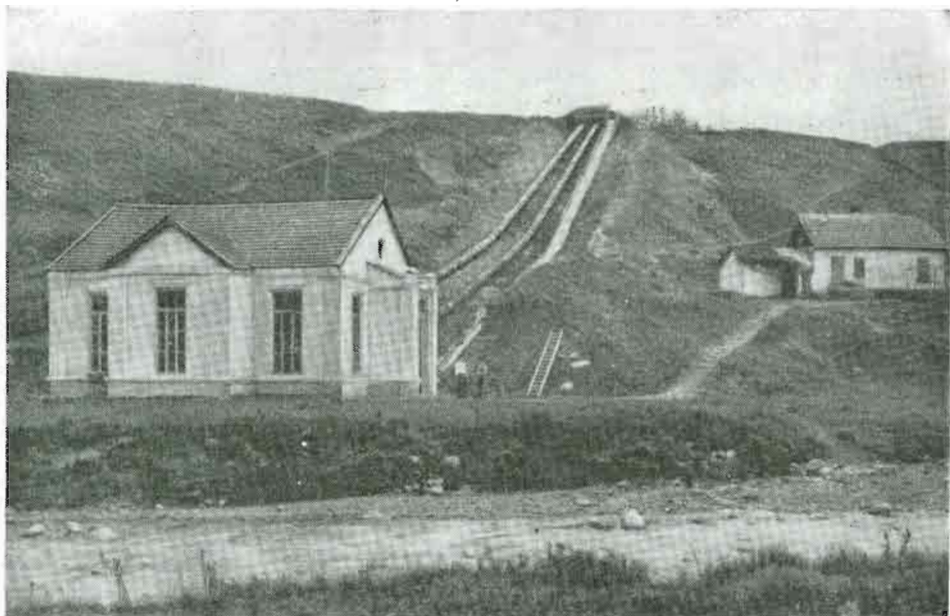
заняты 88 колхозов и совхозов, все больший процент площади под сахарной свеклой (свыше 34 тыс. га) обрабатывается в двух направлениях.

Использование усовершенствованных машин, широкое внедрение агротехнических мероприятий и достижения передовых колхозников привели к тому, что Киргизия уже в 1936 г. завоевала и долго удерживала первенство по урожайности свеклы в Советском Союзе, получая ежегодно устойчивый урожай в среднем выше 300 ц с 1 га. В 1940 г. по урожайности сахарной свеклы Киргизия обогнала Америку. После многолетнего перерыва свекловоды Киргизии вновь начали возрождать свою славу. В 1956 г. они достигли урожайности 374 ц с 1 га, а в 1959 г. — 381 ц с 1 га. В 1960 г. Киргизия производила свеклы в 2,4 раза больше, чем в 1953 г.

Хлопчатник — основная техническая культура Киргизии. В последние годы сделаны крупные шаги в области механизации хлопководства. Большие площади засеваются квадратно-гнездовым способом, свыше 80% посевов обрабатываются в двух направлениях. Внедряется комплексная механизация возделывания хлопчатника. Бригады комплексной механизации обрабатывали в 1961 г. 43% всех посевов хлопчатника без применения кетменя. Начинает широко применяться машинная уборка хлопка-сырца. В 1961 г. хлопкоробы республики получили в среднем по 20,4 ц хлопка с 1 га, а отдельные колхозы добились значительно большей урожайности.

В сельскохозяйственном производстве во все больших размерах применяется электрическая энергия, вырабатываемая, в частности, колхозными и межколхозными электростанциями.

Среди многочисленной армии мастеров земледелия, овладевших управлением сложными машинами, теперь уже имеются тысячи киргизов. В овладении современной техникой большую помощь киргизам оказали русские механизаторы и специалисты сельского хозяйства. В 1960 г. 63 киргизские и узбекские девушки Ошской области, следуя примеру Турсуной Ахуновой, управляли хлопкоуборочными машинами.

Колхозная гидроэлектростанция. Чуйская долина

Все более расширяется в Киргизии производство овощей и картофеля, причем эти культуры продвинулись уже далеко в горные районы Тянь-Шаня.

Благоприятные природные условия Киргизии открывают богатые перспективы для развития садоводства и виноградарства. Здесь выращиваются такие сорта яблок, как апорт, славянка, пармен зимний золотой, грушовка алма-атинская. Среди хозяйств, получающих высокие урожаи яблок, пользуется известностью Чуйский плодоовощный совхоз, который собирает по 120 ц апорта с 1 га. Большое внимание садоводству уделяется в Прииссыккулье. Уже не мало садоводов-киргизов, бывших кочевников, с любовью ухаживает за колхозными садами. Виноград возделывался в Киргизии, в частности в Чуйской долине, и раньше. Теперь он переживает свое «второе рождение». Чуйская долина оказалась особенно благоприятной для выращивания сортов винограда, идущих на изготовление шампанских вин. На этой базе здесь создан комбинат шампанских вин. Сады и виноградники также постепенно продвигаются в высокогорные районы.

Огромный перелом в развитии сельского хозяйства Киргизии был достигнут после исторических решений, принятых Сентябрьским пленумом ЦК КПСС (1953 г.) и последующими пленумами ЦК. XX съезд КПСС вдохновил труженников сельского хозяйства Киргизии на новые успехи в труде. Знаменательным событием для трудящихся республики явилось награждение ее в январе 1957 г. высшей правительственной наградой, орденом Ленина, за увеличение производства хлопка, сахарной свеклы, продуктов животноводства и за успешное выполнение в 1956 г. государственного плана заготовок сельскохозяйственных продуктов. Около 3 тыс. трудящихся были награждены орденами и медалями СССР, 45 передовикам были присвоены почетные звания Героев Социалистического Труда. Дважды Героями Социалистического Труда стали знатный свекловод Суракан Кайназарова и председатель колхоза «Кызыл-Шарк» Кара-Суйского района Ошской области Хайтахун Таширов.

Исторический XXI съезд КПСС открыл новые перспективы дальнейшего расцвета сельского хозяйства Киргизии в 1959—1965 гг. В соответ-

Сад колхоза «Кызыл-Шарк». Ошская область

Сушка табака. Наукатский район, Ошская область

ствии с семилетним планом Киргизия специализируется на производстве хлопка, сахарной свеклы, мяса, развитии тонкорунного и полутонкорунного овцеводства. Труженики сельского хозяйства республики взяли на себя обязательства в более короткие сроки выполнить задания, которые возложены на них семилетним планом. Они решили довести к концу семилетки производство мяса до 200 тыс. т, молока — до 940 тыс. т, шерсти — до 30,5 тыс. т.

В этой связи имеют большое значение такие прогрессивные меры, как введение гарантированной денежной оплаты труда в колхозах, развитие межколхозных производственных связей, увеличение неделимых фондов в колхозах. В Киргизии уже существуют 43 межколхозные строительные организации, объединившие более 70% колхозов, создаются межколхозные укрупненные стригальные пункты, электростанции, пункты для откорма крупного рогатого скота, крупные механизированные свиноводческие фермы, консервные заводы, пекарни, совместными силами строятся школы-интернаты. Объем неделимых фондов в колхозах увеличился с 1940 г. более чем в 8 раз и достиг 2596,6 млн. руб. в 1960 г. Размер отчислений в неделимые фонды от доходов колхозов продолжает увеличиваться. Росту общественного хозяйства колхозов способствуют также внесенные всеми колхозами в свои уставы изменения, предусматривающие уменьшение нормы скота, находящегося в личной собственности колхозников, и уменьшение размеров приусадебных участков.

Важное значение для подъема сельского хозяйства имеет распространение передового опыта и разработка научно-обоснованной системы земледелия. В Киргизии созданы 36 районных и межрайонных опытно-показательных хозяйств и две областные опытные станции. В районах работает 30 агрохимических лабораторий.

Все более важную роль в развитии сельского хозяйства республики играют совхозы. Помимо совхозов с животноводческим направлением, в республике имеются свекловичные, хлопковые, лубяные, табачные, садоводческие, виноградарские и овощные совхозы. За последнее время, по решению общих собраний колхозников, ряд колхозов в различных районах Киргизии преобразован в совхозы.

Прямым результатом успешного развития сельского хозяйства является непрерывное повышение материального уровня жизни колхозного крестьянства.

Промышленность Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец многовековой экономической отсталости Киргизии. До революции здесь промышленность по существу отсутствовала. Она была представлена преимущественно мелкими кустарными предприятиями по первичной обработке сельскохозяйственного сырья — несколькими кожевенными и маслобойными заводами, мельницами, небольшими хлопкоочистительными заводами, шерстомойками. Некоторое развитие получила лишь горнорудная промышленность на территории южной Киргизии (угольные копи Сулюкта и Кызыл-Кия, добыча нефти, соли). Но и это были предприятия с небольшим числом рабочих. Всего в промышленных заведениях Киргизии было занято менее 1,5 тыс. рабочих, среди которых киргизы составляли незначительный процент.

Киргизы не успели пройти стадии капиталистического развития и поэтому почти не имели промышленного пролетариата. Киргизская беднота и многочисленный сельскохозяйственный пролетариат с начала XX в. постепенно выделяли из своей среды первые десятки и сотни киргизов-рабочих, труд которых применялся в мелкой, полукустарной капиталистической промышленности. Но это были преимущественно сезонные рабочие. Условия труда и быта этих рабочих были исключительно тяжелыми. Владельцы предприятий применяли хищнические методы добычи и обра-

Угольная шахта № 6. Город Кызыл-Кия

ботки сырья, отсталую технику. Машин и механизмов почти не было, господствовал ручной труд. Киргизские рабочие, подвергавшиеся жестокой эксплуатации, получали нищенскую заработную плату. Работать им приходилось до 14—16 часов в сутки. Охрана труда отсутствовала. Рабочие ютились или в тесных казармах, или в землянках и лачугах, иногда в шалашах, покрытых рваными войлоками. Одежды и постельных принадлежностей не хватало. Главной пищей были лепешки и хлебка из муки. Болезни и ранняя смертность становились уделом многих рабочих.

Возглавленная Коммунистической партией и Советской властью работа по созданию в Киргизии промышленных очагов потребовала больших усилий и борьбы с маловерами и прямыми врагами. Буржуазные националисты пытались задержать рост индустриализации Киргизии, оставить ее на положении аграрной страны. В результате осуществления первых пятилетних планов развития народного хозяйства Киргизия превратилась в индустриально-аграрную республику. Создание высокоразвитой социалистической промышленности с помощью братских народов СССР и прежде всего русского народа является большим завоеванием киргизского народа. Теперь промышленная продукция составляет больше трех четвертей валовой продукции народного хозяйства Киргизии.

Базой для развития многих отраслей современной промышленности в Киргизии являются ее богатые сырьевые ресурсы. За последние десятилетия здесь выявлено много месторождений различных полезных ископаемых. Большая часть всех среднеазиатских запасов каменного угля сосредоточена на территории Киргизии. Здесь открыты крупные месторождения нефти и газа, цветных металлов (олова, свинца, цинка, меди), редких элементов. В различных районах встречаются залежи серы, асбеста, минеральных красителей.

За годы Советской власти полностью реконструирована каменно-угольная промышленность Киргизии, ставшая теперь топливной базой среднеазиатских республик. Центрами угольной промышленности Киргизии являются Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак, Таш-Кумыр. Создана нефтегазовая промышленность. Построены оборудованные современной

Прядильный цех хлопкопрядильной фабрики в г. Фрунзе

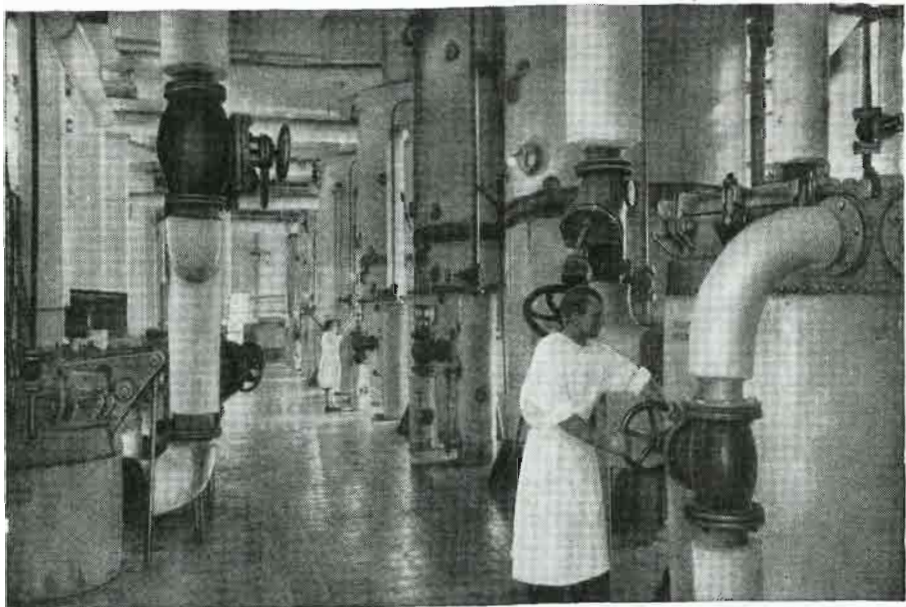
техникой рудники с обогатительными фабриками по добыче цветных и редких металлов, горнометаллургический комбинат им. Фрунзе. Задымили трубы первых машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий: Фрунзенского завода сельскохозяйственного машиностроения, Новотроицкого машиностроительного завода, завода «Красный металлист».

— Большое развитие получила легкая и текстильная промышленность. Она представлена крупным шелкоткацким комбинатом в г. Оше, хлопкопрядильной, несколькими трикотажными, швейными и обувными фабриками, кожевенными заводами, суконной и чулочной фабриками. Имеется также несколько хлопкоочистительных заводов, пенько-джутовая фабрика, заводы по переработке новолубяных культур, комбинаты легкой промышленности в городах Оше, Пржевальске, Джалал-Абаде.

Пищевая промышленность Киргизии обогатилась такими крупными предприятиями, как Фрунзенский и Рыбачинский мясокомбинаты, Токмакский овощеконсервный и Джалал-Абадский витаминно-консервный комбинаты.

Особенно широко развернулось строительство сахарных заводов в Чуйской долине, где свеклосеяние имеет теперь большой удельный вес в сельском хозяйстве. Уже действуют Кантский и Кара-Балтинский сахарные комбинаты, Токмакский, Беловодский, Новотроицкий сахарные заводы. Построены также молочные и маслобойные заводы, табачная фабрика и другие предприятия пищевой промышленности.

Заново созданы такие отрасли промышленности, как горнохимическая, полиграфическая, лесная, фармацевтическая. Лесная промышленность

Выпарная станция Новотроицкого сахарного завода. Чуйская долина

развивается главным образом на востоке республики, где расположены несколько напоминающие тайгу хвойные леса, в которых главное место занимает тяньшаньская ель, достигающая иногда высоты 50 м и более. В южной Киргизии растут реликтовые лиственные леса, состоящие из грецкого ореха, яблони, клена, алычи (дикая слива). Большой известностью пользуются живописные леса в урочище Арсланбоб — излюбленное место отдыха окрестного населения.

Одновременно с развитием промышленности шло создание энергетической базы. В пределах Тянь-Шаня берут начало многие реки, играющие большую роль в народном хозяйстве среднеазиатских республик. Это — Нарын и Кара-Дарья, после слияния получающие название Сыр-Дарья, Чу, Талас, Сох, Исфара, Кызыл-Су. Воды их используются для орошения местных плодородных почв — сероземов. Благодаря этим рекам Киргизия располагает огромными потенциальными гидроэнергетическими ресурсами, открывающими широкие возможности для строительства гидроэлектростанций. По этим запасам Киргизия занимает третье место в СССР. Уже построено несколько крупных гидроэлектростанций и более мелких, районного значения, создана сеть сельскохозяйственных и межколхозных гидроустановок. Электрифицировано 99% совхозов и 74% колхозов. Всего в Киргизии насчитывается свыше 700 электростанций. Производство электроэнергии увеличилось с 0,8 млн. квтч в 1928 г. до 871 млн. квтч в 1960 г. В 1962 г. введена в эксплуатацию крупнейшая в Средней Азии Уч-Курганская ГЭС мощностью 180 тыс. квт — первая из каскада гидростанций, мощностью в несколько миллионов киловатт, которые будут возводиться на р. Нарыне и явятся частью общей энергетической системы Средней Азии и Казахстана. Уч-Курганская ГЭС даст энергию не только югу республики, но и народному хозяйству братского Узбекистана.

Развитие промышленности потребовало крупных капитальных затрат. Государственные капитальные вложения в народное хозяйство Киргизии исчисляются сотнями миллионов рублей.

На территории Киргизии имеется около 5 тыс. промышленных предприятий. Все они вместе взятые дают теперь за неделю столько продукции

Поселок строителей гидроэлектростанций

сколько вся дореволюционная промышленность Киргизии давала в течение целого года. По сравнению с 1913 г. объем промышленного производства увеличился в 1960 г. в 61 раз. Характерно, что в Киргизии добывается теперь нефти на душу населения в 17 раз больше, чем в Турции, и в 60 раз больше, чем в Японии. Угля добывается ежегодно более 3,5 млн. т, что равно добыче в Италии и Испании вместе взятых, или в 4 раза больше, чем в Иране и Пакистане вместе взятых. Производство электроэнергии, угля, сахара в Киргизии на душу населения в 5 раз больше, чем в Турции.

После XX съезда КПСС в республике по существу заново созданы промышленность приборостроения, сборного железобетона, газовая и некоторые другие.

За это время в Киргизии введены в строй такие новые крупные промышленные предприятия, как завод физических приборов, электромеханический завод, завод «Киргизкабель», велосборочный завод, швейная фабрика «40 лет Октября» (она производит основную массу швейных изделий в республике), каменноугольные разрезы «Кара-Су» и «Алмалык», первая очередь Фрунзенской ТЭЦ.

Начато строительство в г. Фрунзе одного из самых больших в СССР камвольно-суконного комбината на 40 тыс. прядильных веретен, который будет перерабатывать всю шерсть, поставляемую Киргизией. Его ежегодная мощность — около 9 млн. м высококачественной шерстяной ткани (бостона, метро, габардина), 534 т шерстяной пряжи для трикотажной промышленности. Сооружаются Ошский хлопчатобумажный комбинат, угольная шахта в Джинджигане, крупнейший в Средней Азии Каиндинский сахарный завод, цементный завод в Канте, завод крупнопанельного домостроения в г. Оше.

Многообразны экономические связи Киргизии. Теперь она не только получает промышленную продукцию из всех экономических районов

на Чуйском канале

страны, но уже из самой Киргизии вывозится промышленная продукция в 102 экономических района СССР. Часть производимых в Киргизии машин и товаров идет на экспорт в 25 стран. Экспортируются металло-режущие станки, сельскохозяйственные машины, электродвигатели, точные приборы, медицинские аппараты, обувь.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции и проводимой Коммунистической партией политики индустриализации страны в Киргизии вырос рабочий класс — ведущая сила киргизской социалистической нации. В народном хозяйстве республики заняты сотни тысяч рабочих, инженерно-технических работников и служащих. По сравнению с дореволюционным временем численность промышленных рабочих в республике, среди которых теперь много киргизов, выросла более чем в 60 раз. Из них три четверти заняты в крупной промышленности. Киргизский рабочий класс живет и трудится в условиях, не имеющих ничего общего с прежним полуголодным существованием киргизских пролетариев.

Многие рабочие-киргизы овладели сложными специальностями, стали высококвалифицированными рабочими и мастерами. У них шести- и семичасовой рабочий день. Они имеют свободное время для повышения своего политического и культурного уровня, для общественной деятельности, воспитания детей. Благодаря росту производительности труда и заботе Советского государства о повышении материального благосостояния трудящихся непрерывно растет заработная плата рабочих и служащих.

Кроме заработной платы, рабочие обеспечиваются ежегодными оплачиваемыми отпусками, бесплатной медицинской помощью, льготными путевками в санатории и дома отдыха. К их услугам широкая сеть культурно-просветительных учреждений: дворцов культуры, библиотек, клубов. Вечерние школы, технические курсы, ремесленные училища заполнены молодым поколением рабочего класса, свободным от ярма

Завод физических приборов в г. Фрунзе. Сборочный цех

капиталистической эксплуатации, которое владели на себе их отцы и деды. В настоящее время в 29 ремесленных училищах обучается около 8 тыс. юношей и девушек.

Среди промышленных рабочих все более расширяется соревнование за звание коллективов и ударников коммунистического труда. Сотни бригад уже удостоены этого почетного звания. В числе передовиков соревнования Правительство СССР в мае 1960 г. наградило медалью «За трудовую доблесть» 16 рабочих промышленных предприятий Киргизии, в том числе четырех киргизов. За выдающиеся производственные успехи и проявленную инициативу в организации соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда Сайдулле Тишееву — плавильщику Кадамджайского металлургического завода Южного горнометаллургического комбината им. Фрунзе — присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1961 г. впервые присвоено звание предприятий коммунистического труда Фрунзенской прядильно-ткацкой фабрике и локомотивному делу ст. Пишпек.

В соответствии с семилетним планом развития народного хозяйства страны, одобренным XXI съездом КПСС, промышленность Киргизской ССР будет развиваться еще более быстрыми темпами.

Производство валовой промышленной продукции в Киргизии увеличится в 2,2 раза, в то время как по СССР намечено увеличение в 1,9 раза. Это яркий пример того, как претворяется в жизнь ленинская национальная политика, открывающая простор для мощного развития производительных сил и неограниченного использования природных ресурсов каждой союзной республики в тесной связи с ростом экономики всего Советского Союза. Капитальные вложения в народное хозяйство Киргизии предусмотрены в течение семилетки в объеме 10,5 млрд. руб., что равняется объему капиталовложений за четыре пятилетки.

Ежегодный прирост промышленной продукции намечен в среднем на 12,5%.

Большое развитие получит нефтяная и новая для Киргизии газовая промышленность. Добыча нефти будет доведена в 1965 г. до 1,5 млн. т, т. е. увеличится в 3 раза по сравнению с 1958 г., добыча газа составит

более 2 млрд. куб. м. В 1965 г. г. Фрунзе будет подключен к газопроводу Ташкент — Чимкент — Джамбул — Фрунзе — Алма-Ата. Киргизия увеличит к концу семилетки добычу угля до 4 млн. т. Получит развитие новая отрасль промышленности — химическая. Будет дальше расти цветная металлургия. Наряду со значительным увеличением добычи ртути и сурьмы (в этих отраслях Киргизия занимает ведущее место в Советском Союзе) вырастет производство свинцового концентрата.

В Киргизии предусмотрен также рост выработки электроэнергии в 3,6 раза. Расширится или будет вновь организовано производство различных машин, автомобилей, электрооборудования, металлообрабатывающих станков, насосов, физических приборов, подъемного оборудования, оборудования для пищевой промышленности, выпуск хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

В настоящее время промышленность республики развивается более быстрыми темпами, чем это предусмотрено семилетним планом.

За годы социалистического строительства в Киргизии достигнуты большие успехи в области развития транспорта и связи. Только после Октябрьской революции железная дорога была доведена до городов Фрунзе и Оша. Выстроены сотни километров новых железных дорог. Основные административные и промышленные центры республики имеют теперь железнодорожную связь. Закончено строительство новой железнодорожной магистрали Фрунзе—Рыбачье протяжением 173 км, которая соединила главные зерновые районы Киргизской ССР — Иссык-Кульскую котловину, горные животноводческие и лесные районы, богатые угольные, свинцоворудные и другие месторождения — с Туркестано-Сибирской железной дорогой. Значение этой новой магистрали для дальнейшего расцвета Киргизии очень велико.

Создано и развивается пароходство на Иссык-Куле, обеспечивающее пассажирские и грузовые перевозки.

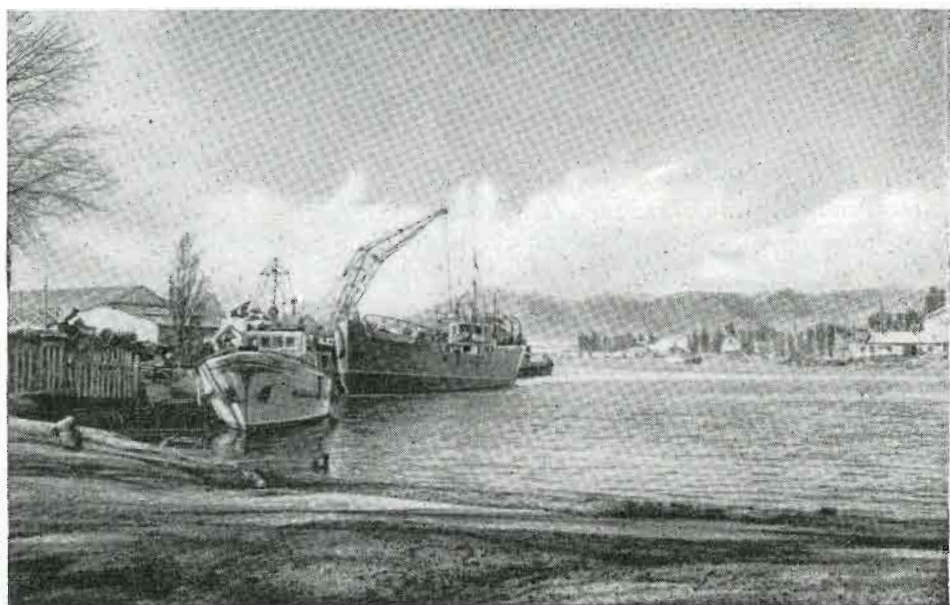
Автотранспорт в Киргизии имеет наиболее важное значение, являясь основным видом механизированного транспорта в условиях горного рельефа. На его долю приходится более 80% всех перевозок в республике.

До 1927 г. Киргизия располагала всего 35 км дорог, приспособленных для движения автотранспорта в течение всего года. Уже во второй пятилетке Киргизия обогатилась первыми крупными дорожными сооружениями: трактами Фрунзе—Рыбачье, Талас—Джамбул. За годы Советской власти построено уже свыше 14 тыс. км магистральных автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием, ликвидирующих вековую изолированность районов, кыштак и айлов. Автомобильная магистраль связывает столицы Киргизии, Узбекистана и Казахстана.

В 1963 г. заканчивается сооружение крупнейшей автомобильной магистрали Фрунзе—Сусамыр—Ош. Она свяжет по кратчайшему направлению северные и южные районы республики, откроет доступ к месторождениям полезных ископаемых, оживит экономику высокогорного Тянь-Шаня.

Все большее значение приобретает воздушный транспорт. Столица Киргизии связана воздушным сообщением с Москвой, Ташкентом, Новосибирском и Иркутском, южными курортами (здесь курсируют комфортабельные самолеты ИЛ-18), Алма-Атой, областными центрами Киргизии. Кроме того, имеется авиасвязь с отдельными районами и городами республики, с участками отгонного животноводства, существует санитарная авиация. Самолеты и вертолеты с врачами на борту совершают вылеты в самые труднодоступные уголки горных пастбищ.

Широко распространенным и теперь способом передвижения является верховая езда. Киргизы — неутомимые наездники, способные в течение

Пристань у г. Пржевальска

Автомобильная дорога

долгого времени не сходить с седла и преодолевать самые тяжелые препятствия на своем пути: перевалы, кручи, стремительные горные реки.

Лошади, быки, верблюды, ослы используются для перевозки тяжелых вьюком. У памирских киргизов основным ездовым и вьючным животным является як. У южных киргизов и раньше имела некоторое распространение узбекская двухколесная арба «ферганского» типа, а у северных киргизов колесный транспорт стал получать распространение лишь в последний период перед Октябрьской революцией. Киргизами были заимствованы у русских крестьян не только типы телег и бричек, но и названия почти всех принадлежностей упряжи. В высокогорных районах и теперь кое-где употребляется волокуша (чийне), состоящая из двух жердей с двумя-тремя поперечными перекладинами; одним концом жерди привязывают к седлу, а другим они волочатся по земле. Волокуша используется для перевозки снопов пшеницы, хвороста.

Седла различаются по типу и назначению: для лошади (верховое) — *ээр*, для быка (верховое и одновременно вьючное, грузовое) — *ыңырчак*, для верблюда (вьючное) — *ком* и для осла. Кроме того, для перевозки детей и обучения их верховой езде еще недавно применялось особое седло (*айырмач*), имеющее приспособления для предохранения маленького всадника от падения: широкие войлочные стремяна, вместо луки — две пары высоких крестовин спереди и сзади. Седла для лошадей встречаются нескольких разновидностей. Самым распространенным является седло так называемого андижанского типа (*кушбаш ээр*) с деревянным ленчиком, имеющим лишь одну переднюю луку, заканчивающуюся небольшой раздвоенной головкой, и довольно широкое, слегка вогнутое сиденье. Встречаются иногда и седла с широкой дугообразной передней лукой (*данбаш ээр*, *аккаңгы ээр*), очень близкие по типу одной из разновидностей седел, встречающихся у алтайцев и тувинцев. Это седло генетически связано с древнетюркским типом седла.

Киргизский народ получил возможность пользоваться современными видами связи (телефон, телеграф, радио, телевидение), которые в условиях большой отдаленности многих районов от центров республики имеют важное значение в развитии экономики и культуры края. Связисты Киргизии первыми в СССР положили начало развитию радиорелейных линий. Многоканальная связь осуществляется с Ташкентом и Алма-Атой.

* * *

1

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза принял новую Программу партии, в которой начертаны перспективы строительства коммунизма в нашей стране. В создании материально-технической базы коммунизма достойное место займет каждая из равноправных союзных республик, в том числе и Киргизская ССР, обладающая огромными запасами минерального сырья и большими энергетическими ресурсами. Общий объем промышленного производства Киргизской ССР за 20 лет должен возрасти примерно в 20 раз. Особая роль отводится машиностроению, которое займет ведущее место в промышленности республики. Его объем вырастет в 20 раз. Киргизия превратится в один из важнейших районов размещения энергетических производств на базе использования гидроэнергии.

В соответствии с новой Программой партии в ближайшие годы начнется практическое решение проблемы Большого Нарына — комплексного использования гидроэнергии и местного минерального сырья. На р. Нарыне будут возведены Токтогульская и Тогузтороуская гидроэлектростанции. Первая из них явится крупным межреспубликанским ирригационно-энергетическим объектом. Токтогульский гидроузел будет включать в себя ГЭС мощностью 1,2 млн. квт и гигантское водохранилище емкостью 17 млрд. куб. м. Благодаря сооружению этого гидроузла будет

дополнительно орошено около 2 млн. га новых земель в республиках Средней Азии и Казахстане. Токтогульская ГЭС будет давать самую дешевую электроэнергию. Таким образом, будет одновременно обеспечено развитие электрификации и ирригации.

Выпуск товаров народного потребления намечено увеличить за 20 лет в 6—7 раз.

В больших масштабах будет развиваться в предстоящее двадцатилетие и сельское хозяйство Киргизии. Производство мяса и шерсти увеличится в 3,5 раза, молока — более чем в 4 раза. Как и во всей стране, в Киргизии будет осуществлена величественная программа повышения жизненного уровня населения.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Характер господствовавшего хозяйственного уклада — кочевое скотоводство и патриархально-родовой быт наложили глубокий отпечаток на материальную культуру киргизов. Тип жилища, костюм, характер пищи и утвари, транспортные средства всецело определялись необходимостью частых передвижений на большие расстояния, отсутствием прочной оседлости, сезонным характером хозяйственной деятельности.

В целом материальная культура, как и многие стороны духовной культуры, киргизов на обширной территории их расселения — от северных предгорий Тянь-Шаня до отрогов Куэнь-Луня и Гиндукуша на юге и от Ура-Тюбе на западе до оазиса Куча на востоке — во всех ее главных чертах была единой, хотя в ней и наблюдались локальные особенности, обусловленные различными причинами. Главными из них были сохранение остатков былых племенных особенностей у некоторых групп киргизов и культурное взаимодействие с соседними народами.

Наличие локальных особенностей, присущих многим элементам материальной культуры, позволило выделить три основных комплекса: северный (территория центрального Тянь-Шаня, Прииссыккулье, Чуйская долина и часть районов по нижнему течению р. Нарына), северо-западный (территория Таласской и Чаткальской долин и прилегающих к ним районов) и южный (юго-западные районы Ошской области, Алайская долина, восточная часть Каратегина — Джиргатальский район; восточный Памир). Между территориями распространения северного и южного, северо-западного и южного комплексов живут группы киргизов, материальная культура которых имеет смешанные черты двух соседних комплексов. Локализация материальной культуры является следствием определенного размещения в прошлом тех или иных групп киргизских племен. Таким образом, названные комплексы имеют прямую связь с этнической историей киргизов.

Немалые различия в материальной культуре были вызваны классовым строением киргизского общества.

В последние годы существенный вклад в исследование материальной культуры киргизов внесла Киргизская археолого-этнографическая экспедиция. Установлено, что наряду с преобладанием в киргизской материальной культуре явлений, наиболее близких культурным традициям других народов Средней Азии и казахов, в ней отчетливо выявляются элементы, сближающие ее с культурой народов Южной Сибири, Монголии, современного Синьцзяна и Тибета. Однако эти данные еще недостаточны для решения вопроса о происхождении материальной культуры современных киргизов, который продолжает пока оставаться далеко не выясненным. Исторические свидетельства, главным образом китайских источников, а также результаты предпринятых в широких масштабах археологических исследований Южной Сибири, Семиречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая позволяют более уверенно утверждать, что в материальной культуре

киргизских племен в той или иной мере нашли продолжение традиции материальной культуры кочевников — от саков, усуней и гуннов до тюрков и монголов.

Переносное жилище типа юрты было известно как усуням, так и древним кыргызам. По словам А. Н. Бернштама, впервые исследовавшего памятники гуннского времени на территории Киргизии, «культура кенкольского типа во всех своих основных частях была воспринята киргизскими племенами»¹. Это особенно убедительно подтверждается материалами Кенкольского могильника, относящимися к покрою одежды и типу обуви, которые без существенных изменений сохранились вплоть до нашего времени не только у киргизов, но и у других народов Средней Азии. Сопоставление типично кочевнической одежды, изображенной на каменных изваяниях тюркского времени, указаний на одежду из валяной шерсти у древних тюрков Семиречья (Сюань-Цзан, VII в.) и описаний одежды древних кыргызов (хагасов) в «Тан Шу» (белые валяные шляпы, платье из овчины и шерстяных тканей) с одеждой современных киргизов не оставляет сомнений в преемственности типов одежды на протяжении по крайней мере 1300—1400 лет. То же самое, по-видимому, можно сказать и об украшениях. Кроме того, у киргизов дожили до нашего времени или лишь недавно вышли из употребления многие предметы утвари и домашнего обихода (круглые плоскодонные деревянные чаши и тарелки, футляры для пиал, светильники, деревянная колыбель), совершенно аналогичные по формам и даже по материалу (например, арча и тяньшаньская ель) соответствующим предметам из гуннских, усуньских и тюркских погребений. Такие же аналогии прослеживаются в частях конской сбруи и ее украшениях. Приведенные здесь некоторые данные указывают на сложный характер киргизской материальной культуры и на ее генетические связи с культурой широкого круга древних и средневековых кочевых племен Центральной и Средней Азии.

Первые достоверные сведения о материальной культуре современных киргизов содержатся в китайских источниках XVIII в.: «Сиюй вэнь цзян лу» («Описание виденного и слышанного о Западном крае») Чунь Юаня, 1777 г., и «Циньдин хуанчао вэньсян тункао» («Свободное обозрение из классических текстов и позднейших пояснений, составленное при цинской династии»). Здесь отмечается характер жилища (войлочные кибитки), пищи, кратко описываются костюм и головные уборы. Расширение этих сведений и появление первых документированных данных падают на середину XIX в., когда один за другим территорию Киргизии посетили известные ученые П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Чокан Валиханов. Сопровождавший первого художник П. М. Кошаров оставил замечательный этнографический альбом, в таблицах и рисунках которого почти исчерпывающей полнотой запечатлена материальная культура киргизов Прииссыккуля. Альбом П. М. Кошарова прекрасно дополняет краткие, но точные записи и зарисовки, сделанные Ч. Валихановым.

Ценные сведения сообщил также акад. В. В. Радлов, посетивший киргизские племена бугу и сары багыш в 60-х годах XIX в. Эти источники, как и некоторые последующие описания, музейные коллекции и полевые материалы упомянутой Киргизской экспедиции, позволяют охарактеризовать важнейшие стороны материальной культуры киргизов.

Сельское поселение
и жилище

Тип поселения у киргизов претерпевал изменения в зависимости от складывавшихся исторических условий.

Втягиваемое феодалами в междоусобные войны, подвергавшееся нападением со стороны феодалов соседних стран, киргизское население часто

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Материалы и исследования по археологии СССР, 26. М.—Л., 1952, стр. 89.

Киргизский аул. Тянь-Шань

вынуждено было до 50—60-х годов XIX в. объединяться и жить большими айлами-общинами по 100—200 юрт и более, создаваемыми главным образом по родовому признаку. Естественно, что при кочевом и полукочевом образе жизни у киргизов отсутствовала прочная оседлость. В северной Киргизии лишь около середины XIX в. появились зачатки оседлости среди феодальной знати. Вождь племени бугу Бороомбай имел в ущелье Джууку (Заука) подобие усадьбы, состоявшей из глинобитных строений, склада для зерна и мельницы; здесь же были огород и два сада. По сведениям Г. Бардашева, Бороомбай на этом месте еще в 1843 г. возвел небольшое глинобитное укрепление с бойницами для защиты караванов от грабежей и для охраны имущества в случае нападения враждебного племени сары багыш. Внутри укрепления помещалось до десяти юрт, в которых хранились, в частности, запасы зерна. Насколько известно, это единственное достоверное указание на существование у киргизов искусственных укреплений.

После присоединения к России в северной Киргизии возникли первые киргизские оседлые поселения. В более широких размерах и, по-видимому, несколько ранее процесс образования таких поселений происходил в приферганских районах. Он был обусловлен влиянием развитых экономических отношений в Фергане и усилением контакта с местным оседлым узбекским и таджикским населением.

Как уже отмечалось, в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине первые киргизские селения (*кыштак*) появились лишь в самом конце XIX в. Возникновение этих, а позднее и других селений было не только результатом новых социально-экономических условий, связанных с колониальной политикой царизма, но и следствием положительного влияния появившихся здесь русских крестьян-переселенцев.

Основная же масса киргизского населения продолжала жить в селениях кочевого и полукочевого типа (*айыл*). Однако последние стали более мелкими, обособленными. Величина киргизского айла не являлась постоянной. В период кочевания на сезонных пастбищах — весенних, летних и осенних — айлы уменьшались, а в период пребывания на зимних стойбищах — увеличивались. Но чаще всего и зимой такие айлы не

Установка юрты на летнем пастбище. Алайская долина

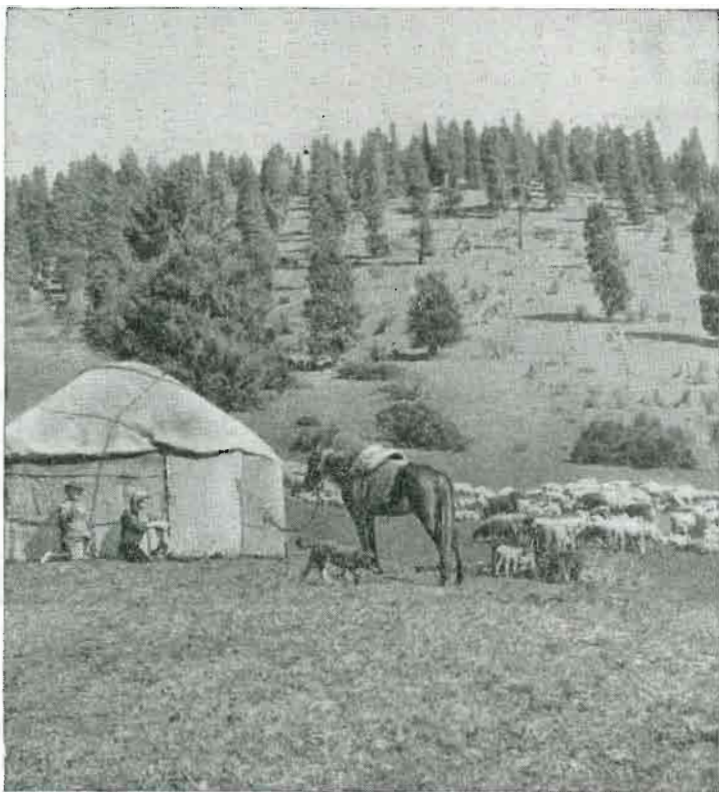
представляли собой компактных селений. Это были небольшие группы жилищ, отделенные одна от другой иногда значительным расстоянием. Многие айлы состояли из небольших групп ближайших родственников. В размещении айлов также соблюдался родственный и родовой принцип.

Господствующим типом жилища не только в айлах, но и в немногочисленных оседлых селениях до Октябрьской революции была юрта (*боз уй, кара уй, кыргыз-уй*). Киргизские племена, издревле занимавшиеся кочевым скотоводством в горных условиях, выработали наиболее удобный для этих условий тип переносного жилища, которое можно было бы легко разбирать, перевозить на вьючных животных и снова устанавливать. Этим условиям не могли отвечать жилища, перевозившиеся на повозках, имевшие в средние века распространение среди степных кочевников.

Основу юрты составляет деревянный остов, собираемый из нескольких частей: складных решетчатых стенок (*жерге*), придающих юрте в плане круглую форму, укрепленного над ними купола, состоящего из деревянных жердей (*уук*), упирающихся наверху в массивный обод (*тундук*), и дверной рамы (*босого*). Образующееся наверху отверстие служит для выхода дыма и освещения. На дверную раму навешивается двустворчатая дверь или же вход закрывается только циновкой (из чия), обшитой войлоком. Вокруг стенок ставятся чиевые циновки, после чего весь остов юрты покрывается снаружи разной формы и размера войлоками. Дымоводное отверстие на ночь, а также в ненастную погоду закрывается квадратным куском войлока.

В прошлом бедняки жили в маленьких прокопченных юртах, покрытых рваными темными войлоками. Юрты богачей и манапов отличались не только большими размерами, но и качеством войлочных покрышек; они были покрыты белыми плотными и тонкими войлоками, украшены большим количеством узорных шерстяных (тканых) и войлочных полос. По-особенному отделялись и деревянные части юрты.

Тип юрты в настоящее время не является единым у всех групп киргизов. Основное различие сводится к форме ее купольной части. В то время как в северной Киргизии (за исключением Таласской долины) форма

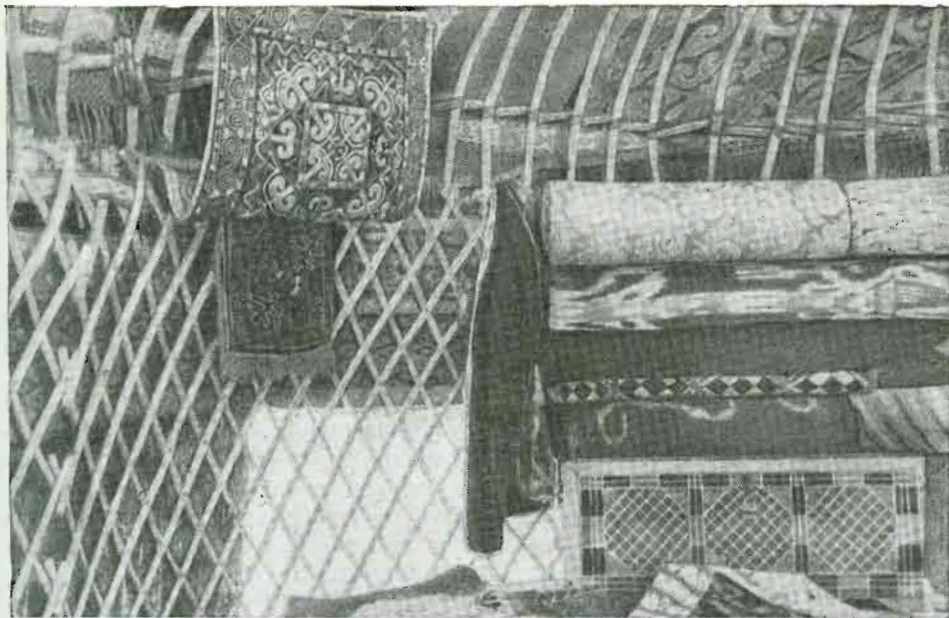

Тип юрты, распространенной в северной Киргизии

купола юрты приближается к конусообразной, в южной Киргизии, в Таласской и Чаткальской долинах купол несколько уплощен и имеет скорее полусферическую форму благодаря более резкому изгибу нижней части купольных жердей. Это различие, по-видимому, позднего происхождения. В середине XIX в. юрта с полусферическим куполом была распространена и в северной Киргизии. Об этом согласно свидетельствуют очевидцы. Юрта с куполом такой формы характерна также для полукочевых в прошлом узбеков и имеет близкую аналогию в юрте монголов.

Наблюдаются также различия в способах покрывания юрт войлоками. В большинстве районов киргизы покрывают остов юрты двумя рядами войлоков (нижний ряд закрывает решетчатую часть остова, верхний — купольную часть). Но в некоторых местностях (долина р. Таласа, отдельные южные районы) юрту покрывают сверху донизу тремя-четырьмя сплошными войлоками, не достигающими до земли лишь на 20—25 см. Такой способ широко практиковался в сезон кочевок на летние пастбища в зоне бытования юрт с полусферическим куполом.

Своеобразно и внешнее декоративное оформление юрты в некоторых районах, относимых к южному и северо-западному комплексу. Так, например, в западных районах Ошской области (этнографические группы кесек и джоо кесек) для крепления покровов юрты применяют широкую белую тканую тесьму; она многократно пересекает переднюю часть купола и боковые части юрты и служит ее украшением. Аналогичное оформление юрты характерно для каракалпаков и полукочевых узбеков. По-иному выглядят и другие украшения на юрте, а также наружная часть навесной двери в районах южной Киргизии.

Интерьер юрты. Южная Киргизия

Во внутреннем убранстве юрты также наблюдались в прошлом и отмечаются теперь некоторые локальные различия как в элементах самого убранства, так и в порядке их расположения. Это относится главным образом к декоративным войлочным и тканым полосам (*жабык баш*, *теширич*), которые пропускают между войлочным покрытием юрты и ее решетчатым остовом. В частности, для южной Киргизии характерны тканые полосы (*кереге таңуу*), стягивающие решетчатый остов юрты. Здесь же обязательным элементом убранства являются различного размера и назначения ворсовые коврики. В то же время в юртах некоторых групп киргизов, относимых к так называемым ичкиликаам, отсутствуют узорные войлочные ковры (*шырдак* или *шырдамал*), а также настенные панно-вышивки (*туш кийиз*), характерные для большинства остальных групп.

Размещение предметов внутреннего убранства и утвари обусловлено бытовым и хозяйственным назначением той или иной части площади юрты и является традиционным. Центральную часть юрты занимает место, на котором разводится огонь (*коломто*). За ним, у задней стенки, прямо против входа складывают (на деревянной подставке, на камнях, на седлах) сундучки, постельные принадлежности, тюфяки, войлоки и ковры, особого рода мешки с мягкими вещами, меховую и другую верхнюю одежду. Сооружение из этих вещей, сложенных в несколько рядов, называется джюк (*жук*). Место около джюка — *төр* — считается почетным. Здесь принимают гостей, а ночью спят. По правую сторону от входа в большинстве случаев расположена «женская половина» (*эпчи жак*). Здесь узорной ширмой из чия отделен хозяйственный уголок (*чыгдан*, *ашкана*), который служит для хранения запаса продуктов. Тут же развешивают и расставляют посуду и хозяйственную утварь. Противоположная сторона юрты считается «мужской» (*эр жак*). Здесь находятся седло, аркан, ружье, сбруя, предметы ухода за скотом. В прошлом тут же держали новорожденных ягнят и козлят.

Такое размещение, однако, наблюдается не везде. В западной части Алайской долины, местами на восточном Памире женская половина занимает левую от входа часть юрты, мужская — правую.

На земле в юрте расстилают войлоки, а поверх них подстилки из овечьих или телячьих шкур и узенькие ватные одеяльца. На почетном месте в большинстве случаев постлан войлочный ковер. В юртах богатых скотоводов в прошлом стелили ворсовые ковры, медвежьи или волчьи шкуры. Встречавшиеся иногда деревянные кровати и низкие столики также были принадлежностью богатой юрты. Да и вообще количество и качество всего внутреннего убранства юрты всецело зависело раньше от классовой принадлежности ее владельца.

Отапливается юрта обычно посредством разводимого в ней костра. Для отопления использовали помет животных или хворост, сучья, сухой бурьян. Для освещения в прошлом пользовались чугунным или глиняным (иногда — каменным) светильником (*чырак*) очень древней формы, его наполняли животным жиром или растительным маслом.

Наряду с описанным типом переносного жилища в прошлом были и другие. Наиболее древний тип представляет собой конусообразный покрытый войлоками шалаш из жердей, связанных в верхней части. Имеются сведения, что такие шалашы у киргизов восточного Памира покрывали иногда звериными шкурами. Более распространено было жилище другого типа — *алачык*, среднее между шалашом и юртой. Его остов составляли жерди от купола юрты, одним концом поставленные на землю, а другим вставленные в обычный обод от юрты. Сверху алачык покрывали одним-двумя большими войлоками. Оба эти типа жилища были характерны для беднейшей части населения и байских пастухов.

Во время дальних перекочевок, а в далеком прошлом и в период военных походов жилищем служила обычная юрта уменьшенного размера (*кош, отоо*).

Для подавляющей части кочевого населения еще в первой половине XIX в. юрта была не только летним, но и зимним жилищем. Для утепления юрты зимой вокруг нее насыпали снежный барьер, иногда ее обкладывали соломой, а памирские киргизы — камышом или пометом яков. Появление в дальнейшем жилищ постоянного типа несколько уменьшило роль юрт, однако процент киргизских хозяйств, круглый год живших в юртах, продолжал оставаться высоким. Работники переселенческого управления объясняли это обстоятельство климатическими условиями: «Зима очень ровная и теплая, больших холодов нет. Поэтому особой надобности в прочном, тепло устроенном жилище нет и киргизы обходятся только юртой»¹. Социалистическая действительность опрокинула эти реакционные утверждения. Объединившись в колхозы, скотоводы переселились в дома современного типа и начали вести вполне оседлый образ жизни.

Казалось бы, это должно было привести к исчезновению старой киргизской юрты. В действительности же она еще далеко не потеряла своего значения вплоть до настоящего времени.

Частичное сохранение юрты в быту киргизов обусловлено специфическими особенностями хозяйства горных животноводческих колхозов и совхозов. В тех районах, где процесс оседания завершился сравнительно недавно, юрта играет некоторую роль как вспомогательное летнее жилище при наличии жилого дома: ее перевозят и ставят вне селения, в ближайшем урочище. В ней все лето живут нетрудоспособные взрослые члены семьи и дети. Многие колхозы Киргизии изготавливают юрты для табунщиков и пастухов, отправляющихся с колхозными стадами на отгонные пастбища. Часть из них проводит зиму на сыртах и живет круглый год в юрте, остальные пользуются ею только в весенне-летний сезон, проводя

¹ Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семыреченской области, т. VII. Пишпекский уезд. Киргизское хозяйство, вып. 2. Текст, Пг., 1916, стр. 290.

+

Упрощенное жилище переносного типа — «алачык». Северная Киргизия

Юрта уменьшенного размера. Северная Киргизия

зиму в построенных для них домах. Юрты используют также во время расплодной кампании как помещение для молодняка (ягнят, телят), их ставят в этих случаях рядом с юртами колхозных пастухов. В некоторых районах бывшие кочевники, живущие уже в домах, наряду с хозяйственными постройками ставят во дворе юрту, которую используют главным образом для приготовления пищи. Во время сезонных сельскохозяйственных работ юрты ставят иногда на полевых станах; они служат для отдыха колхозников, а также используются как кухни для общественного питания. Совхозы также предоставляют юрты под жилье для пастухов, пасущих скот на дальних пастбищах.

Юрту часто используют и в качестве помещения для проведения культурно-просветительной работы на пастбищах. В ней помещаются библиотека и читальня, хранятся настольные игры и музыкальные инструменты, проводятся беседы, читки газет. Она сопровождает животноводов, когда они переходят на новые пастбища. Во многих горных районах без юрты не обходятся во время тех или иных общественных торжеств (День животновода, прием почетных гостей). Юрту обязательно ставят в связи с такими семейными событиями, как свадьба и похороны.

Внутреннее убранство юрты у колхозников и рабочих совхозов претерпело некоторые изменения. В ней иногда теперь ставят кровать, стол, шкаф, табуреты, на стенах вешают зеркало, плакаты и фотографии. В юртах пастухов и табунщиков сохраняются преимущественно наиболее необходимые предметы обстановки и утвари: железный таган, под которым разжигают костер и на который для варки пищи ставят котел; обитый жемчужным сундук, некоторые виды кожаной посуды. На землю стелят паласы и войлоки, а под них нередко циновку из камыша или чия. Джук, как и прежде, стараются сделать нарядным. Теперь у большинства колхозников много шелковых одеял, которые встречались раньше только у баев. Здесь же переметные сумы и свертки с мелкими вещами, платьем и бельем, войлоки. На деревянных решетках юрты развешаны одежда, мешочки для ложек, соли, чая.

За последние годы на высокогорных отгонных пастбищах в широких масштабах развернулось строительство постоянных домов для колхозных животноводов, хотя почти все они имеют собственные дома в поселках.

Зачатки оседлых поселений начали возникать у киргизов около середины XIX в., причем преимущественно на юге Киргизии. На месте зимних стойбищ, возле небольших участков пашни, строили простейшие помещения для скота. Наряду с загонами для овец, которые представляли собой площадки, обнесенные невысоким барьером, выложенным из камней (*таш короо*), глинобитным или сделанным из кустарника (*чырпык короо*), стали появляться полуземлянки, навесы (*бастырма*), крытые загоны и сараи (*кене*), стены которых возводили из утрамбованной глины, камней и дерна. В некоторых случаях усадьбы, состоявшие из юрт и помещений для скота, огораживали глинобитным забором.

В северной части Киргизии тип хозяйственных построек был воспринят во второй половине XIX в. у пришлого русского и украинского населения. Влияние русских и украинцев сказалось на развитии нового вида жилища — домов постоянного типа, которые киргизы начали здесь возводить в последней четверти XIX в. Вначале такие дома строили только феодальная знать и богатые скотоводы. Их сооружали русские мастера. Но вскоре кое-где на зимних стоянках рядовых скотоводов также начали возникать зимние помещения, в которых люди могли укрыться от стужи и непогоды в самые холодные месяцы. В Прииссыккулье, например, в конце XIX — начале XX в. богатые скотоводы строили бревенчатые дома, обмазанные глиной, на каменном фундаменте, у других были дома из сырцового кирпича с деревянными полами, двускатной

тесовой крышей и террасой. В то же время бедняки и середняки собственными силами сооружали на зимовьях домики из одной-двух комнат, с глинобитными стенами и полом, почти плоской крышей и маленькими окнами. Отапливались они вначале очагом-камином, лишь позднее стали получать распространение железные печи.

В средней и нижней частях Алайской долины (Маргеланский Алай) уже в 80-х годах XIX в., по описаниям очевидцев, у киргизов были «весьма обстоятельные зимовки как для скота, так и для себя»¹. Под общей плоской крышей здесь помещались жилая комната с сенами, а также конюшня, коровник, овчарня, хранилище для сена и соломы. Стены таких домов строили из высушенных овальных комьев глины, скрепленных и обмазанных той же глиной. Крыша держалась на столбах, поставленных в углах стен. Вместо окон были щели в верхней части стен, в потолке имелось отверстие для выхода дыма. Отапливалось жилище по-черному, тепло в нем держалось плохо.

У киргизов Памира кроме юрт были и хижины, сложенные из камней и поставленные в укрытых от ветра местах, где скотоводы ютились во время суровых морозов.

В южных районах киргизы заимствовали у своих соседей узбеков и таджиков некоторые особенности архитектуры жилых домов: каркасный тип постройки, небольшая терраса перед входом, наличие внутри ниш и глинобитных возвышений — *суна*, на которых едят и спят члены семьи. Возникшие в этих районах селения по типу иногда напоминали соседние узбекские и таджикские кишлаки. В северной же Киргизии первые киргизские оседлые селения по общему облику походили на соседние селения русских и украинских крестьян-переселенцев. Сел. Таш-Тюбе, как сообщает О. А. Шкапский, было вытянуто в одну улицу, обсаженную тополями, дома в нем были русского типа, преимущественно с камышовыми двускатными крышами и небольшими окнами. По типу русского села строилось и сел. Тарханы (Дархан) в Прииссыккулье (1912 г.). Здесь дома располагались вдоль улиц, пересекавшихся широкими переулками. Одновременно началось и озеленение селений.

Хотя тяга к переходу на оседлость среди киргизов, особенно среди бедноты, непрерывно возрастала, образование киргизских оседлых селений на севере Киргизстана происходило крайне медленно. Более быстрыми темпами шел процесс возведения жилых построек, которые зачастую не образовывали селения, располагаясь на месте зимних стойбищ или поблизости от них. В 1913 г. у киргизов Пржевальского уезда насчитывалось уже 2619 жилых строений, что составляло около 12% общего числа домов и юрт вместе взятых. Но даже при наличии жилых домов большинство скотоводов продолжало жить главным образом в юртах. Иная картина наблюдалась в южной части Киргизии. Здесь оседлые селения возникали в большем количестве, особенно в районах соседства с оседлыми узбеками и таджиками. К концу XIX в. около двух третей киргизов Ферганской области перешло на оседлость и занималось земледелием.

После Великой Октябрьской социалистической революции процесс создания оседлых селений и жилищ постоянного типа начал усиливаться. В северной Киргизии этому способствовало проведение земельно-водной реформы в 1921—1922 гг. Однако радикальные перемены в этом отношении принесла сплошная коллективизация сельского хозяйства. Объединяясь в колхозы, бывшие кочевники одновременно переходили на оседлый образ жизни. Коммунистическая партия и Советское правительство придавали большое значение проблеме оседания кочевников. Для этого были отпущены крупные средства, выделены строительные материалы, организована техническая помощь. В результате только за три года (1932—

¹ Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир. «Изв. Русского географического общества», т. XX, 1884, стр. 237.

1934 г.) на оседлость перешло 34 500 кочевых и полукочевых хозяйств. Для них было построено 200 новых селений, в них имелось 7895 жилых домов, 67 школ и 23 лечебницы. Строительство жилых домов проводилось при деятельном участии самого населения. В 1933 г. в Ат-Башинском районе вместо запланированных 855 домов был возведен 2341 дом.

Там, где совсем недавно на десятки километров простирались необжитые пустынные пространства с редкими айлами, в местах, где скотоводы устраивались на зимние стойбища, раскинулись теперь сотни благоустроенных селений. Большая помощь в их строительстве была оказана государством. В районах оседания кочевников в общей сложности было построено около 35 тыс. жилых домов, в некоторых пунктах сооружены водопроводы, для озеленения колхозных усадеб выделены сотни тысяч саженцев. Образование новых поселков не было простым переселением с одного места на другое. Объединение разбросанных раньше семей в одном поселке должно было привести и привело к выработке новых форм жизни, к перестройке производственного и домашнего быта.

Современные киргизские селения, взятые в целом, представляют собой сложную картину переплетения различных типов и вариантов, возникших в разное время и под влиянием различных исторических условий. На сложение тех или иных типов селений повлияли такие факторы, как характер хозяйства, рельеф местности, особенности водных источников, местные традиции, связи с соседними народами. Как и прежде, на характер селений в южной части республики оказывает заметное влияние общение с соседним узбекским и таджикским населением, а селения в северной Киргизии несут на себе явственный отпечаток хозяйственного и культурного сближения киргизов с русским и украинским населением.

В настоящее время у киргизов преобладают селения уличного типа, но часто встречаются также селения линейного типа. В последних дома располагаются в один, иногда два-три ряда и обращены фасадом в сторону гор или реки. Селения этих типов размещены обычно на широких равнинах и в межгорных долинах. Они распространены преимущественно в Иссык-Кульской котловине, Чуйской и Таласской долинах. Селения уличного типа имеют правильную планировку, состоят из нескольких обычно прямых, широких параллельных улиц, пересекающихся переулками. Около многих домов имеются зеленые насаждения. Иногда селение состоит из одной очень длинной улицы, которая тянется вдоль проходящего через нее тракта. В некоторых районах Таласской долины дома в таких селениях бывают обращены к улице глухой стеной, что свидетельствует о влиянии старой узбекской архитектуры.

В южной Киргизии большинство селений этих типов — сравнительно недавно возникшие поселки, построенные при участии колхозов. Они хорошо озеленены, имеют широкие улицы-аллеи. В некоторых предгорных районах и долинах юга много киргизских селений линейного типа, причем нередко — это отдельные усадьбы, расположенные в один-два длинных ряда по течению реки, иногда на некотором расстоянии одна от другой, что несколько напоминает хуторской тип расселения.

В горных районах (Тянь-Шань, урочища Ферганского и Алайского хребтов) до сих пор в значительной степени сохраняется тип поселения, характерный для прежнего зимнего стойбища кочевников. Дома в этих небольших селениях расположены беспорядочно, без определенного плана, группами или в одиночку, не образуя улиц. Это характерно для «кучевого» типа поселения. В небольших долинах с круглыми склонами можно встретить селения, дома в которых расположены террасами или ярусами, образуя иногда своеобразный амфитеатр. Такие селения в южной Киргизии очень сходны с селениями горных таджиков. В Тянь-Шаньской области получили распространение и селения, состоящие из одного ряда домов или из одной улицы, но еще больше возникло селений с отно-

Улица в поселке колхоза «Кызыл-Шарк». Кара-Суйский район, Ошская область

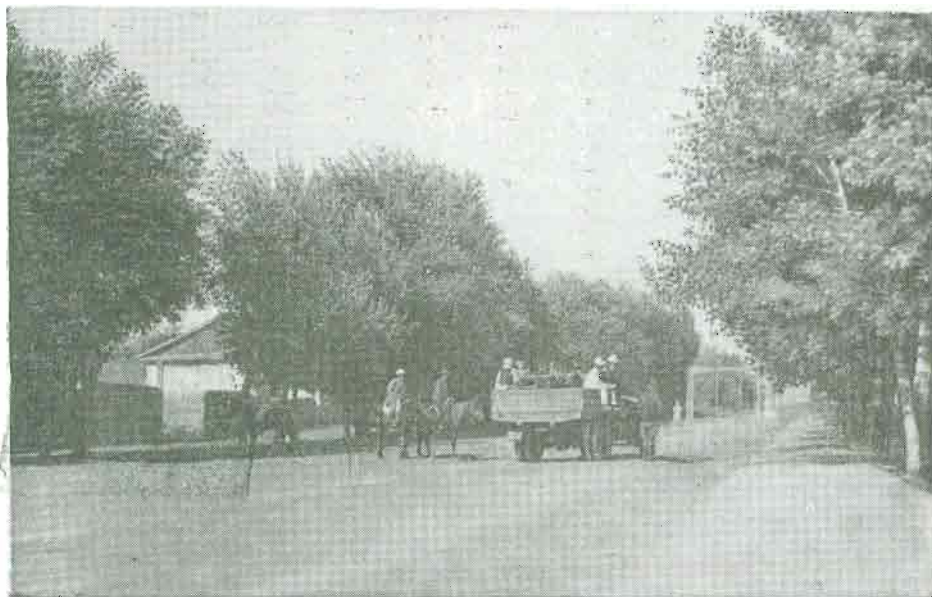
сительво правильной планировкой и с несколькими улицами. В горных районах юга такие селения встречаются реже. В некоторых из них дома тянутся сплошной линией, но окна их часто обращены во двор.

Черты населенного пункта нового типа, возникшего в горной Киргизии, отчетливо выражены в сел. Чаек, которое является центром Джумгалского района Тянь-Шаньской области. В нем живут колхозники одноименного колхоза. Селение построено в 30-х годах. В начале селения раскинулся большой тенистый парк. На главной улице, с обеих сторон усаженной пирамидальными тополями, немало домов городского типа. Среди них — здания районных учреждений, клуба, почты, типографии, детского дома, кооперативного магазина, новые жилые дома. В раскинувшейся на холмах части селения высятся прекрасное здание средней школы с интернатом, здесь же расположены постройки Райшромкомбината, хозяйственные помещения колхоза. Дальше к окраине, среди густого сада, — районная больница и амбулатория. Новое селение Чаек возникло на том месте, где в прошлом размещалась обширная усадьба крупнейшего богача и эксплуататора, фактического властителя судеб населения Джумгалской долины — манапа Мурзабека Дикамбаева.

Центр деловой жизни колхозных селений составляет комплекс построек, в которых размещаются правление колхоза, материальщичьи и продовольственные склады, мастерские, кузница, хозяйственный двор, на котором хранятся сельскохозяйственные машины и строительные материалы, здесь же находится и гараж. На самом лучшем месте расположены обычно школа, клуб или дом культуры.

Среди зданий культурно-бытового назначения, во все большем количестве появляющихся в киргизских селениях, имеются здания радиоузла, отделения связи, медицинского пункта, родильного дома, детского сада, детских яслей, бани. Колхозы по собственной инициативе возводят больницы, интернаты для школ, спортивные сооружения.

Многие селения, возникшие в 20-х и особенно в начале 1930-х годов, в последующее время совершенно изменили свой облик. Старый кыштак Карымшак (Чуйская долина) состоял из нескольких десятков беспорядочно

Главная улица в сел. Чаек — центре Джумгалского района,
Тянь-Шаньская область

разбросанных глинобитных хижин и юрт. Вместо улиц были тропы. Зелень отсутствовала. Керосиновых ламп никто не имел, и по вечерам в кыштак была непроглядная темень. На месте старого Карымшака теперь создан кыштак Октябрьский; в нем живут колхозники одного из передовых хозяйств республики — колхоза «Кенеш». Главная улица селения расположена по тракту, вдоль нее выстроены новые белые уютные домики колхозников. Пешеходные дорожки вдоль тракта обсажены тополями. Рядом со зданием правления колхоза помещается клуб с читальней и кинозалом. За этими зданиями посажен молодой фруктовый сад. Почти все усадьбы колхозников обсажены тополями, а около многих домов есть молодые яблони. Самое лучшее здание в селении — средняя школа.

Некоторые селения перестраиваются, другие застраиваются по генеральному плану. Новые прямые улицы появляются там, где раньше были пустыри или хаотически разбросанные дома. Большое внимание уделяется озеленению селений (в отдельных селениях уже разбиты парки), строительству мостов, колодцев, водопроводов, которые имеют особенно большое значение в местных условиях. Проводится сплошная радиофикация селений.

В Киргизии уже давно появился новый тип сельского поселения — поселки совхозов. На хорошо озелененных центральных усадьбах совхозов — электрифицированные и радиофицированные дома рабочих и служащих, столовые, больницы и другие культурно-бытовые учреждения. Поселки отдельных совхозов связаны автобусным сообщением.

Огромное большинство жилых домов в киргизских поселках построено уже после начала коллективизации. Именно с 30-х годов началась новая историческая полоса в жизни киргизского населения, ознаменовавшаяся массовым переходом к оседлому быту, что было осуществлено как большое государственное мероприятие. Первыми мастерами, у которых киргизские колхозники учились строительному искусству, были русские, узбеки, таджики, уйгуры. В настоящее время в строительных бригадах колхозов уже немало квалифицированных мастеров-киргизов, ведущих большую работу по возведению хозяйственных и жилых построек.

Дома рабочих в поселке Иссык-Кульской опытной станции по овцеводству (ранее совхоз «Оргочор»). Джеты-Огузский район

Современные жилища колхозников построены большей частью из сырцового кирпича, реже — глинобитные и каркасные. Многие из них сохраняют черты построек обычного среднеазиатского типа, но в них имеются и существенные различия. В колхозах северной Киргизии сказывается влияние русского и украинского жилища. Оно проявляется и в планировке и в особенностях конструкции дома. В некоторых населенных пунктах строят и стандартные типовые дома. В строительстве жилых домов колхозникам помогают колхозы: отпускают кредит, выделяют рабочую силу, помогают заготавливать строительный лес, приобретать кровельные материалы, цемент. Живейшее участие в строительстве домов принимают в порядке старого обычая взаимопомощи соседи и ближайшие родственники. Нередко колхозники трудятся коллективно в добровольном порядке и на строительстве общественных зданий (бань, детских яслей).

Типы домов, возведенных ранее и возводимых в последнее время, отличаются большим разнообразием. Отдельным типам домов в отдаленных друг от друга районах свойственны и некоторые локальные особенности. Для Прииссыккулья в целом характерны добротно построенные дома с побеленными внутри и снаружи стенами, с плоско-двускатной, высокой двускатной или четырехскатной кровлей, боковыми террасами, воротами русского типа (не всегда), ставнями, палисадниками. Здесь представлены дома трех типов. Дома первого типа имеют стены из сырцового кирпича, реже — глинобитные, возведенные без фундамента, с почти плоской крышей. Они состоят из двух-трех комнат, включая кухню. В одной из комнат пол деревянный. Большинство домов этого типа было возведено в 20—30-е годы. Ныне они все чаще уступают место более совершенным домам.

Относящиеся ко второму типу дома имеют такие же стены, но на высоком фундаменте, двускатную крышу, потолок, деревянные полы в одной или двух комнатах, большие окна, террасы (*калидор*). Они состоят из двух, реже трех комнат. Очаг-камин заменила железная печь, иногда голландка с плитой-обогревателем. Помещение для кухни выделено из жилого комплекса. Дома этого типа широко распространены. За последние

годы все большее признание получает третий тип жилища, отличающийся совершенством конструкции, тщательностью отделки стен. Дома этого типа имеют высокую двускатную крышу из теса, часто с чердаком, деревянные полы во всех комнатах, террасу или крылечко русского типа, выходящее на улицу. Фасадом с окнами они обращены на улицу. На окнах нередко ставни русского образца. Строительство новых домов улучшенного типа принимает все более массовый характер.

Близкие к обоим последним типам дома распространены и в Чуйской долине. Здесь дом состоит из двух-трех комнат с террасой, имеющей общую крышу с домом и обращенной во двор или узкой стороной к улице. Кровля двух- или четырехскатная, крытая камышом, реже — шифером. Дома, расположенные к улице боком или фасадом, обсажены со всех сторон деревьями, заменяющими забор. Стены в домах выбелены, полы чаще деревянные. Отапливаются дома плитами с обогревателями, реже — железными печами.

Во дворе исыккульские и чуйские киргизы возводят хозяйственные постройки: помещения для скота—или закрытые, или в виде навесов на столбах, кладовые для хранения продуктов и громоздкой утвари, очаг или печь для приготовления пищи летом. В Приисыккулье во дворе стоит и хлебная печь (для печения лепешек). На приусадебных участках зеленеют сады. Некоторые колхозники сажают возле домов не только деревья, но и цветы.

Для Таласской долины характерны трехкомнатные дома с высокими двускатными крышами. Они обращены окнами или во двор или на улицу. В одной из комнат сложен камин-очаг, но довольно часто для отопления используется плита с обогревателем. Об узбекском влиянии на архитектуру местных домов свидетельствует наличие ниш в стенах и приподнятого пола.

Большим разнообразием типов домов отличается юг Киргизии. Основная часть жилого фонда в сельских местностях отражает глубокое влияние традиций, воспринятых киргизами от соседнего оседлого населения. Однако в подавляющем большинстве киргизских домов отсутствует характерное в прошлом для жилища и усадьбы оседлого населения (Ферганы) деление на мужскую и женскую половины. В части районов отчетливо выступает влияние живущего здесь русского населения.

В северных районах Омской области и в большинстве горных районов, расположенных на юге области, преобладают трехкамерные дома. Комнаты разделены кухней-прихожей (*дализ*), в которой помещается камин-очаг. Стены сложены из сырцового кирпича или каркасные; внутри устроены ниши. К дому примыкает небольшая терраса (*айван*). Эти дома несут на себе заметные следы влияния общеферганской архитектуры.

В некоторых селениях западной части Алайской долины, Фрунзенского и Баткенского районов (по р. Соху), а также у киргизов Джиргатальского района Таджикской ССР распространен иной тип жилища. В нем жилые и хозяйственные постройки находятся под одной крышей, причем в крыше имеется колодцеобразное отверстие для освещения и выхода дыма, устроенное в виде приподнятого свода из положенных один на другой массивных деревянных квадратов. Этот тип жилища, известный под названием припамирского, характерен для припамирских стран, Восточного Туркестана, отчасти Закавказья. У киргизов он локализован среди потомков тех, кто относил себя к родоплеменным группам тейит, найман и нойгут. Эти дома ныне подвергаются реконструкции: отверстие в крыше перекрывают, в стенках пробивают оконные проемы, устанавливают камин-очаг.

Дома киргизов в восточной части Сузакского и Узгенском районах Омской области несколько напоминают украинские хаты. Стены в них снаружи побелены, кровли—высокие двускатные (иногда четырехскатные), покрытые

камышом. Этот тип кровли, как и некоторые другие архитектурные элементы, заимствован у живущих в этих районах русских крестьян. Часто дома имеют небольшие террасы типа навеса, а в стенах ниши. Дома состоят из двух-трех комнат.

В остальных районах южной Киргизии господствует дом общеферганского типа, преимущественно двухкомнатный. Комнаты или смежные, или разделены небольшой прихожей, напоминающей закрытую террасу, и имеют отдельные входы. Стены таких домов или возводят на деревянном каркасе, заполняя его высушенными комьями глины (*гуваляк*), или строят с применением глинобитной техники (*пакса*), а также из сырцового кирпича. Кровля обычно плоская или плоско-двускатная; новые дома строят с высокими двускатными крышами, покрывая их шифером. В стенах внутри дома обязательно устраивают много ниш (*такча*). Непременная принадлежность дома — терраса, на которой в теплое время года протекает почти вся жизнь семьи. Кроме того, во дворе устраивают и другие помещения легкого типа и приспособления для сна и отдыха на воздухе: высокий помост (1—1,5 м) с крышей и со стенами из камышовых или чиевых циновок, глинобитные возвышения под навесами или просто под деревом. На айване или во дворе часто ставят большую широкую деревянную кровать (*чарная, сере*).

Окна в большинстве случаев имеют рамы со стеклами, глухие или створчатые; в старых домах встречаются и проемы с одностворчатыми досчатыми ставнями (*дарча*), укрепленными на петлях, они служат для освещения и вентиляции. Окна расположены обычно в одной стене и выходят на айван. В новых домах этот принцип нарушается. При реконструкции старых домов в них устраивают хорошие застекленные окна и двери, в комнатах настилают деревянные полы.

Пищу готовят, как и везде в Фергане, на очаге-камине (*мору*) с большим дымоходом; камин устраивают или внутри дома или на айване. Широко распространена и хлебная печь (*тандыр*) ферганского типа. В последнее время в домах стали устанавливать плиты с обогревателями. В западных районах области появилось стремление, в подражание узбекам и таджикам, возводить отдельные от дома помещения — *мейманкана*, предназначенные для гостей.

В последнее время в киргизских селениях юга стали уже строить дома смешанного типа, в которых черты современного городского дома сочетаются с лучшими традициями ферганской архитектуры. Их строят на фундаменте, из сырцового кирпича, с окнами на улицу, но с айваном и с нишами в стенах. Эти дома более просторны, их стены внутри и снаружи тщательно обмазаны глиной. Потолки часто очень тщательно отделывают деревом, иногда фанерой. Дворы и здесь хорошо озеленены.

В противоположность южной Киргизии, жилые дома в Тянь-Шаньской области отличаются некоторым однообразием. Это большей частью трехкомнатные дома, сооруженные из сырцового кирпича, с плоской крышей и с камином в средней комнате, которая служит кухней. Для отапливания на зиму ставят железные печурки. Кое-где на окнах встречаются ставни. Все большее распространение получают деревянные полы. Дворы огораживают дувалами.

Внутреннее убранство жилых домов представляет собой совершенно новую черту национального быта, возникшую в процессе освоения бывшими кочевниками нового для них типа жилища. Оно органически сочетает в себе традиционные элементы, присущие интерьеру старой юрты, с новыми предметами обстановки и домашнего обихода, часто воспринятыми у соседних народов. Многие из современного национального убранства было доступно в прошлом только обеспеченной части населения.

Сочетание старых и новых элементов оказалось отнюдь не механическим: оно придает интерьеру очень приятный и своеобразный вид и

свидетельствует о большом вкусе киргизских колхозниц, стремящихся создать уютную, располагающую к отдыху домашнюю обстановку. Именно им принадлежит решающая роль в художественном оформлении жилища, их руками сделаны все украшения.

У исыккульских и чуйских киргизов внутреннее убранство дома более или менее однотипно. Характер его определяется назначением тех или иных комнат. Одну из комнат (если дом трехкомнатный) используют главным образом для приема гостей, а также для таких занятий членов семьи, как чтение, приготовление уроков, вышивание. Эту комнату обставляют и украшают особенно тщательно. Пол покрывают простым войлоком, либо узорным войлочным ковром яркой расцветки, поверх которого кладут стеганную на вате подстилку для сидения или меховой коврик. Стены украшают панно (*туш кийиз*), центральное поле которого состоит из полотнища бумажной, шелковой ткани или плюша, а кайма вышита разноцветными нитками тамбурным швом. Одежду, висящую на стене, всегда завешивают белой занавесью, отделанной вышивкой и вязаным кружевом. Стоящую здесь металлическую или деревянную кровать закрывают снизу подзором, тоже с вышивкой. В некоторых местах на стены и зеркало вешают декоративные полотенца (*сулгур*). Во многих домах, кроме вышитых занавесок, на окна навешивают еще шторы и ставят живые цветы. В комнате висят рисованные портреты и фотографии членов семьи и их родных.

Из мебели современного типа здесь ставят еще стол, стулья или табуреты. На столе обычно лежат книги и учебники, стоит патефон. Местного типа мебель (особенно в Приисыккулье) представлена низкими круглыми столиками для еды.

Почти обязательным элементом убранства является традиционный джук — сооружение из сложенных у стены против входа постельных принадлежностей. Их укладывают в несколько рядов на подставке. Кроме одеял (в скатанном виде), подушек, на которые надеты обычно белые наволочки с кружевами или вышивкой, а также тюфяков, здесь укладывают простые и узорные войлоки, свертки с зимней одеждой. В нижнем ряду часто стоят сундуки и чемоданы. Следует подчеркнуть, что постельное белье у киргизов получило широкое распространение только в последние 20—25 лет.

Среди предметов домашней обстановки и утвари обычными стали радиорепродукторы, часы, утюги. В некоторых домах в качестве украшения на стене висят старинные женские серебряные подвески к косам, отделанные серебром принадлежности сбруи (узды, подхвостник), шапки из дорогого меха, шкуры пушных зверей.

Другая комната служит для повседневных бытовых нужд: в ней семья обедает, пьет чай, выполняет домашние работы, здесь обычно спят старшие члены семьи. Декоративное убранство этой комнаты более скромное. Меблировка сводится к простому столу или столу-шкафчику, на котором стоят самовар, посуда, лампа. В этой же комнате держат различную хозяйственную утварь, сбрую, иногда здесь помещается деревянный ларь для муки. У некоторых тут же стоит кровать, детская колыбель.

Во многих тысячах домов колхозников появилось электрическое освещение. Уже начали входить в домашний обиход и электроприборы. Электроэнергию дают свои колхозные или межколхозные гидроэлектростанции. Там, где электричества еще нет, население пользуется керосиновыми лампами, которые повсеместно вытеснили примитивные светильники-коптилки (*чырак*).

В домах колхозников Тянь-Шаня в основном те же элементы убранства, только здесь значительно меньше покупной мебели; ее отчасти заменяют небольшие деревянные двустворчатые шкафчики, расписанные национальным орнаментом, иногда низкие продолговатые шкафы с раздвиж-

ными дверцами (*жаван*), которые служат подставкой для джюка. Нередко в комнате имеется сучковатый шест для подвешивания хозяйственной утвари (*бакан*). В районах, граничащих с югом, можно встретить в домах ковровые изделия южного происхождения.

У южных киргизов большую роль в размещении домашней обстановки играют стенные ниши. Они служат для складывания постельных принадлежностей, войлоков, одежды и хранения посуды (в таких случаях ниши оборудованы полками). Расставленные в них фаянсовые расписные блюда, тарелки, чайники, пиалы, металлические подносы служат и украшением.

Обстановку в доме колхозника южной Киргизии составляют кровать, стол, обитые жестью и раскрашенные сундуки, джаван, часто украшенный росписью или резьбой, иногда стул, табуреты. Непременной принадлежностью каждого джюка является длинный узкий мешок (*чабадан*), лицевая сторона которого сделана из специально для этой цели вытканного шерстяного коврика. Он используется для хранения мелких мягких вещей и окрашенной шерсти. Особенность подушек (они здесь узкие и длинные или прямоугольной формы) — большое разнообразие наволочек, нередко украшенных вышивкой. В джюк убирают и завернутые в паласе домашние вещи.

Большим разнообразием отличаются настенные украшения. Среди них паласы, сшитые из узорных полос ткани домашнего производства, полотнища с традиционной вышивкой — туш кийиз, а также декоративные коврики с аппликацией из кусков различных тканей (сатин, шелк, бархат, ситец) разного цвета, полотенца с расшитыми концами и кружевами. Полы покрывают узорными войлоками, паласами и ткаными коврами, а поверх них — выделанными овечьими шкурами, узкими стегаными подстилками.

По декоративному убранству домов в Ошской области выделяются юго-западные районы, населенные потомками киргизов-ичкилик. Здесь отсутствуют типичные для северных и некоторых групп южных киргизов настенные вышивки и узорные сшивные войлочные ковры. Повсеместно распространены ковры с вкатанным узором (*ала кийиз*).

В последнее время в комнатах, предназначенных для приема гостей, в этих районах появились своеобразные фризы в виде длинных бумажных полос с нанесенным на них красочным орнаментом. Эти «фризы» прикрепляют в верхней части стен. Они напоминают декоративные тканые полосы, которыми украшали внутри юрту.

Таким образом, вчерашние кочевники-киргизы за короткий срок создали важнейшую основу оседлого быта — жилище постоянного типа. При всем разнообразии его вариантов это жилище стало неотъемлемой частью современного бытового уклада. Вместе с этим типом жилища сложился и новый образ жизни киргизского крестьянства. Новые жилища не связаны уже с хозяйственной специализацией живущих в них семей, но вполне отвечают их современным бытовым потребностям. С ростом этих потребностей совершенствуются и качественно улучшаются сельские жилые дома. Их строительство представляет собой часть государственного плана удовлетворения жилищно-бытовых нужд трудящихся.

Из всего многообразия фактов, связанных с созданием и ростом колхозных селений, развертывающимся в них благоустройством, сложением нового интерьера в колхозных домах, можно сделать неоспоримый вывод, что мы становимся очевидцами уже начавшегося процесса стирания различий между городом и деревней, процесса постепенного выравнивания условий городского и сельского быта.

Города и поселки городского типа
Вследствие экономической отсталости Киргизии в прошлом городская жизнь здесь была развита чрезвычайно слабо. В немногочисленных тогда городах — Пишпеке, Пржевальске, Оше — основную массу населения составляли ремесленники, торговцы, военные, чиновники, служащие.

Часть горожан занималась сельским хозяйством и извозом. Рабочие составляли очень небольшую прослойку городского населения. Численность киргизов в городах была ничтожной.

Совершенно иное положение сложилось в Киргизии после Октябрьской революции. Наряду с бурным ростом и реконструкцией старых городов началось строительство новых городов и поселков городского типа. Преобладающую часть населения современных городов и поселков составляют рабочие, инженерно-технические работники и служащие промышленных предприятий и учреждений, советская интеллигенция, учащиеся.

Рост материального благосостояния и повышение культурного уровня трудящихся, неустанная забота советских и партийных организаций об удовлетворении их потребностей создали предпосылки для резкого улучшения условий жизни городского населения.

Вместе с развитием народного хозяйства и культуры республики росла и благоустраивалась ее столица — г. Фрунзе. Здесь, на месте занятой русскими войсками в 1860—1862 гг. кокандской крепости Пишпек, возникло военное укрепление, которое в 1878 г. было преобразовано в город. Но до самой Октябрьской революции Пишпек был небольшим захолустным уездным центром, похожим скорее не на город, а на крупное селение с одноэтажными, крытыми камышом домами и пыльными улицами. Он находился в 500 км от ближайшей железнодорожной станции. Население Пишпека к 1914 г. составляло около 14 тыс. человек.

В 1924 г. Пишпек стал административно-политическим центром Киргизской автономной области, а с 1926 г. — Киргизской АССР. Тогда ему и было присвоено имя М. В. Фрунзе.

Большим толчком к развитию города явилось подведение к нему в 1924 г. железной дороги.

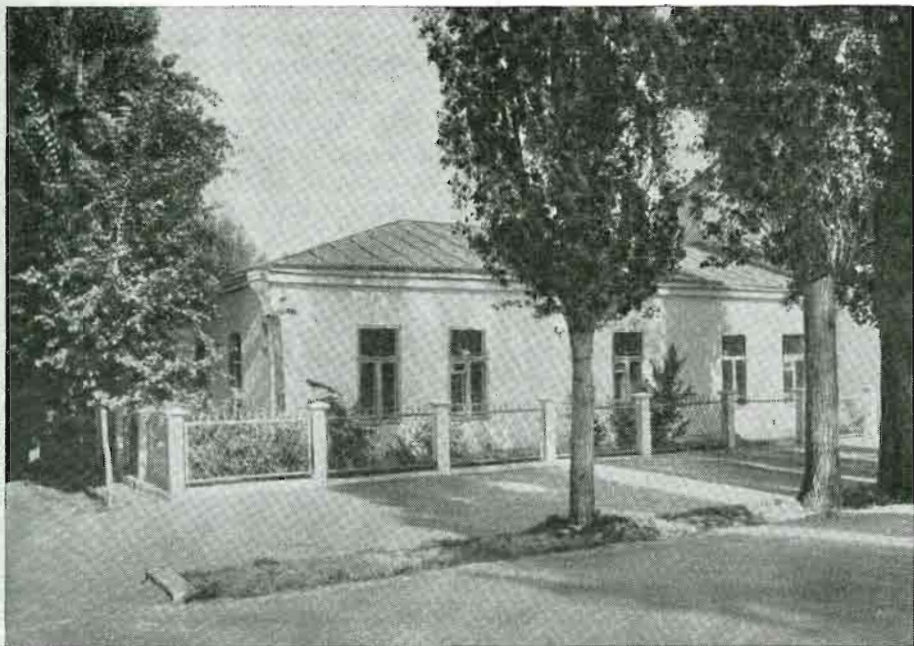
Фрунзе расположен почти в центре Чуйской долины, на высоте 725—800 м над уровнем моря, поблизости от предгорий Киргизского хребта. Это один из красивейших городов Средней Азии. Он весь утопает в зелени. Его улицы — тенистые аллеи, обсаженные рядами пирамидальных тополей. В городе несколько парков, засаженных дубами, карагачами, кленами; много скверов, украшенных цветочными газонами. Ныне Фрунзе — вполне современный крупный город. В нем воздвигнуто большое число многоэтажных общественных зданий новейшего архитектурного облика. К лучшим из них относятся Дом правительства, здания оперного театра, медицинского института, республиканской библиотеки, ряд зданий монументального архитектурного ансамбля Академии наук Киргизской ССР.

Территория города расширилась в несколько раз. Целые улицы и кварталы во вновь возникших, частью на пустырях, районах города, расположенных главным образом к юго-западу от центра, застроены новыми красивыми домами, в которых с удобствами живут семьи рабочих, инженерно-технических работников и служащих столичных предприятий и учреждений.

Новые жилые кварталы вырастут и в юго-восточной части города.

В 1959—1965 гг. в строительство городских жилых домов вкладывается в 3 раза больше средств, чем за предыдущие семь лет.

Проведены большие работы по благоустройству города. Многие его улицы асфальтированы, действуют водопровод и канализация, началась газификация квартир, налажено троллейбусное и автобусное сообщение. Из находящегося поблизости от города аэропорта ежедневно отправляются в разных направлениях самолеты. В окрестностях города расположены крупный ботанический сад Академии наук, выставка достижений народного хозяйства республики, ипподром, знаменитая карагачевая роща, заложенная в 1881 г. энтузиастом-садоводом Фетисовым, с Комсомольским озером, созданным в 1939 г. Здесь проводят свой досуг жители го-

Дом, в котором родился М. В. Фрунзе

рода. В самом городе к их услугам имеются многочисленные зрелищные предприятия, клубы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. С начала 1959 г. вступил в строй телевизионный центр.

В г. Фрунзе сосредоточено большинство высших учебных заведений, Академия наук и другие научные учреждения республики, больницы, поликлиники, стадионы. С полным основанием его можно назвать центром культуры и науки Киргизской ССР.

Вместе с тем Фрунзе — самый крупный в республике промышленный центр, в котором расположено много предприятий машиностроительной и металлообрабатывающей, легкой и пищевой промышленности, а также промышленности строительных материалов. В соответствии с семилетним планом развития народного хозяйства в городе возводятся корпуса новых заводов и фабрик.

Население г. Фрунзе, составлявшее в 1939 г. 93 тыс. человек, выросло до 219,7 тыс. в 1959 г. Бурный рост населения города сопровождался большими изменениями в его национальном составе. Теперь в нем живет много десятков тысяч представителей основной национальности — киргизов.

В 60 км к востоку от Фрунзе на берегу р. Чу широко раскинулся г. Токмак — в прошлом торговое селение. В нем насчитывается 26,5 тыс. жителей (1959 г.). Токмак постепенно превращается в один из крупных промышленных центров северной Киргизии. Здесь работают авторемонтный, сахарный, консервный и маслодельный заводы, размещена крупная автобаза.

Вторым по величине городом после Фрунзе является Ош — центр одноименной области, расположенный в восточной части Ферганской котловины, на подступах к Алайскому хребту. В 1959 г. в нем насчитывалось 65,2 тыс. жителей. Ош — один из старейших городов Средней Азии. О его существовании в X в. писал Ибн Хаукаль. Как и Фрунзе, Ош стал многонациональным городом, хотя и теперь в нем преобладает узбекское население. В Оше работает около 40 промышленных предприятий, в том числе один из крупнейших в СССР шелковый комбинат им. ВЛКСМ.

В городе имеется педагогический институт, сельскохозяйственный техникум, музыкально-драматический театр, областной музей.

Наряду с быстрым ростом той части города, которая имеет вполне современный облик, продолжают сохраняться старинные кварталы, характерные для старых городов Средней Азии, с узкими улочками, тупиками и скрытыми за дувалами домами. В этой части города возвышается скалистая гора, известная под названием Сулеймановой горы (*Сулайман тоо*), или трона Соломона (*Тахти Сулейман*). К этой «священной» горе еще недавно стекались многотысячные толпы паломников из соседних районов Киргизии и Узбекистана для поклонения расположенным здесь многочисленным «святыням», пропаганда которых неустанно велась большой группой шейхов. Последние получали огромные доходы от верующих в виде жертв и преподношений. Начиная с 1959 г. местная партийная организация возглавила активную и разностороннюю научно-атеистическую пропаганду, направленную на прекращение паломничества. Большое участие в ней приняла интеллигенция города. В результате число паломников и деятельность шейхов стали резко сокращаться.

В 68 км к северо-востоку от Оша на высоком берегу р. Кара-Дарьи раскинулся один из древних городов Средней Азии — Узген (16,5 тыс. жителей). В XI—XII вв. он был столицей Средней Азии. Ныне Узген является районным центром. Большая часть его населения — узбеки. Главное занятие жителей — сельское хозяйство. От былого величия Узгена сохранились лишь выдающиеся архитектурные памятники караханидского времени: три мавзолея и минарет, находящиеся под охраной государства.

Сравнительно молодым является небольшой г. Джалал-Абад — конечный пункт железной дороги на востоке Ферганы. В нем насчитывается 31,2 тыс. жителей (1959 г.), имеется несколько промышленных предприятий, педагогическое училище. Наибольшую известность город получил в связи с расположенным рядом с ним санаторием, оборудованным на месте популярной в прошлом «святыни» Хазрет Аюб. Санаторий славится своими целебными источниками.

Одновременно с развитием каменноугольной промышленности в южной Киргизии около крупных угольных рудников на месте небольших шахтерских поселков выросли города Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак и Таш-Кумыр. Заплесневелые бараки и жалкие лачуги возле копей предпринимателей Батюшкова и Ракитина на «красных косогорах» (*кызыл кыя*) давно ушли в прошлое. На смену им пришли светлые многоквартирные дома. Самый молодой в г. Кызыл-Кия Январский поселок застроен двухквартирными домами. В каждой из квартир две просторные комнаты, кухня и ванная, большая терраса. Многие шахтеры построили для себя небольшие коттеджи, удовлетворяющие современным требованиям и национально-бытовым традициям. Обычно в них имеется две-три комнаты. В одной из них готовится пища, отсюда ее название *ашкана*, вторую называют *катта уй* (большая комната), или *мейманкана* (гостиная), а иногда *уктай турган уй* (спальня). В ней принимают гостей, здесь же спит большинство членов семьи. Крыши домов почти везде шиферные.

Примером благоустроенного многоквартирного жилища служит дом почетного шахтера, Героя Социалистического Труда А. Сатыбалдыева. В нем две большие светлые комнаты, отделенные от них коридором кухня с плитой и водопроводом и ванная. Частью жилого комплекса является застекленная веранда. Во дворе кусты винограда, фруктовые деревья, разбит цветник.

Характерной чертой, присущей новым жилым домам не только киргизских рабочих, но и интеллигенции, является наличие в них наряду с комнатами, обставленными современной мебелью, комнаты, сохраняющей в обстановке национальный стиль. Здесь на полу разостлан войлочный ковер, около одной из стен сложены стопкой одеяла, на стенах висят выпи-

Поселок шахты «Северная» в г. Таш-Кумыре

тые панно. Но и при отсутствии такой комнаты во внутреннем убранстве и обстановке жилого дома киргизского рабочего сохраняются национальные особенности. В южной Киргизии в домах рабочих нередко встречаются сделанные в стенах традиционные ниши, в которых размещают сундуки, швейную машину, постельные принадлежности, расставляют посуду. Пол устилают войлоками и паласами, стены украшают вышивками. Среди обстановки наряду со столом, стульями, металлическими кроватями можно увидеть круглый низенький столик, деревянную кровать старого типа, национальный музыкальный инструмент (*комуз*). Хотя главное место в убранстве принадлежит новым предметам домашнего обихода, использование отдельных традиционных элементов придает вполне современному интерьеру жилищ рабочих своеобразный колорит.

Положительное влияние на убранство и меблировку жилищ рабочих-киргизов, а также на их быт, оказывал и оказывает близкий контакт с русскими рабочими. Совместный труд и братская дружба русских и киргизских рабочих сопровождаются их тесным общением в быту.

В г. Кызыл-Кия имеются Дворец культуры, библиотека, больница и поликлиника, несколько специальных учебных заведений (горный техникум, горнопромышленное училище), издаются две газеты — на киргизском и русском языках. Здесь живет 30,2 тыс. человек (1959 г.). Ведутся подготовительные работы по газификации городов юга Киргизии.

В северной Киргизии большую роль в развитии экономики и культуры играют прииссыккульские города Пржевальск и Рыбачье. Если первый возник в 1869 г. (тогда он назывался Каракол), то второй — один из самых молодых и быстро растущих городов республики.

Имя Н. М. Пржевальского было присвоено Караколу после смерти путешественника в 1888 г. В 12 км от города, на высоком берегу Иссык-Куля, покоится прах отважного исследователя, завещавшего похоронить его именно здесь. Рядом с могилой — памятник Пржевальскому и дом-музей его имени. Пржевальск в течение многих десятилетий до Октябрьской революции был проводником передовой русской культуры. Здесь еще в 1902 г. была основана публичная библиотека. Местная русская демократически

Поликлиника, обслуживающая шахтеров и их семьи. Город Кызыл-Кия

настроенная интеллигенция вносила в среду киргизского народа элементы прогрессивной культуры.

Пржевальск — небольшой, но хорошо озелененный и удачно распланированный красивый город. Его гордостью является городской парк с разнообразными древесными насаждениями. Основное население Пржевальска (в 1959 г. — 32,6 тыс. человек) составляют русские и киргизы, в нем живет также много татар и уйгуров. В настоящее время в Пржевальске работает несколько предприятий местной промышленности, имеется педагогический институт, техникумы, краеведческий музей им. Н. М. Пржевальского, драматический театр, несколько научных учреждений.

Город Рыбачье раскинулся у западного конца Иссык-Куля, на скрещении дорог, ведущих из Фрунзе в Иссык-Кульскую котловину и на высокогорный Тянь-Шань. Здесь расположены порт и железнодорожная станция, крупный мясокомбинат, рыбные промыслы, несколько автохозяйств, поэтому и население города (в 1959 г. — 17,9 тыс. человек) состоит главным образом из рабочих, шоферов, рыбаков, железнодорожников и их семей.

В самом сердце Тянь-Шаня, на берегу р. Нарына, разместился второй областной центр Киргизии — г. Нарын, начавший свое существование в третьей четверти XIX в. в качестве маленького военного укрепления. Теперь это по существу совсем новый растущий город, своеобразная столица обширного животноводческого края. Население Нарына составляют в основном киргизы. Здесь живет 14,9 тыс. человек.

В послевоенный период в связи со строительством новых промышленных предприятий, энергетических, ирригационных и других сооружений в Киргизии возникло много поселков городского типа. Среди них — поселок строителей большого Орто-Токойского водохранилища в Прииссыккулье, поселки киргизских нефтяников — Кочкор-Ата, строителей Уч-Курганской ГЭС — Шамалды-Сай, горняков — Сумсар. Общим для них является необычайно быстрое возведение передовыми методами жилых домов и культурно-бытовых учреждений. Рабочие поселки буквально на глазах растут и хорошеют. В них обязательно сооружаются клубы, стадионы, детские учреждения, школы, бани, предприятия общественного

Кочкор-Ата, поселок нефтяников

питания. В Кочкор-Ата имеется техникум. Поселки озеленяются. В центре поселка Шамалды-Сай по инициативе приехавшей на стройку ГЭС молодежи Народной Республики Болгарии посажена Аллея дружбы народов СССР и стран народной демократии. Все эти поселки, как правило, многонациональны. Среди жителей Шамалды-Сая представители более 20 национальностей.

Благоустраиваются и давно существующие рабочие поселки. Так, например, в поселке Фрунзе, где живут рабочие горнометаллургического комбината им. Фрунзе, разбиты парк и сквер, открыт летний кинотеатр, оборудован ночной санаторий.

Всего в Киргизии насчитывается 15 городов и 29 поселков городского типа. Численность городского населения увеличилась с 1939 г. (270 тыс. человек) в 2,5 раза и достигла в 1959 г. 696 тыс. человек, что составляет 34 % всего населения республики. В 1913 г. удельный вес городского населения определялся всего лишь в 12,3 %. В наиболее отдаленной, высокогорной Тянь-Шаньской области до Октябрьской революции вовсе не было городского населения, а в 1959 г. оно составляло уже 20 % всего числа жителей области. Быстрый рост городского населения обусловлен главным образом промышленным развитием республики.

Важнейшим мероприятием, осуществляемым во всех городах и поселках городского типа, является улучшение жилищно-бытовых условий. В этом направлении уже достигнуты первые ощутимые результаты. В течение 1956—1960 гг. государственными и кооперативными организациями, а также населением городов и рабочих поселков построены жилые дома общей площадью 2245 тыс. кв. м.

Кроме того, колхозниками и сельской интеллигенцией за это же время возведено 46,6 тыс. индивидуальных жилых домов. Темпы жилищного строительства будут нарастать с каждым годом.

Одежда, украшения Одежда киргизского населения Средней Азии претерпела за время своего развития много изменений, обусловленных различными историческими причинами: ростом производительных сил, развитием обмена и торговли, связями с соседними народами. Как и в других сторонах материальной культуры, в киргизской

одежде отчетливо выступают особенности, которые были свойственны в прошлом отдельным территориальным и племенным группам.

Киргизская одежда характеризуется также многими своеобразными чертами, типичными для одежды кочевников. Известный отпечаток на характер одежды киргизов накладывает и климат высокогорной страны с его резкими колебаниями температуры, местами довольно суровый. Это вызывает потребность в различных видах теплой одежды, используемой иногда и в летний сезон.

«Постоянный холод и отсутствие теплого жилища, — писал в конце XIX в. Б. Тагеев о памирских киргизах, — заставляют кочевника быть всегда одетым в теплую одежду, которую служат ему ватный халат и тулуп на овечьей шерсти...»¹.

Натуральный в основном характер киргизского хозяйства в дореволюционном прошлом оказывал влияние на одежду населения. В широком употреблении была одежда, спитая из грубой шерстяной ткани домашнего производства, изготовлявшейся почти в каждой семье, из войлока, шкур и кожи домашних и диких животных. Ткань из шерсти (*таар*) вырабатывалась различными способами: *тепме* делали с ворсом, плотного тканья (ее заливали кипятком и катали как войлок; разновидность этой ткани — *басма таар*); *чыйратма* изготовляли из крученой пряжи; на выделку *пиязи таар* шла тонкая пряжа из верблюжьей шерсти.

Однако часть одежды киргизы шили из покупных тканей, поступавших в XVIII — XIX вв. из Кашгара и среднеазиатских ханств, особенно из г. Намангана. Отсюда же частично привозили готовые одежду, обувь, материал для украшений. Около середины XIX в. из России начали ввозить в северную Киргизию ткани русского производства (ситцы, коленкор, нанки, миткаль и др.), а также красную юфть. Они получили распространение в первую очередь в более зажиточных слоях населения.

Несмотря на широкое распространение основных типов одежды и общие черты ее покроя, главное, что определяло в прошлом внешний облик того или иного киргиза, была его классовая принадлежность. Бедняк обычно вынужден был довольствоваться в качестве верхней одежды халатом из грубой армячины, к тому же иногда надеваемым на голое тело. Пастухи и работники получали за свой труд старую, изношенную одежду кого-либо из членов семьи своего хозяина. Наблюдатели отмечали во второй половине XIX в., что киргизы очень редко меняли одежду; они делали это только тогда, когда она расплзалась от ветхости. Дети до 10 лет ходили либо нагими, либо в каком-либо рубище. М. И. Венюков многозначительно замечает: «Иногда носят рубашки, но они не составляют белья...»² Все эти показания относились, несомненно, к беднейшей части населения. В то же время феодалы и богатые скотоводы носили одежду из дорогих привозных тканей; их тулупы, например, были сшиты из мягких шкурок ягнят. Особенностью их костюма были широкие кожаные пояса, отделанные ценными украшениями из серебра. Такие же различия наблюдались в обуви, головных уборах и украшениях.

Традиционный характер киргизской одежды, а также серьезные изменения, которые она претерпела, выявляются при знакомстве с данными, относящимися к XVIII и середине XIX в. Китайские источники XVIII в. различают одежду вождей (старшин) и простого народа. Первые, как сообщают источники, носили одежду из парчи и войлочные шляпы с украшениями из меха, опоясывались красными шелковыми кушаками, обувь у них была из красной кожи. Простой народ носил одежду из грубой шерстяной ткани с поясом из холста, шляпы без украшений и сапоги из сыромятной кожи. Из описаний можно также заключить, что одежда

¹ Б. Тагеев. Памирские киргизы. «Нива», 1897, № 38, стр. 898.

² М. И. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. «Зап. Русского географического общества», 1861, кн. 4, стр. 110.

Киргизская женская одежда первой четверти XX в.

1—рубаша «кбйнк»; 2—вышитый нагрудник «онгур», надеваемый поверх рубахи; 3—украшение для кос «чолпу»; 4—девичья шапка «тебетей»; 5—женский камзол «камзур»; 6—женский головной убор «элечек», северная Киргизия; 7—женский головной убор «чач кеп», южная Киргизия; 8—женская распашная набедренная одежда «бельдемчи»; 9 — женская шуба «ичик»; 10 — старинная женская обувь «отюк»

Мужская одежда киргизов первой четверти XX в.

1—халат из войлока «кементай»; 2—пояс «кемер»; 3—нагольный тулуп «тон»; 4—шляпа из войлока «калпак»; 5—тюбетейка «топу»; 6—шапка «тебетей»; 7—штаны кожаные «джаргак шым»; 8—кушак «кур»

у киргизов того времени была распашная, покроя мужской и женской одежды был более или менее одинаков, воротники носили шалевидной формы. Сведения о том, что войлочные шляпы отделявались мехом и имели высокие тульи, подтверждаются приобретенной в 1946 г. Историческим музеем г. Фрунзе шляпой, принадлежавшей одному из киргизских вождей XVIII в. Она имеет очень высокую тулью и, судя по названию (*кары боюу, киш калпак*, т. е. высотой с *кары*¹ соболя шляпа), была отделана со-

¹ Кары — часть руки от локтя до плеча.

большим мехом. Кроме того, по рассказам, на ней имелась вышивка. Китайская династийная хроника «Тан Шу» в повествовании о древних киргизах сообщает, что их предводитель «зимом носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы»¹.

Данные наблюдений Ч. Ч. Валиханова, П. М. Кошарова и В. В. Радлова позволяют воссоздать киргизский костюм 50-х годов XIX в. Не касаясь всего костюма, отметим те его черты, которые свидетельствуют о его самобытности, сохранении в нем древних традиций и в то же время о несомненных его связях с костюмом некоторых народов Центральной Азии. Так, по словам В. В. Радлова, специфически киргизскими являлись верхняя войлочная одежда с рукавами (по Радлову — *кебенек*, у современных киргизов — *кементай*), белые войлочные сапоги из козьего пуха, а также «белые войлочные шляпы, которые редко встречаются у казахов и благодаря которым племени (киргизам. — *Ред.*) присвоено наименование Ак-калпак (белая шапка)»². Действительно, и в киргизском фольклоре встречается название «*ак калпактуу кыргыздар*» (белощляпочные киргизы). Киргизские войлочные шляпы имеют ближайшее сходство с головными уборами некоторых групп населения провинции Цинхай (КНР). Не случайно в одном из китайских источников XVIII в. отмечается, что они похожи на шляпы буддийских монахов ордена Пилу.

В этом же направлении устанавливаются черты сходства киргизской женской набедренной одежды (*белдемчи*), представлявшей собой короткую распашную юбку, пришитую к широкому поясу; полы ее сходились спереди. Такую юбку носили замужние женщины. Аналогичная одежда поныне входит в состав праздничной и обрядовой одежды у монголоязычного народа ту (монголов), живущего на границе провинций Цинхай и Ганьсу.

Характерный для середины XIX в. мужской и женский кафтан (*чапан*) со стоячим воротником и пестрыми шнурами, с пуговицами на груди, имевший распространение у киргизов Прииссыккуля, свидетельствует о тесных связях киргизов с Восточным Туркестаном, где у некоторых народов встречалась аналогичная одежда. Наконец, отрывочные данные позволяют заключить, что в прошлом у киргизов имел некоторое распространение способ запахивания одежды, близкий к тому, который был типичен для монгольских народов.

Отпечаток своеобразия придавали одежде и обуви киргизов в середине XIX в. такие ее элементы, как женская рубаха с вышивкой на груди или с отдельно надевавшимся нагрудником (*өңүр* или *жака*), сплошь расшитым цветными нитками; конусообразная шлемовидная шапочка с украшениями (*шокулө*), которую надевали невесте; мужские штаны из выделанной кожи или замши (*чалбар*, *кандагай*, *жаргак шым*), изготовлявшиеся преимущественно из кожи козули и дикого козла и нередко вышитые шелковыми нитками с гарусом; сапоги из красной юфти с умеренно длинными голенищами, коротким следом, узкими, слегка загнутыми носками, на высоком деревянном каблуке, со вшитыми из цветной кожи кантами (их носили и мужчины и женщины). Некоторые из этих видов одежды и обуви имели аналогии в одежде казахов и отдельных народов Средней Азии, но в сочетании с названными ранее элементами одежда киргизов в целом имела собственный национальный облик.

После присоединения Киргизии к России, к концу XIX — началу XX в., киргизский костюм несколько изменился. Прежде всего получили более широкое распространение покупные русские ткани. Благодаря развитию рыночных связей, усилению контакта с другими народами

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 352.

² W. R a d l o f f. Aus Sibirien, T. I. Leipzig, 1893, стр. 527—528.

(русские, татары — на севере, узбеки и таджики — на юге), сдвигам в хозяйственной жизни некоторые виды одежды исчезли вовсе, у других изменился покрой, распространение третьих резко сократилось. В костюме начали входить новые, заимствованные элементы, заменявшие или вытеснявшие старые. Так, совсем вышли из употребления названные кафтаны, сапоги на высоком каблуке, постепенно исчезало нагрудное украшение женских рубах, девичья свадебная шапочка, реже носили кожаные штаны. Становились иными по покрою мужские рубахи: распашную рубаху (*ачык койнок*), напоминающую халат, в северной Киргизии сменяла рубаха туникообразного покроя, сшитая из перегнутого пополам полотнища, со стоячим воротником и разрезом спереди, аналогичная рубахе казанских татар. У них же, по-видимому, был заимствован и односторонний бешмет (*бешмант*), сшитый в талию, со стоячим воротником. Менялся и покрой женского платья-рубахи: его начали шить со стоячим воротником; позднее стали носить отрезные платья — к свободному лифу пришивали юбку в сборку, что отразилось и на названии этой одежды — *буй урмё койнок* (*буй урмё* — стягиваться в мелкие сборки).

Решающую роль в преобразовании киргизского костюма после Великой Октябрьской социалистической революции сыграли такие факторы, как коллективизация сельского хозяйства и переход бывших кочевников на оседлость, индустриализация страны и развитие городской жизни. Благодаря расширению торговли и повышению жизненного уровня населения, под влиянием новой, особенно городской, культуры и в результате развития межнациональных связей киргизский костюм в значительной мере изменил свой облик. Самым характерным для него стало сочетание исторически сложившихся традиционных форм одежды, в свою очередь подвергшихся некоторым изменениям, с новыми, главным образом городскими видами одежды, в основе которых лежит современный русский костюм. Выработались уже довольно устойчивые комплексы одежды, в особенности среди разных возрастных групп.

Киргизское население городов и рабочих поселков носит костюм городского покроя, включая в него изредка лишь отдельные элементы традиционной одежды (мужчины — головной убор, женщины — безрукавку). Только некоторые представители старшего поколения, а в городах южной Киргизии иногда и среднего, надевают верхнюю одежду, рубаху или платье старого фасона. Почти полностью перешла на одежду городского покроя и сельская интеллигенция, а также обучающаяся в городах киргизская молодежь, приезжающая из всех районов республики.

Иное положение в сельских местностях. Здесь, несмотря на широкое проникновение одежды городского типа, еще устойчиво сохраняются многие виды традиционной одежды, хотя их место и удельный вес находятся в зависимости от возраста и характера производственной деятельности. Но частично сохраняющаяся одежда старого покроя существенно изменилась благодаря тому, что в обиход населения прочно вошли ткани фабричного производства, большая часть которых ранее была недоступна широкой массе неимущих и малоимущих слоев киргизского населения. За небольшим исключением, всю одежду сельское население шьет теперь из фабричных тканей. Излюбленными их видами являются вельвет, бархат, плюш, шерстяные и полушерстяные ткани, шелк (в южной Киргизии — местного производства), сатин, ситцы и штапельное полотно ярких тонов.

Старый покрой некоторых видов одежды переработан, а отдельные элементы традиционного костюма, не соответствующие новым требованиям, быстро выходят из употребления, удерживаясь лишь среди пожилых и престарелых колхозников и колхозниц. Вообще национальные особенности более отчетливо прослеживаются в одежде старшего поколения, но в еще большей мере — в одежде колхозников, занятых выпасом скота

Молодая киргизская женщина в национальном костюме.
Начало XX в.

на сезонных пастбищах, что в значительной мере обусловлено рациональностью веками выработанных форм, приспособленных к климатическим условиям высокогорья.

Пути распространения новых видов одежды разнообразны. Здесь и покупка готового платья и обуви в магазинах, и подражание образцам одежды соседей—прежде всего русских и украинских колхозников, и городские фасоны, заносимые сельской интеллигенцией, родственниками-горожанами, студентами. Готовую одежду и обувь колхозники покупают охотно и в самом разнообразном ассортименте, но еще больше одежды шьют дома, и не только легкое платье и белье, но и некоторые виды верхней одежды и головных уборов. Этому способствует широкое распространение швейных машин.

Следует подчеркнуть очень важное новшество: для всех возрастов и всех слоев киргизского населения стало обычным ношение нательного белья. Белье и платье

часто меняют, и систематическая стирка стала обычным делом в каждой семье. Мыло домашнего производства почти вышло из употребления, его заменило фабричное. Все более входит в быт глажение белья. У женщин получает распространение фартук городского покроя, надеваемый во время приготовления пищи и других домашних работ. Повсеместно вошло в обиход постельное белье, которого в прошлом киргизы не знали. Во многих населенных пунктах сооружены бани. Все это свидетельствует о глубоких изменениях в гигиене одежды и личной гигиене сельского населения.

Современный киргизский костюм отличается большим разнообразием, что является следствием главным образом сохранения некоторых былых племенных особенностей, а также расширения связей с соседними народами. Отразить все это разнообразие в кратком описании костюма не представляется возможным, поэтому остается упомянуть лишь о некоторых его локальных особенностях. Определенные различия могут быть отмечены прежде всего в костюме киргизов, населяющих северную и южную части республики.

В северной Киргизии в общем господствует более или менее единый тип одежды, хотя здесь и отмечаются некоторые локальные черты. Характерно, например, что в Тянь-Шаньской области женщины носят более длинную одежду, чем в других местах, а в долине Таласа сохранилось относительно больше элементов довольно своеобразного старого женского костюма. На юге Киргизии отчетливо выявляются три разновидности

Девочка в старинной шапочке «тебетей».
Тянь-Шань

комплекса одежды. В юго-западных районах Ошской области (районы расселения киргизов группы ичкилик) бытует одежда, характерная для узбекского и таджикского населения всей Ферганы, но в сочетании с рядом элементов общекиргизского костюма. В восточных и юго-восточных районах той же области (районы расселения групп, называвших себя адигине, мунгуш и монголдор) киргизский костюм как бы объединяет в себе северокиргизские элементы с отмеченными чертами юго-западного варианта одежды. Наконец, в районах северной части Ошской области преобладают формы костюма, сходные с северокиргизскими, но они сочетаются с элементами русского городского костюма, с одной стороны, и современного узбекского костюма «ферганского типа» — с другой. Узбекское влияние особенно ощутимо в районах, расположенных по соседству с Узбекистаном.

Как и у многих других народов, большая устойчивость национального костюма наблюдается у женщин. Однако женщины молодые и среднего возраста, и особенно девушки в большей мере, чем пожилые женщины, подвергли изменению традиционные формы одежды и усвоили ее новые виды. Это является прямым результатом повсеместного вовлечения женщин в общественное производство, их участия в общественной жизни. Современное женское платье (*көйнөк*) по покрою постепенно приближается к городскому: его укорачивают, делают отложной воротник, к лифу пришивают юбку в сборку, а иногда шьют ее из четырех косых клиньев. В южной части Киргизии носят платья двух видов: свободного туникообразного покроя со стоячим воротничком, с прямыми или слегка суженными рукавами и современного узбекского фасона — отрезные, на высокой кокетке, с пышными сборами, вшивными рукавами и отложным воротником; последние получили также распространение среди девочек и девушек на севере. Для платья южанок характерны цвета красных тонов.

Наряду с снательным бельем современного типа часть женщин продолжает носить шальвары старого покроя, но более короткие.

Непрерывной принадлежностью женского костюма служит короткая безрукавная одежда (*пенжек, камзур, кямзир*) типа мужского жилета, которую шьют из тканей преимущественно темных цветов (праздничные — из вельвета или бархата), на подкладке. Она бывает или без воротника, с большим вырезом на груди или закрытая с небольшим стоячим воротником (северные районы Ошской области). Ее украшают иногда серебряными пуговицами (Талас). Все шире распространяется жакет (*кастум, камзур*) городского покроя, заимствованный от русского населения. Его также шьют из хлопчатобумажных и шерстяных тканей, в частности из вельвета, бархата и плюша. Надевают иногда и вязаные кофточки. Молодые женщины на юге носят легкую летнюю одежду (*желек*) разного покроя — или в виде чапана, или с узкой по талии спинкой, с небольшим воротником шалью.

Верхней одеждой северных киргизок служат теперь обычно теплые пальто (*дукаба пальто*) из черного плюша, слегка прилегающие в талии, с воротником шалью. Их покупают готовыми или шьют дома. В южной части Ошской области в качестве верхней одежды носят халаты (*чапан*), по покрою или аналогичные мужским (прямые в боках, с расширяющимися передними полами и узкими рукавами, без воротника), из черной хлопчатобумажной или полшелковой пестрой ткани местной выработки, или «модные» — с более узкой спинкой, отложным воротником, прорезными карманами и прорезными петлями, застегивающиеся на пуговицы. Для таких халатов-пальто излюбленным материалом стал плюш. На севере также часть женщин носит весной и осенью чапан из темной ткани или вельвета, с отложным воротником, но иного покроя. Зимой, особенно на высокогорных пастбищах, женщины надевают шубы на меху.

Обычные головные уборы женщин — это хлопчатобумажные платки

ярких расцветок, а праздничные — шелковые платки или вязаные шелковые шали с бахромой. Во многих районах наблюдается своя, местная манера повязывания платка. Зимой женщины надевают шерстяные или пуховые вязаные шали.

Девушки на севере уже перестали носить прическу, состоящую из множества мелких косичек; они заплетают волосы в две косы, ходят летом с открытой головой, а некоторые в платках или тюбетейках. Распространенные ранее повсеместно старинные девичьи шапки с меховой опушкой (*тебетей*) еще носят в долине Таласа. На юге девушки по-прежнему заплетают множество косичек и ходят в тюбетейках.

В комплекс девичьей одежды начинает входить костюм, состоящий из белой кофточки с вышивкой крестом на груди и рукавах и черной юбки на широких бретелях (*сарпан*). Этот костюм заимствован от местного русского и украинского населения.

Повседневная обувь женщин и девушек — туфли или ботинки, обычно на низком каблуке. Праздничная обувь — ичиги (*маасы*) с галошами или мягкие сапожки на низком каблуке, иногда с узором, на юге такие сапожки обычно красные или из лаковой кожи. В обиход вошли чулки фабричного производства. В холодное время года, особенно на работе, ходят в сапогах с шерстяными или войлочными чулками, а также в валенках.

Старинные громоздкие и дорогие серебряные украшения, например нагрудное украшение (*сойкө*), имеющее форму больших соединенных цепочкой конусовидных серег, с множеством подвесок филигранной работы, вышли из употребления. В настоящее время охотно носят коралловые ожерелья, серебряные серьги, браслеты, кольца, покупные или работы местных мастеров. Местами (например на Тянь-Шане) можно встретить подвешиваемое к косам серебряное украшение (*чолпу, зээр*), состоящее из монет или крупных пластинок. В долине Таласа к косам подвешивают вправленные в серебряные трубочки черные шнуры, заканчивающиеся кистями (*чач папик*).

Значительно больше традиционных черт сохранилось в костюме пожилых женщин. Северянки шьют длинное и широкое платье-рубашу, отрезное, со стоячим воротником. Южанки носят платье с вертикальным разрезом на груди (без воротника), скрепляемым большой круглой старинной брошью (*бучулук, төөнөч*); у старух же бытует платье с треугольным вырезом спереди, аналогичное таджикскому. Для платья пожилых женщин на юге характерна отделка разреза узкой орнаментированной тканью, плетеной или вышитой по бязи тесьмой. В отличие от севера,

Молодая женщина в национальном костюме и головном уборе «элекек»

Киргизская женщина в старинном головном уборе. Алайская долина

на юге широко распространено опоясывание платья на бедрах свернутым вышитым платком или широким стеганым поясом (*белдик*), а иногда, как в старину, тканым кушаком (*белкур*). Костюм пожилой женщины дополняют длинные шальвары старого покроя (с широким шагом).

Северянки носят безрукавку и однобортный камзол (*бешмант*), доходящий до колен, со стоячим воротником, скроенный слегка в талию. В долинах Таласа и Чаткала безрукавку заменяет камзол с короткими рукавами (*чолок бешмант*), из-под которых выступают длинные и широкие рукава платья. Его шьют из темных тканей, бархата или вельвета. В Таласе камзол носят женщины всех возрастов и девушки.

Верхней одеждой пожилых женщин служит чапан. На севере он представлен двумя разновидностями: без воротника и с большим отложным воротником (на территории прежнего расселе-

ния племени бугу). Теперь рукава чапана делают короче, чем раньше. У южанок чапан характерного «ферганского» покроя. Зимней одеждой является шуба (*ичик*) на овечьем меху с воротником из того же меха или меха сурка. Встречается и упоминаемая выше набедренная одежда — бельдемчи. Она имела в прошлом несколько вариантов. Так, в северной Киргизии и представители племен адигше и мунгуш, проживавшие на юге, бельдемчи шили из черного бархата с пышными сборами у пояса и украшали тамбурной вышивкой. У группы южных племен, которую называли ичкилик, эта одежда была из цветного бархата или полущелковой ткани, без вышивки, из нескольких раскошенных клиньев, без сбор. Теперь на севере бельдемчи носят глянцем образом женщины-чабаны, они шьют их из овчины и покрывают сверху хлопчатобумажной тканью. Местами эта одежда сохранилась и в некоторых южных районах (Баткенский, Фрунзенский, Ляйлякский, западная часть долины Алая).

В прошлом важную роль в костюме всех замужних женщин играл головной убор, имевший много вариантов, по которым можно было даже определить племенную принадлежность женщины. В наше время ношение национальных головных уборов в большинстве районов Киргизии почти сошло на нет.

В северной Киргизии головной убор женщины состоял из небольшой, облегавшей голову шапочки (*кеп такыя*) с полосой, спускавшейся на спину, и повязанного поверх нее тюрбана (*элечек*). На тюрбан шла тонкая белая ткань или кисея. В зависимости от формы тюрбана, а также украшений шапочки различались четыре типа женского головного убора.

Иссык-кульские, чуйские и тянь-шаньские киргизки ткань для тюрбана наматывали спирально, образуя идущие сверху от головы ровные выступы; сам тюрбан имел цилиндрическую форму, конец его заворачивали на левую сторону.

В долине Таласа и в районах северной части современной Ошской области, которые были населены родоименными группами саруу, кытай, кутчу, джетиген и багыш, носили тюрбан (*илеки*) круглой или овальной формы; он был очень широким в верхней части (без отворота) и имел сравнительно небольшой налобный выступ.

В восточных районах современной Ошской области (группы адигине, мунгуш и монголдор), а также у киргизок из племен мундуз и басыз тюрбан имел большие размеры и сильно нависающий над лбом выступ. Шапочку (*кеп такыя, башкеп*), имевшую шлемовидную форму, искусно расшивали цветным шелком очень тонким швом; вышивали части, прилегающие ко лбу и щекам, и полосу, спускающуюся на спину. К шапочке прикрепляли очень длинные, спускавшиеся на грудь подвески из низкораллов, скрепленных серебряными пластинками.

В юго-западных районах Ошской области, где жили группы под названием ичкилик, тюрбан (*кяляк*) имел более округлую форму и был довольно высоким, шапочка же (*чачкеп, кепчач*) была аналогична предыдущей. Иногда на тюрбан накидывали нарядный платок (*дурия*), угол которого, спадавший на спину, украшали вышивкой и бахромой.

Тюрбан украшали по-разному: вышитыми полосками, перекрещивающимися спереди, шелковой тесьмой (*ичкилики*), серебряными украшениями, кораллами, монетами, жемчугом. Украшения называли *кыргақ, тартма, калкан*.

В Прииссыккулье, в Чуйской долине элечек уже очень редко можно встретить на старухе или пожилой женщине, на Тянь-Шане он встречается несколько чаще. В Таласской же долине старинный головной убор — *илеки* распространен значительно шире, его можно увидеть и на женщинах среднего возраста. К югу этот головной убор встречается реже, а в южной части Ошской области он совершенно вышел из употребления. У киргизов, живущих в Джиргатальском районе Таджикистана, старинный головной убор сохранился только как свадебный наряд.

Исчезновение из быта киргизских женщин в большинстве районов республики таких принадлежностей национального костюма, как головной убор и распашная юбка (*бельдемчи*), было обусловлено многими социально-экономическими причинами и прежде всего тем, что они перестали удовлетворять современным требованиям. Для повседневного обихода

Женщина племени кыпчак в старинном головном уборе «кяляк». Алайская долина

Мужчина в национальной одежде. Алайский район, Ошская область

они оказались непригодными. Но как элементы праздничного костюма элечек и бельдемчи еще иногда встречаются.

В настоящее время некоторые девушки и женщины надевают национальные костюмы на демонстрации во время больших советских праздников, в дни фестивалей, их заказывают для участников спортивных праздников, театральных постановок, художественной самодеятельности. К сожалению, при массовых заказах подлинные национальные черты костюма нередко сильно искажаются или чрезмерно преувеличиваются, а иногда используются без должного вкуса, вопреки свойственным традиционному костюму естественной простоте и изяществу.

Потребность в национальных женских украшениях очень велика и еще далеко не удовлетворяется местной промышленностью. Стремление некоторых женщин к ношению близких их вкусам художественных изделий проявляется и в том, что они украшают себя изде-

лиями киргизских и узбекских серебряных дел мастеров. Среди этих изделий встречаются и отвечающие новым вкусам.

В целом, несмотря на глубокие изменения, женский костюм во многих районах имеет национальный облик, в чем немалую роль играет сохранение присущей ему цветовой гаммы, жизнерадостного колорита.

Некоторое распространение у киргизских женщин имеет косметика. У киргизок юга она выражается в небольших окрашиваемых надрезах между бровями, окрашивании зубов, сурмлении бровей (в районах, находящихся по соседству с Узбекистаном).

В мужской одежде, в отличие от женской, наблюдается гораздо более заметное влияние городских форм костюма, однако не одинаковое в различных возрастных группах. Большое распространение современной городской костюм получил среди молодых колхозников. Их обычную одежду составляют разного фасона сорочки, пиджаки, гимнастерки и брюки, часто заправленные в сапоги. Вошел в моду костюм, состоящий из кителя и брюк-галифе, который шьют из вельвета (преимущественно коричневого). Его носят и колхозники среднего возраста. Обычное теплое пальто нередко заменяется шубой на меху киргизского покроя, крытой темной тканью. В Прииссыккулье вошли в обиход русского типа овчинный полушубок (*буйурмо тон*) и одежда на овечьем меху, сходная с русской поддевкой (*буйурмо ичик*). Головные уборы очень разнообразны, вплоть до городских фетровых и соломенных шляп, но нередко носят киргизские шапки и войлочные шляпы (*калпак*). Сказанное выше относится главным образом к северной Киргизии. На юге несколько чаще можно встретить элементы национального костюма, например верхнюю одежду (*чапан*) из

полушелковой ткани (бекасаба) ярких тонов, опоясывание вышитыми платками. Здесь повсеместно распространена тубетейка (чустского фасона).

Одежда киргизского сельского населения среднего возраста в большей мере смешанного типа. В ней обычный пиджак или ватник может сочетаться со штанами старого покроя. Впрочем, иногда и штаны имеют смешанный покрой: пояс и карманы у них как в городских брюках, а сами они с широким шагом. На севере носят еще похожий на китель, более короткий, чем у стариков, однобортный камзол (бешмант, *кемсел*), надеваемый поверх рубахи. Обувь современного типа, головные уборы — старинные киргизские. На юге киргизы среднего возраста носят верхнюю одежду традиционного покроя.

Многие виды национальной одежды устойчиво сохраняются в костюме мужчин пожилого возраста и стариков. Как и в женском костюме, здесь много локальных вариантов. В то время как для северян типичны белая рубаха (*көйнок*), сшитая из перегнутого полотнища, со стоячим воротником и застежкой посередине, южане носят длинную распашную рубаху (*жегде*), с завязками, напоминающую узбекский яктак, или более короткую, с треугольным вырезом (*узун жака*). Теперь на юге стали шить рубахи и со стоячим воротником. Штаны (*ыштан*, *шым*) сохраняют общий среднеазиатский покрой (с очень широким шагом, на вздержке). Шьют их из различных тканей, иногда из кожи, в горных районах — из овчины шерстью внутрь. Носят и брюки, заправляя их в сапоги.

В северной Киргизии, а также в северных районах Ошской области сохраняется длинный (до колен) однобортный камзол (бешмант) с небольшим стоячим воротником; его шьют обычно из тканей темного цвета, праздничный — из коричневого вельвета. Верхней одеждой у пожилых киргизов является повсеместно распашной халат (чапан), стеганный на шерсти или вате, на подкладке, без воротника или с отложным воротником старого фасона (в районах Прииссыккулья, где он был характерен для племени бугу). На севере республики, как и в восточных районах Ошской области и на западе Алайской долины, носят чапан свободного покроя, с широкими клиньями внизу. Он имеет большой запах на правую сторону, как и вся распашная одежда у киргизов. В других районах южной Киргизии чапан имеет покрой, аналогичный узбекскому и таджикскому: прямой в боках, узкий, со скошенной передней полой и узкими рукавами, с разрезами внизу на боках. Здесь его шьют, как и на севере, из ткани темных цветов, часто из черного сатина. На юге принято опоясывать чапан свернутым по диагонали большим платком (*чарчы*), вышитым по краям. Иногда опоясываются двумя платками. Для южан характерна одежда для теплого времени года в виде легкого халата (желек) из хлопчатобумажной ткани на подкладке и без нее. По покрою различаются легкие халаты двух видов: аналогичные узбекскому яктаку и напоминающие северокиргизский бешмант.

В северной Киргизии у чабанов и табунщиков не вышли из употребления своего рода плащи (кементай) из коричневого или белого войлока, свободного покроя, хорошо предохраняющие от дождя или снега, и очень широкий длиннополый халат (*чепкен*, *чекмен*) с длинными и широкими рукавами, из сукна домашнего производства, который надевают на другую верхнюю одежду. Его шьют как на подкладке, так и без нее.

Зимними видами национальной одежды служат меховые шубы — ичик, крытые темной тканью, на Тянь-Шане и в Прииссыккулье — с меховыми воротниками шалью, и нагольные овчинные тулупы. На севере и в северных районах Ошской области тулупы (*тон*) шьют с большими меховыми воротниками и окрашивают в желтый или черный цвет. На юге тулупы (*постун*) иногда шьют без воротника, в восточных районах их окрашивают в белый цвет, в западных районах тулупы имеют боковые разрезы внизу. Очень разнообразна отделка тулупа: полы, подол и ворот обшивают

Киргиз в нагольном тулупе.
Южная часть Ошской области

полосами меха или черной ткани, нашивают полосы и треугольники из ткани на плечах и внизу у разрезов.

Большим разнообразием отличаются меховые шапки. На Тянь-Шане, в Прииссыккулье, во многих районах Ошской области носят шапку — тебетей — с широкой опушкой из овчины или лисьего меха, чаще с бархатной или вельветовой тульей, сшитой из четырех клиньев. В долине Таласа и местами в долине Джумгала, а также в Тогуз-Тороо и юго-восточной части Ошской области носят шапки с округлой тульей и узкой опушкой, которую в холодное время года отворачивают, чтобы прикрыть уши и лоб.

Почти повсеместно распространена войлочная шляпа нескольких вариантов, различающихся по форме тульи, наличию или отсутствию разрезов на полях, характеру строчки. Так, у южан шляпа в целом более высокая, чем у северян, имеет широкие поля с разрезами; в некоторых районах Таласской долины поля шляпы почти прямые, тулья — сплошная, без клиньев; в Прииссыккулье и Чуйской долине встречаются шля-

пы полуовальной формы с полями без разреза. Поля обшивают черным бархатом, сатином или другой тканью; место соединения клиньев обшивают черным кантом или конским волосом. Иногда шляпу украшают незатейливым орнаментом, вышитым черными нитками.

В южной Киргизии кое-где носят белую чалму (*селде*), а в западных ее районах иногда повязывают голову вокруг тибетейки вышитым платком.

Из национальных видов обуви сохраняются местами сапоги с невысокими голенищами (*чокой*), скроенные из одного куска кожи, с наружным швом, закрепляемые на ноге кожаными ремешками. Многие пожилые мужчины и старики носят с резиновыми галошами сапоги (*маасы*) без каблучков и твердого задника, на мягкой подошве. Широко вошли в обиход современные русские сапоги, которые надевают зимой на войлочные чулки (*байпак*), а в некоторых местах южной Киргизии и у киргизов Джиргаталя и Восточного Памира — на шерстяные вязаные чулки с узорами (*жорон*), заимствованные у таджиков.

Теперь в обеспечении одеждой и обувью животноводов, выпасающих скот зимой, принимают участие и колхозы и совхозы. Их снабжают ватными куртками и штанами, валенками, шапками-ушанками, брезентовыми плащами, сапогами.

В киргизском быту некоторые виды одежды имели обрядовое значение. Так, халат из красного сукна — *манат чапан* — считался свадебным нарядом невесты. Головным убором невесты была шапочка шлемовидной формы — *шокулө*, богато украшенная бисером, жемчугом, монетами, се-

ребрышками. При переезде молодухи в дом мужа на нее надевали (закрывая с головой) парчевый халат (*кымкап*) или (на юге) закрывали ей лицо особой занавеской (*чумбет*, *бет жабуу*, *бет калка*), которую прикрепляли к головному убору. Она во многом напоминает лицевые занавески у таджиков (рубанд).

Парчевым халатом раньше покрывали покойников (местами это применяется и теперь). Траурным цветом одежды до сих пор считается синий.

Заканчивая обзор киргизской национальной одежды и происшедших в ней изменений, нельзя не подчеркнуть, что по сравнению с прошлым у большинства населения за последние десятилетия улучшилось качество одежды и увеличилось ее количество на каждого члена семьи, включая детей и подростков. Теперь уже различают будничную (или рабочую) и праздничную одежду, которая имеется у каждого. Многие имеют по нескольку смен белья и разных видов одежды, а верхнюю одежду меняют в зависимости от сезона. Повышение материального уровня как сельского, так и городского киргизского населения позволяет ему все более совершенствовать свой костюм. Вносимые в него изменения и улучшения отражают также растущие культурные запросы горожан и сельских жителей.

Пища

Питание киргизского населения находилось в прямой зависимости от направления его хозяйственной деятельности. В связи с небольшим распространением земледелия у киргизов они обычно испытывали недостаток в муке и зерновых продуктах; в XIX в. в составе их пищи преобладали молочные продукты и мясо. По наблюдениям Ч. Валиханова, в середине XIX в. киргизы питались главным образом «молоком да палым скотом», но он упоминает и о просяной каше¹. В это время жителям отдаленных районов, например, киргизам Памира и Каратегина, лишь очень редко удавалось доставать муку; если она у них и появлялась, то из нее не пекли хлеб, а варили похлебку.

Наступившие вскоре после присоединения Киргизии к России изменения хозяйственного уклада киргизов привели к заметному увеличению в пищевом рационе доли зерновых продуктов. В последующий период, особенно в конце XIX — начале XX в., большинство киргизского населения стало потреблять в основном молочную и растительную пищу и лишь отчасти мясную. Объективные наблюдатели отмечали, что у киргизов мясо являлось предметом роскоши и было повседневной пищей лишь очень богатых людей.

Одной из самых характерных особенностей пищевого режима киргизов был его сезонный характер. В теплое время года они питались в основном молочными продуктами, зимой же преобладала пища из муки и зерна, к которой добавляли некоторые молочные продукты (сыр, масло, подсоленный творог). Уделом большей части населения было постоянное недоедание, особенно зимой; во время массового падежа скота нередко наступал настоящий голод.

При значительном ассортименте национальных блюд и кушаний питание основной массы населения отличалось крайней скудностью и однообразием. Обычно бедная и малосостоятельные середняки в течение круглого года питались жидкой пищей. Наиболее распространенными видами ее были *максым* и *жарма*. *Максым* — это питье из толокна или дробленого ячменя: в отвар клали немного муки. *Джарму* варили из подсушенного на огне ячменя (или пшеницы), зерна которого размельчали в деревянной ступе и опускали в кипящую воду. В отвар, после того как он остынет, добавляли солод или старую *джарму* и муку. *Джарму* употребляли холодную, в кислом виде. Кроме того, были распространены *талкан* — толокно из поджаренного и измельченного ячменя, пшеницы или кукурузы (его распускали в молоке, простокваше или воде), *көжө* (*кочо*) — жидкий

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 259, 412.

суп из пшена, который заправляли молоком или айраном (реже варили с мясом), и *ботко* — просяная каша.

Не все бедняки имели возможность питаться ежедневно обычной пищей кочевника — слегка разбавленным водой кислым молоком (*айран*). Одно из любимых блюд скотоводов — кумыс (*кымыз*) — подвергшееся брожению кобылье молоко, так же как и мясо, бедняк употреблял изредка, да и то большей частью получал его с байского стола как подачку или как угощение во время устраивавшихся баями и манапами торжеств. Чай, не говоря уже о сахаре, был почти недоступен бедняку, даже хлеб в виде лепешек не был его повседневной пищей.

За последние десятилетия питание неузнаваемо изменилось. Не может идти в сравнение с прежней пищей основной массы киргизского населения, с его постоянными заботами о чашке джармы и айрана, пищевой режим современного колхозника. На нем сказались глубокие преобразования социально-экономического уклада, повышение культурного уровня населения и особенно переход к оседлому образу жизни бывших кочевников. Эта сторона быта свидетельствует о неизмеримо возросшем жизненном уровне. Удовлетворение потребностей колхозников в питании основывается прежде всего на росте многоотраслевого общественного хозяйства, а также на использовании продуктов из личного хозяйства.

Вместе с тем на видах пищи отразилось расширение связей с городом и с соседним русским, узбекским, таджикским, дунганским и уйгурским населением. Это особенно заметно в Прииссыккулье, Чуйской долине, южной Киргизии. Хотя пища в целом и продолжает сохранять свое национальное своеобразие и способы ее приготовления не подверглись существенным изменениям, в ней появились и новые, не знакомые в прошлом блюда, она стала разнообразной. Пища обогатилась в значительной мере в связи с развитием новых отраслей хозяйства, почти не известных ранее кочевникам: огородничества, садоводства, пчеловодства, птицеводства. Тем не менее она не утратила в полной мере и своего сезонного характера, особенно у животноводов. Осенью и зимой пища более питательна и разнообразна, летом в ней значительное место занимают чай и холодные жидкие кушанья, лишь вечером готовят горячее блюдо.

Резко улучшилось питание подавляющей массы колхозников, в нем повысился удельный вес наиболее питательных видов пищи. Прежде всего, на столе колхозника перестали быть редкостью мясо, животные жиры. В пищевой обиход вошли картофель, овощи, фрукты, мед, покупные продукты (сахар, кондитерские изделия), стал доступен широким массам рис, а с ним и плов, в пищу стали употреблять птичье мясо и яйца в вареном и жареном виде. Наиболее часто употребляются такие овощи, как лук, помидоры, огурцы, морковь, капуста (из нее иногда варят щи). В южной Киргизии, где овощи и фрукты уже давно вошли в пищевой режим, значительное место принадлежит тыкве (*ашкабак*), которую кладут в суп, в пельмени, едят с мясом и готовят как самостоятельное блюдо. Наряду с традиционными лепешками, испеченными в котле (*көмкөрмө токоч*) или на углях между двумя сковородками (*көмөчтөн*), в южной Киргизии и отчасти в долине Таласа лепешки пекут в глиняной хлебной печи ферганского типа — *тандыр*¹. Местами употребляется и печенный современным способом хлеб.

Из молока и молочных продуктов готовят, кроме айрана и кумыса, следующие кушанья: род кислого сыра (*курут*), заготовляемого на зиму и употребляемого в пищу в сухом виде или растертым и разбавленным в теплой воде; творог (*сузмө*); разбавленный водой айран (*чалан*), используемый летом как прохладительный напиток; пресный сыр из кипяченого створоженного молока, засушенный в виде небольших лепешек, —

¹ На севере она распространена преимущественно в пределах Прииссыккулья и имеет иную форму.

Приготовление лепешек. Наукатский район, Омская область

быштак или *пышлак* (изготавливается преимущественно у южных киргизов и употребляется в пищу в ближайшие дни после приготовления); особый сорт сладковатого твороговидного сыра из подвергающегося длительному кипячению овечьего молока (*эжигей*); топленое масло (*сары май*); кипяченые сливки (*каймак*). В разных районах Киргизии способы приготовления масла отличались. На юге была широко распространена деревянная маслобойка (*куп* или *гуу*), имеющая форму узкого цилиндрического сосуда.

Молочная пища летом составляет основное питание колхозных животноводов. Еще в больших размерах, чем другие колхозники, они заготавливают на зиму курут, топленое масло и подсоленный творог. По случаю возвращения животноводов с летних пастбищ до сих пор принято устраивать угощение (*оруулук*). Прежде его приносили вновь прикочевавшему скотоводу те, кто уже раньше прибыл на место стоянки. Теперь живущие в селениях родственники приносят вернувшимся бузу (род пива), *боорсок* (кусочки теста, жаренные в котле в бараньем сале), лепешки, фрукты. Животноводы в свою очередь угощают их копченым мясом, сыром. Вообще одной из своеобразных черт киргизского сельского быта является постоянный обмен продуктами между животноводами, находящимися на пастбищах, и членами их семей или родственниками, живущими в селениях.

Обилие зерновых продуктов позволяет колхозникам употреблять в пищу разнообразные мучные изделия. Из муки готовят излюбленное лакомство — *боорсок*, печеные в золе хлебцы — *кэмоч*, печенье типа хвороста — *чоймо токоч*, слоеные лепешки — *жупка*, которые кладут в горячее молоко и сдабривают маслом и творогом; слоеные лепешки на масле, иногда со сливками — *каттама*, жареные в масле лепешки — *май токоч*, оладьи — *куймак*. На юге, а также в долине р. Таласа сохраняется блюдо из проса или зерен кукурузы: зерна поджаривают, толкут в ступе или размалывают на ручных жерновах, затем заливают горячим молоком и едят с маслом и сахаром или подают к чаю. Приготавливают лапшу (*жесме*), которую обычно варят с мясом, иногда с молоком; на юге

частым блюдом бывает молочная рисовая каша. Хлебные изделия потребляют главным образом с чаем.

Чай принадлежит к числу самых популярных напитков у киргизов. В Иссыккульской котловине в прошлом нередко чай приготавливали сами, покупной чай, преимущественно кирпичный, был доступен не всем. Ч. Валиханов отмечал, что киргизы заваривали чай с солью и он напоминал «калмыцкий чай». У иссыккульских киргизов до революции был распространен *куурма чай*: в молоко, разбавленное водой, клали жаренную в масле муку или талкан, добавляли соли и кипятили.

Теперь повсеместно пьют покупной чай, причем в южной Киргизии летом предпочитают зеленый чай (*көк чай*). Северяне воду для чая кипятят, как правило, в самоварах, которые появились здесь в конце XIX — начале XX в., а южане — преимущественно в металлических кувшинах. У северян принято подавать чай каждому из пьющих в отдельной пиале, а южане пьют по очереди из одной-двух пиал. Угощением к чаю, кроме лепешек и боорсока, служат масло, каймак, сушеные фрукты, сладости, в частности мед. В Прииссыкулье чай пьют иногда со свежим молоком, чуть подсаливая его. Из других напитков распространены джарма, а также буза (*бозо*), которую приготавливают главным образом зимой из проса, ячменя или кукурузы, добавляя для брожения солод — проросшую пшеницу и муку.

Теперь нередко приготавливают кумыс и из коровьего молока (*уй кымыз*), которое заквашивают настоящим кумысом.

На юге часто варят болтушку (*атала*) — жидкую пищу из кукурузной муки, которую едят с кислым молоком или маслом.

Киргизы употребляют в пищу различные виды мяса: конину (которая особенно ценится), баранину, говядину, а также мясо диких животных: горных козлов, баранов и косуль и, наконец, птичье мясо. Охотники до сих пор применяют иногда старинный способ варки мяса (*таш боркок*): мясо убитого животного складывают в его желудок (*кары*), наливают туда воду и опускают раскаленные камни, от которых вода закипает. Вообще же мясо обычно варят в чугунных котлах.

Наиболее распространенным видом мясной пищи является вареная баранина. Куски мяса обмакивают в соленый мясной бульон (*сорпо*), кроме того, бульон подают отдельно перед едой и после нее. Излюбленным блюдом является мелко крошенное вареное мясо (*туураган эт*; теперь его чаще называют *бешбармак*), политое бульоном, которое смешивают со сваренной в этом бульоне лапшой. В XIX в. в северной Киргизии лапшу в мясо не добавляли и называли это блюдо *нарын*. У южных киргизов нарын распространен и теперь. В него добавляют нарезанный лук. Лакомством считается легкое овцы, наполненное молоком и маслом и сваренное в воде (*куйган өлкө, олобо*), а также колбаса из мяса с жиром (*чучук*). Вареное мясо (в этом случае подают крупные куски, которые режут во время еды) едят также с кусочками тонко раскатанного теста (*кулчөтөй*), жареное мясо (*куурдак, куурма*) подается без приправ.

В прошлом заготавливать мясо впрок имели возможность только крупные и отчасти средние скотоводческие хозяйства; теперь почти каждая колхозная семья заготавливает мясо на зиму (*согум*). Поздней осенью забивают одну-две овцы, иногда лошадь. Части туши слегка подсаливают, затем, продержав их несколько дней завернутыми в шкуру, развешивают в кладовой. Характерно, что в каждом киргизском доме имеется помещение для хранения запасов продуктов; раньше небольшие запасы пищи хранили в юрте и лишь для хранения зерна устраивали ямы в земле (*ороо*).

Мясную пищу потребляют главным образом поздней осенью и зимой, хотя вареное крошеное мясо приготавливают и в другое время года — по случаю семейных и общественных праздников или приезда гостей. У животноводов зимой мясная пища преобладает. Кроме крошеного мяса, на

праздничный стол подают еще особый род вареной колбасы из печени и крови (*быжы*), в которую кладут сало, лук и перец, иногда рис.

Наряду с традиционными видами пищи получили распространение и новые. Они появились благодаря изменениям в экономике и тесным контактам с русскими. Среди них мясной суп (*сорпо*, *шурпа*) с картофелем и луком, жареный картофель с мясом (*жаркоп*), пирожки с начинкой из картофеля. Приготавливают теперь и некоторые уйгуро-дунганские блюда, например паровые пельмени (*чучбара*), подобные узбекским и уйгурским *мантуу* большие пирожки с мясом, также испеченные на пару в особом металлическом приспособлении (*каскан*); соус из кусочков мяса, который добавляют в вареную лапшу, — *лагман*. Узбекский плов теперь распространился как праздничное блюдо и в северной Киргизии; в Прииссыккулье его часто делают из пшена.

Характерно, что наиболее сытную мясную пищу употребляют преимущественно вечером — в этом сохранилась старая традиция. Но куурдак или жаркоп, например, едят иногда и днем.

Национальное лакомство — боорсок — употребляют теперь нередко с сахарным песком.

Из местных наркотиков основным является особо приготовленный жевательный табак (*пасьбай*), закладываемый за нижнюю губу. Уже давно вышла из употребления курительная трубка (*канжа*).

Исторически сложившиеся национальные особенности в пище (ее состав и способы приготовления) наиболее устойчиво сохраняются в семьях животноводов на отгонных пастбищах.

Некоторое место в колхозах начинает занимать общественное питание. Его организуют во время сезонных работ на полевых станах и во время стрижки овец. На этот период выделяют поваров, большей частью женщин; варят обычно мясной суп с лапшой. В горных районах колхозников, работающих в поле, снабжают лепешками, айраном, иногда кумысом.

Горячую пищу приготавливают в котле (*казан*) на очаге. К столу ее подают в эмалированных или фаянсовых чашках. Обедают и пьют чай в большинстве случаев сидя вокруг скатерти, разостланной на войлоке, покрывающем пол. Но в Прииссыккулье и Чуйской долине (в меньшей мере в Таласе и на Тянь-Шане) получили распространение круглые низкие деревянные столики, вокруг которых во время трапезы усаживается вся семья. Женщины и дети, получавшие в прошлом худшую пищу, питаются теперь наравне с остальными членами семьи.

Старая домашняя утварь, приспособленная в прошлом к полукочевому образу жизни, сохраняется главным образом в юртах животноводов. Это деревянная и кожаная посуда. Но деревянные ступы, кадки, ведра, глубокие блюда для мяса бытуют еще и в поселках. Современная утварь, появившаяся вместе с изменениями, внесенными в хозяйственную жизнь и в культуру колхозным строем, представлена большим количеством разнообразной посуды: алюминиевой, эмалированной, фаянсовой. Молочные продукты приготавливают и сохраняют почти всегда в эмалированных тазах и кастрюлях, но молоко, а также массу для приготовления сыра кипятят по-прежнему в котле.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Общественная
жизнь

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила классовую структуру киргизского общества и полностью преобразила общественные отношения, существовавшие в киргизском аиле.

Утверждение социалистической системы хозяйства, победа коллективизации в сельском хозяйстве Киргизии предопределили ликвидацию

эксплуататорских классов — байства, манапства, кулачества. Колхозное крестьянство, рабочий класс и интеллигенция составили новое советское киргизское общество. Молодой киргизский рабочий класс возник и растет в тесном союзе с крестьянством, и этот союз представляет собой одну из монолитных основ киргизской социалистической нации.

В рядах многочисленной киргизской интеллигенции есть инженеры, техники, агрономы, врачи, художники, писатели, артисты, учителя, ученые, в том числе много женщин. Под руководством Коммунистической партии воспитаны многочисленные национальные кадры партийных и советских работников, государственных деятелей, хозяйственников.

Трудно даже сопоставлять общественную жизнь в современном киргизском обществе с монотонным и вялым течением прежней жизни киргизского аила, основанной на всевластии байско-манапской и чиновничьей верхушки и на бесправии большинства рядовых скотоводов и земледельцев. Многообразна, содержательна, проникнута новыми отношениями общественная жизнь в городах, аилах и кыштаках Киргизии. Она основана на принципах товарищества и взаимной помощи, тесно переплетается с интересами общественного хозяйства и труда, многими нитями связана с общественно-политической жизнью всего Советского Союза. Руководителем и организатором, душой всей общественной жизни в Киргизии является ее Коммунистическая партия, объединявшая в своих рядах к XXII съезду (1961 г.) свыше 68 тыс. человек.

Советы депутатов трудящихся привлекают население к активному участию в общественной жизни. Сессии Верховного Совета Киргизской ССР и местных Советов обсуждают самые насущные вопросы общественного хозяйства, культурно-бытового обслуживания трудящихся. Свыше 15 тыс. депутатов местных Советов и многие тысячи активистов участвуют в постоянных комиссиях, занятых улучшением деятельности всех советских организаций. В целях дальнейшего развития советской демократии число депутатов в Советах республики было увеличено в 1959 г. более чем на 2 тыс. Выборы в Советы всегда проходят как большой народный праздник.

Об общественной активности трудящихся Киргизии свидетельствует тот факт, что на городских и районных партийных конференциях, открытых партийных собраниях и собраниях трудящихся, посвященных обсуждению проекта новой Программы КПСС, присутствовало более 435 тыс. человек. Тысячи коммунистов и беспартийных выступали на собраниях и в печати со своими откликами и предложениями.

Большую роль в коллективном управлении хозяйственными делами играют рабочие собрания и производственные совещания на предприятиях и общие собрания колхозников.

Коммунистический Союз Молодежи Киргизии, насчитывающий в своих рядах около 150 тыс. юношей и девушек, является признанным вождем киргизской молодежи. Его деятельность ознаменована многими славными делами. Под его руководством развернулось движение за массовый переход комсомольцев и молодежи на работу в ведущую отрасль сельского хозяйства — животноводство.

Сотни тысяч членов объединяют профсоюзные организации Киргизии. При деятельном участии профсоюзов трудящиеся соревнуются за досрочное выполнение семилетнего плана. Самое замечательное явление современности, возникшее в связи с созывом XXI съезда КПСС, — движение за звание коллективов и ударников коммунистического труда — охватило свыше 75 тыс. трудящихся. В середине 1961 г. за это почетное звание боролись около 3 тыс. коллективов, 609 его уже завоевали.

Общественный труд сплотил людей независимо от их прежней родовой принадлежности, от их национальности. Родовое и племенное самосознание уже давно уступило место национальному самосознанию. Первен-

Собрание колхозников. Тянь-Шаньская область

ствующее место заняло сознание принадлежности к определенному трудовому коллективу.

Однако из памяти старшего поколения киргизов еще не исчезли представления о принадлежности к тому или иному племени и роду, о генеалогии своей семейно-родственной группы и семьи. Эти представления, как правило, уже не играют какой-либо роли в общественной жизни, но иногда проявляются в пределах группы родственных семей — бир атанын балдары. Имеющая характер народного обычая, взаимная помощь внутри такой группы используется иногда лицами, преследующими корыстные цели, для создания обстановки семейственности и круговой поруки, что причиняет тот или иной ущерб общественным интересам. Солидарность членов группы родственных семей, выражающаяся в коллективной помощи члену группы по случаю свадьбы, похорон и т. п., базируется на той же отсталой и ныне вредной идеологии «родового единства». Молодежь в своей массе не поддерживает патриархально-родовых пережитков, связанных с воспоминаниями о прежнем родоплеменном делении.

Основой государственного и общественного строя в Киргизской ССР, как и в других братских республиках СССР, является идеология дружбы народов. Она пронизывает всю производственную, общественную и духовную жизнь трудящихся республики. Если в дореволюционное время на пути подлинной дружбы киргизского народа с русским и другими народами стоял русский царизм и киргизские феодалы и баи, то в годы Советской власти, когда для развития дружбы не осталось никаких препятствий, она приняла широкие и многообразные формы.

На предприятиях, в колхозах, учреждениях, институтах, вузах учатся и рука об руку трудятся на благо Родины представители всех национальностей, населяющих Киргизию. Многонациональные колхозы — частое явление как в северной, так и в южной Киргизии. Двенадцать национальностей представлены среди колхозников сельскохозяйственной артели «Кызыл-Шарк» Кара-Суйского района Опской области: дунгане, киргизы, узбеки, русские, таджики, уйгуры, корейцы и др. Этот

колхоз до недавнего времени возглавлял дважды Герой Социалистического Труда дунганин Х. Таширов.

В деятельности всех государственных, партийных и других общественных организаций всегда учитывается многонациональный состав населения Киргизии.

В органах власти все национальности представлены депутатами. В составе Верховного Совета Киргизской ССР IV созыва были представители 13 национальностей. Среди 329 депутатов киргизы составляли 52,8%, русские 25,2%, украинцы 9,4%, узбеки 5,4%. В местных Советах Киргизии имеются депутаты 36 национальностей, в том числе киргизов — 55,5%.

Делается все необходимое для того, чтобы не допустить ущемления интересов какой-либо национальности, представленной в республике. Партийные организации воспитывают трудящихся в духе социалистического интернационализма, сближения наций.

Большим событием в общественной жизни являются устраиваемые по несколько раз в году на ипподромах городов Фрунзе и Пржевальска, а также в других пунктах конно-спортивные праздники, программы которых обязательно включают наиболее любимые народом национальные игры и состязания. В них обычно входят состязания народных силачей (*күрөш*), борьба на конях (*оодарыш*), скачки юношей и девушек — «погоня за девушкой» (*кыз куумай*). Интересно отметить, что на новогоднем празднике в Пржевальске в 1959 г. победу в этой скачке одержала русская наездница — студентка Валя Гребенщикова. Устраивается также состязание по перетягиванию аркана (*аркан тартыш*). После скачек и заездов племенных скакунов организуются так называемые гладкие скачки с участием колхозных лошадей — *ат чабыш* или *аламан байга* на дистанцию до 8—10 км, в которых наездниками бывают обычно юные джигиты, в возрасте 10—12 лет. Иногда устраивают гладкие скачки с жокеями-девушками. Демонстрируют свою ловкость джигиты и в состязании *тыйын эңмей*, во время которого нужно на всем скаку поднять с земли монету. Наконец, в заключение обычно устраиваются проходящие с большим спортивным азартом конские скачки с козлом (*улак тартыш*). На этих праздниках всегда присутствуют многие тысячи зрителей, остро реагирующих на все перипетии состязаний и игр.

В г. Фрунзе иногда организуются выставки национальных предметов быта, выпускаемых предприятиями местной промышленности. Это национальные женские платья разных расцветок, мужская одежда (чапан, чепкен, бешмаут). Кроме того, швейные предприятия выпускают женскую одежду из вельвета и плюша. Фабрика головных уборов освоила выпуск мужских национальных головных уборов (калпак, тибетейки). Производятся и национальные виды обуви. Для продажи таких товаров в г. Фрунзе открыт магазин национальных изделий. В нем продают вышитые ковры-панно — туш кийиз, ткани соответствующих местным вкусам расцветок, косынки с национальным орнаментом и др. Джалал-Абадский литейно-механический завод начал производить из алюминия кувшины местной формы — кумгапы. Налаживается в городах продажа таких отвечающих национальным вкусам продуктов, как конина и кумыс.

В Киргизии издаются газеты и литература, ведутся радиопередачи на русском, дунганском и узбекском языках, лекции читаются также на разных языках; в г. Оше работает старейший узбекский музыкально-драматический театр с ведущей актрисой Таджихон Хасановой, он ставит пьесы и киргизских драматургов; в быт киргизской молодежи широко вошли узбекские танцы. Пользуются популярностью самодеятельные уйгурские ансамбль и хор, дунганские ансамбли народных инструментов. В Киргизии, как и в других республиках, происходит закономерный процесс сближения наций. Культура киргизского народа впитывает в себя элементы культур братских народов, развивается по пути сближения с

ними. Важное значение в связи с этим имеет принимающее все более широкие размеры изучение, наряду с родным языком, русского языка. Он уже стал для киргизов вторым родным языком.

Выросшее на основе общих интересов строительства социализма и совместного труда морально-политическое единство народов Советской Киргизии неоднократно получало яркое выражение в единодушном голосовании во время выборов в Верховные Советы СССР и Киргизской ССР и в местные Советы.

Важным фактором общественного развития в Киргизии является нерушимая дружба, тесные экономические связи, сотрудничество и взаимопомощь между Киргизией и другими братскими республиками. В течение многих лет трудящиеся республики участвуют в социалистическом соревновании с трудящимися Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Армении. Делегации Киргизии посещают с целью изучения передового опыта другие республики, а также Москву, Ленинград. Киргизия в свою очередь принимает у себя представителей братских народов. Постоянно происходит обмен делегациями с братскими республиками, связанный с теми или иными важными датами, историческими событиями, съездами. Киргизская делегация присутствовала на торжествах, связанных с 300-летием воссоединения Украины с Россией, делегации Казахской ССР, Узбекской ССР и Таджикской ССР вместе со всем киргизским народом участвовали в торжествах по случаю вручения республике ордена Ленина (1957 г.).

Широки и многообразны взаимные связи в области литературы и искусства. За 1956—1960 гг. переведено на киргизский язык и издано более 200 названий книг авторов 14 национальностей братских республик общим тиражом около 600 тыс. экземпляров. На многих языках народов СССР издаются произведения киргизских писателей. В последнее время получила признание новая форма культурных связей — проведение недель искусства и литературы республик. В 1959 г. в Киргизии была проведена неделя литературы и искусства Казахстана, в Туркмении — неделя киргизской литературы. В 1960 г. в Киргизии состоялись неделя туркменской литературы и неделя узбекского искусства, в Узбекистане — неделя киргизского искусства, в 1962 г. в Киргизии — декада русской литературы.

В театрах Киргизии идут пьесы драматургов многих республик. Превратились в традицию взаимные гастроли театральных коллективов Киргизии и соседних республик, к которым общественность проявляет неизменный горячий интерес. В 1959 г. в Алма-Ате была открыта большая выставка произведений киргизских художников. Важное общественное значение имели проводившиеся в Москве в 1939 и 1958 гг. декады киргизского искусства и литературы.

Проявлением дружбы и братства является переименование далекого с. Селявное Воронежской области в с. Тулебердиево в память о славном сыне киргизского народа, Герое Советского Союза Чолпонкуле Тулебердиеве, погибшем близ этого села во время Великой Отечественной войны. В 1958 г. почтить память земляка туда ездила делегация трудящихся Кировского района Киргизии. Она была принята с большой теплотой.

Все более расширяются многообразные интернациональные связи киргизского народа с народами социалистических и других дружественных стран. Эти связи имеют глубокие корни. Одним из очень ярких проявлений интернациональной солидарности трудящихся явилось переселение в Киргизию в 1925 г. большой группы чехословацких и венгерских рабочих, организовавших близ г. Фрунзе интернациональное кооперативное товарищество «Интергельпо» («Взаимная помощь»), сыгравшее важную роль в индустриализации республики. Членами кооператива состояли рабочие 14 национальностей, в том числе и киргизы. На предприятиях

«Интергельпо» готовились квалифицированные кадры из местных национальностей. Чувства дружбы киргизских трудящихся к народам, выдвинувшим крупных революционных и демократических деятелей, нашли выражение в присвоении вновь открытым альпинистами вершинам и пикам в хребтах Тянь-Шаня имен Георгия Димитрова, Эрнста Тельмана, Юлиуса Фучика, Маноласа Глезоса. Именем Ю. Фучика, не раз приезжавшего в Киргизию, названы улица и большой парк в г. Фрунзе.

В последние годы Киргизию посетили делегации многих стран, в особенности социалистических стран Азии. Происходит постоянный обмен делегациями общественных деятелей, деятелей науки, литературы и искусства. В Индии побывали писатели Т. Сыдыкбеков, Т. Уметалиев, А. Токтомушев, известная артистка Бакен Кыдыкеева, участвовавшая в фестивале советских кинофильмов, где демонстрировался и фильм «Салтанат», в котором эта артистка исполняет главную роль. Фильм «Салтанат», рассказывающий о новой жизни киргизского народа, демонстрировался и во время фестивалей в Англии и Франции. Народный поэт Киргизии Аалы Токомбаев, художник А. Усубалиев посетили Китай. В Киргизию приезжала делегация деятелей искусства и культуры соседнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, а перед этим в Синьцзяне гостили работники искусств Киргизии. Они ездили также в Монголию, Индию, Индонезию, Германскую Демократическую Республику, Объединенную Арабскую Республику. Деятели искусств зарубежных стран встречают в Киргизии горячий прием.

Многие произведения писателей социалистических стран, а также Индии, Ирака, Алжира, Афганистана, Японии, Камбоджи и других стран Востока изданы на киргизском языке. В то же время произведения киргизских писателей, журналистов, ученых опубликованы в КНР, Чехословакии и других странах народной демократии.

Углублению дружбы с народами зарубежных стран способствовало участие киргизской молодежи во всемирных встречах молодежи. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в составе делегации Киргизии было 350 человек. Киргизская делегация имела встречи с посланцами молодежи Индии, Камбоджи, Лаоса, Монголии, Чехословакии, Финляндии. Золотой медалью лауреата был награжден исполнитель народных песен Джапар Чабалдаев, серебряной медалью — студенческий ансамбль комузистов из восьми человек, бронзовой — исполнительница на комузе Мееркан Козубекова, племянница и ученица знаменитого мелодиста и виртуоза Атая Огонбаева. Лауреатами других фестивалей являются известная балерина Бюбюсара Бейшеналиева, певица Салима Бекмуратова, разносторонне одаренный артист Асек Джумабаев.

В Киргизии созданы Общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами и Отделение Общества советско-китайской дружбы. Интернациональные связи и дружба с народами зарубежных стран укрепляют дело мира между народами. Движение сторонников мира, борьба за мир встречают в Киргизии горячую поддержку трудящихся масс.

Широкий общественный отклик получают такие события, как областные и республиканские фестивали молодежи, спартакиады. Обычно молодежь готовит трудовые подарки к фестивалю, сооружает спортивные площадки, ремонтирует клубы, сажает деревья. На этих фестивалях общается молодежь различных областей и районов республики, разных национальностей, в них участвуют и гости из других союзных республик. Многие художественные ансамбли состоят из представителей нескольких национальностей. Русские юноши и девушки, а также многонациональные хоры исполняют киргизские песни, киргизы поют украинские песни, киргизские девушки исполняют узбекские танцы. Концерты, состязания, игры, музыка фестивалей привлекают к себе сотни тысяч жителей селений и городов. Такое же значение имеют спартакиады, в особенности —

по национальным видам спорта, встречи со спортсменами братских республик, международные спортивные встречи с делегациями различных стран.

К числу важных явлений общественной жизни в Киргизии следует отнести широкое участие стариков-колхозников, считающихся нетрудоспособными и находящихся на отдыхе, в общественном труде в наиболее напряженные сезоны сельскохозяйственных работ; инициативное строительство культурно-бытовых учреждений на селе силами колхозников и на средства колхозов по почину тружеников Ат-Башинского и Кочкорского районов Тянь-Шаньской области; различные формы обмена положительным опытом производственных коллективов. Этой же цели служит поток экскурсий на республиканскую выставку достижений народного хозяйства.

Своеобразно проводится в Киргизии ставший традиционным День животновода. И в прошлом выход скотоводов на летние пастбища отмечался как торжественный день. Но тогда он проводился отдельными мелкими хозяйствами или в рамках небольшой кочевой группы. Теперь День животновода имеет совершенно иную функцию и носит широкий общественный характер. В этот день происходит как бы смотр работы животноводов, они берут новые социалистические обязательства. С этого дня начинается период летнего нагула общественного скота, борьбы за высокие привесы мяса и надой молока. В долине р. Сусамыра, где летом выпасается до миллиона голов овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, свиней из колхозов и совхозов Чуйской долины, в День животновода в пойме р. Каракол собирается свыше 4 тыс. чабанов, табунщиков, пастухов, доярок, свинаярей. После официальной части устраиваются национальные игры, борьба, конские скачки. Остаток дня животноводы проводят в долгих беседах за чашкой кумыса. Подобные праздники устраиваются и на таких крупных пастбищах, как Кенес-Анархай, Арпа. Нередко здесь же вручаются переходящие Красные знамена. Перед животноводами выступают приехавшие из города артисты, здесь звучат духовой оркестр, национальные мелодии.

Для Киргизии, как и для других республик Советского Востока, было характерно в прошлом угнетенное, неравноправное положение женщины. Глубокие изменения, происшедшие в общественном положении киргизской женщины, явились прямым следствием вовлечения ее в общественно-производительный труд. Важную роль в борьбе за фактическое раскрепощение киргизских женщин сыграли передовые русские женщины. Ныне киргизские женщины являются активными участниками коммунистического строительства. Среди рабочих и служащих в республике женщины составляют 41%, в колхозном производстве — 52%. До революции грамотные женщины в Киргизии исчислялись лишь десятками. Даже в 1926 г. они составляли всего 7,4%. В 1959 г. 97% женщин были грамотны. Ныне 55% учителей — женщины, они же составляют 85% медицинских работников. В вузах и средних специальных учебных заведениях учатся тысячи девушек-киргизок. В Киргизии насчитывается около тысячи женщин — научных работников, более 150 из них — доктора и кандидаты наук. Несколько десятков киргизок имеют уже ученые степени. В республике хорошо известны имена медиков В. А. Исабаевой, К. Рыскуловой, литературоведа Б. Керимджановой. Свыше 36 тыс. женщин Киргизии имеют высшее и специальное среднее образование, в том числе 5,6 тыс. киргизок. Имеются уже первые инженеры-киргизки.

Пользуются популярностью киргизские поэтессы Сатин Абдукаримова и Субайылда Абдукадырова.

В Киргизии много женщин — общественных деятельниц. В 1961 г. 39 женщин работали секретарями городских и районных комитетов партии. В составе депутатов Верховного Совета СССР, избранных от Киргизской

ССР, 10 женщин, в составе Верховного Совета республики 111 женщин, среди депутатов местных Советов 7 тыс. женщин. Пять киргизских женщин возглавляют исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся. Более 6 тыс. женщин руководят звеньями, бригадами, животноводческими фермами, колхозами. Девять женщин работают министрами и заместителями министров, среди них министр культуры Кулийпа Кондучалова и министр социального обеспечения Батый Салиева.

Своими трудовыми успехами завоевали общественное признание такие киргизские женщины, как С. Батманкулова, одна из зачинательниц движения за коммунистический труд на прядильно-ткацкой фабрике, последовательница В. Гагановой на швейной фабрике «40 лет Октября» Алина Усупова. За выдающиеся заслуги перед Родиной более 6 тыс. женщин награждены орденами и медалями, 49 женщинам присвоено звание Героя Социалистического Труда и среди них — видному свекловоду, вдове героя Отечественной войны Дюйшенкула Шопокова, Керимбюбю Шопоковой, прославленному чабану совхоза «Кочкорка» Телегей Сагымбаевой, депутату Верховного Совета республики, имеющей также звание Матери-Героини (она воспитала 12 детей). Высокого звания Матери-Героини удостоены более 850 женщин Киргизии.

Общественность республики под руководством партийной организации ведет непримиримую борьбу с проявлениями феодально-байского отношения к женщине, с такими позорными пережитками прошлого, как выдача замуж несовершеннолетних девочек и отрыв их от учебы, продажа девушек за калым, похищение девушек, многоженство, которые иногда встречаются в отдельных районах республики. В этой борьбе почетная роль принадлежит общественным женским советам, созданным в городах, на предприятиях, в колхозах и совхозах. Под их контролем находится также работа детских учреждений, бытовых предприятий.

У киргизского населения вошли в быт празднования годовщин Великой Октябрьской социалистической революции и Дня 1 Мая. Жители городов и сел отмечают революционные праздники не только участием в торжественных заседаниях и демонстрациях, но и путем устройства коллективных вечеров. В колхозах принято устраивать групповые угощения, ходить друг к другу в гости. Вообще у киргизов широко развит обычай гостеприимства, которое по старой традиции распространяется не только на отдельных лиц, приезжающих по делам, на почетных гостей, но и на своих односельчан, членов своего колхоза, случайных путников.

Встреча Нового года — обычное явление в городских семьях, но в аилах она еще не стала общей традицией. Здесь на встречу Нового года собираются только группы сельской интеллигенции. Торжественные вечера и елки устраиваются в киргизских школах, как и в русских.

Религиозные праздники, утратившие свое прежнее значение, частично еще отмечаются, в особенности в южной Киргизии, но главным образом людьми старшего поколения. Мусульманского поста большая часть киргизского населения не соблюдает, но верующие празднуют окончание поста — *орозо айт*. По мере возможности они отмечают и праздник жертвоприношения — *курман айт*. Во время этих праздников мусульманское духовенство собирает у верующих пожертвования в пользу мечетей.

В сельских местностях еще продолжают сохраняться традиционные виды сборищ с угощениями. К ним прежде всего относятся *жоро-бозо* и *шерне*. Джоро-бозо — это поочередные групповые сборища для угощения бузой, устраиваемые обычно в зимнее время. В этих группах объединяются мужчины и женщины обычно одного возраста. Некоторые группы состоят из 30—40 участников. Главным угощением бывает буза, но, кроме того, приготавливают как лакомство боорсок, иногда варят мясо. Объединяющиеся в компанию выбирают одного из ее членов в качестве орга-

низатора угощений (его называют *бий*). Другому участнику, называемому *эрке бала*, поручается организация игр и развлечений.

Несколько по-иному проводятся шерне — летние групповые угощения. Они организуются значительно реже, так как каждый участник должен заколоть для угощения остальных ягнечка. К участию в шерне допускаются теперь и женщины, что раньше не разрешалось. Организация шерне падает на период напряженных сельскохозяйственных работ, поэтому эта традиция не получает поддержки и одобрения.

Иногда шерне устраивают на летних пастбищах животноводы, выпасающие скот на соседних участках.

Семья и брак Семейно-брачные отношения у киргизов в прошлом находились в тесной зависимости от патриархально-феодалных отношений. Господствующей формой семьи была индивидуальная (малая) семья. Однако она еще сохраняла многие черты своей предшественницы — патриархальной семьи и не являлась единственной формой семьи.

Имеются достоверные сведения о том, что в XIX в. наряду с малой семьей у киргизов еще продолжало существовать значительное количество неразделенных больших семей, внешне обладавших многими признаками патриархальных семейных общин, процесс распада которых начался уже давно. Они состояли из родственников трех поколений и более, живших общим домохозяйством; количество членов в таких семьях доходило до нескольких десятков человек. Скот считался общесемейным достоянием, запасы пищи, так же как и питание, были общими.

Сохранение этой формы большой семьи было связано с ростом имущественного неравенства. Развитие семейной собственности, ее накопление требовали пополнения крупного хозяйства рабочей силой. Наем рабочей силы в условиях господства натурального хозяйства, конечно, не мог получить какого-либо распространения. Не могло в полной мере удовлетворить потребности в рабочей силе и существовавшее еще в первой половине XIX в. патриархальное рабство. Естественно, что в этих условиях большое значение в крупных хозяйствах приобретала семейная кооперация. Не случайно, а вполне закономерно, что в экономическом отношении большие неразделенные семьи были обычно довольно состоятельными.

Разложение натурального хозяйства и рост его товарности, особенно в связи с проникновением в киргизский аил капиталистических отношений, привели в дальнейшем к распаду остатков большесемейных общин. Однако этот распад, как правило, не заканчивался полным обособлением малых семей. Они образовывали группы родственных семей, которые прежде всего объединяло сознание происхождения от общего предка в третьем-четвертом, а более редко — и в пятом поколениях. Между семьями внутри таких групп сохранялись тесные хозяйственные, бытовые и идеологические связи. Для этих групп были характерны обычаи материальной помощи родственникам в уплате калыма, в расходах, связанных с похоронами и поминками. Существовал особый тип погребальных сооружений для захоронения близких родственников.

Малая семья состояла обычно из главы семьи, его жены и детей, иногда еще и родителей. Многоженство было распространено главным образом в манапских и вообще в богатых и зажиточных семьях; бедняцкие семьи, как правило, были моногамны. В байских хозяйствах многоженство нередко являлась своеобразной формой эксплуатации женского труда.

Заключению брака предшествовало сватовство. Существовал обычай, согласно которому сговаривали только что появившихся на свет малолетних детей, а нередко объектом сговора были и еще не родившиеся дети. Этот обычай был более характерен для обеспеченных семей. Распространенными формами брака были выдача вдовы замуж за младшего брата ее умершего мужа и женитьба вдовца на младшей сестре умершей жены.

Среди бедняков встречалась и такая форма брака, как обмен сестрами или родственницами без уплаты калыма. Наконец, практиковалось иногда (хотя и редко) умыкание девушек. В большинстве случаев оно происходило с согласия девушки. Умыкание не освобождало от уплаты калыма.

Чаще всего брак имел характер сделки между родителями юноши и девушки, в основе ее лежала уплата выкупа (калыма) за невесту. Согласия на брак юноши и девушки обычно не требовалось. Уплата калыма, являвшегося обязательным условием заключения брака, была крайне трудным делом для неимущих слоев населения, наемных пастухов и бедняков. Нередко бедняки были обречены из-за этого на бессемейность. Даже в середняцких семьях уплата калыма была нередко делом всей семейно-родственной группы, к которой принадлежал жених. Размеры калыма были различны, они зависели от достатка семей жениха и невесты. Калым в некоторой мере компенсировался приданым (*сен*), в которое у богатых семей входила и юрта для молодых; обычно же оно состояло из одежды, украшений, домашнего убранства и утвари. Изредка практиковалась отработка за невесту: жених в течение нескольких лет трудился в хозяйстве ее отца.

Обычным явлением были ранние браки. Выдавали замуж 13—15-летних девочек. Власть родителей приводила нередко к тому, что мальчиков женили на взрослых девушках, а 9—10-летние девочки становились женами глубоких старцев.

У киргизов сохранялась экзогамия, но она имела «поколенный» характер: в прошлом, по обычаю, разрешалось брать жену из семьи родственника по мужской линии не ближе чем из седьмого колена, однако это ограничение местами постепенно отмирало. Реальное значение в киргизской семье имело лишь родство по мужской линии, хотя сохранялись некоторые следы и более древних семейно-брачных отношений, связанных с материнским правом. У киргизов были распространены кузенные браки. В литературе (Н. П. Дыренкова) отмечалось, что у киргизов бытует лишь односторонний кузенный брак — с дочерью брата матери. Действительно, особым предпочтением пользовались браки с родственниками по матери, в том числе и браки детей сестер и даже браки с сестрой матери. Но уже в 1948 г. удалось установить, что у киргизов встречались, хотя и реже, браки с дочерью сестры отца. Таким образом, можно считать, что и у киргизов существовал перекрестно-кузенный брак. Вместе с тем в некоторых племенах на юге Киргизии практиковались браки между близкими родственниками по мужской линии, в чем нельзя не видеть влияния норм шариата.

Среди родственников матери особое место отводилось брату матери, который по отношению к детям сестры имел определенные права и обязанности. Он пользовался с их стороны особым уважением. Брат матери жениха и брат матери невесты играли важную роль в свадебном обряде. Род матери проявлял особое расположение к племянникам по женской линии. Во время свадебных и других празднеств гостей-племянников выделяли в особую группу, для них устраивали специальное угощение (*жээн аяк*), им раздавали подарки. Наряду с этим племянник также пользовался значительными правами. Его право на получение подарков от дяди по матери отразилось в киргизской пословице: «лучше пусть придут семь волков, чем племянник».

Помимо обычаев левирата и сорората, у киргизов существовали и другие обычаи, свидетельствующие о древних формах брака. Так, старики сохранили воспоминание о существовавших некогда у киргизов своеобразных внебрачных отношениях, допускавшихся обычаем: младший брат имел право на внебрачное сожитие с женой своего старшего брата. Такого рода отношения представляли собой пережитки особой формы брака, предшествовавшего моногамному браку и возникновению норм леви-

рата и сорората. Подобные формы внебрачных отношений были отмечены Л. П. Потаповым и у некоторых народов Алтая. Отчетливо выступали в некоторых обычаях и пережитки брака, для которого было характерно матрилокальное поселение. Таков обычай добрачных посещений невесты женихом (*куйөөлөө*). После первого свидания с невестой, происходившего в аиле ее отца, жених приезжал сюда совершенно открыто, избегая лишь встреч со старшими родственниками невесты. Важная роль в этих свиданиях принадлежала родственницам невесты. Период досвадебных посещений невесты женихом был в отдаленном прошлом не чем иным, как фактическим началом супружеской жизни, собственно брака. Приезды жениха сопровождались разного рода обрядами и обычаями. В южной Киргизии бытовали обычаи длительного проживания молодой после свадьбы в доме отца, куда ее муж приезжал лишь время от времени. Общепространственным был и обычай посещения молодой своих родителей — *төркулөө*, которое происходило через год после свадьбы. Пребывание у них продолжалось нередко до месяца. Это одна из разновидностей известного обычая «возвращения домой».

В терминологии родства у киргизов сохраняются до сих пор черты классификаторской системы. Она включает значительное число терминов, каждый из которых относится к целой группе лиц.

Отношения в киргизской семье строились на патриархальной основе. Глава семьи считался распорядителем всего имущества и судьбы своих детей. Положение женщины в семье, как и в обществе, было неполноправным. Выкуп — *кун* — за убийство или увечье женщины уплачивался в половинном размере. Женщина не могла быть, за редким исключением, свидетельницей на суде. Она не обладала имущественными правами и фактически была лишена права наследования. После смерти мужа или отца женщина расценивалась как часть имущества, переходящего к родственникам мужа или братьям. При разводе дети должны были оставаться у отца. В то же время женщина являлась главной рабочей силой в семье, выполняя все работы по ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей, уходу за скотом, изготовлению одежды и утвари. Все это тяжелым бременем ложилось на киргизскую женщину и приводило ее к преждевременной старости. Такие обычаи, как выдача замуж малолетних, калым, многоженство были унижительными для киргизской женщины, низводили ее до положения рабыни.

Необходимо, однако, отметить, что, находясь под полной опекой и в подчинении у мужчины, киргизская женщина пользовалась все же некоторой свободой и самостоятельностью в домашнем быту и в хозяйстве. В бедняцких семьях она была гораздо менее бесправной, чем в зажиточных и байских, являясь помощницей и советчицей мужа во всех хозяйственных и семейных делах. В отдаленном прошлом женщина в киргизском обществе, как об этом можно судить по данным фольклора, занимала более высокое положение.

В результате глубоких революционных преобразований общественных отношений, осуществленных в нашей стране под руководством Коммунистической партии, в такой же степени, как и другие стороны быта, подверглись ломке и прежние патриархальные семейные отношения. Колхозное строительство и развитие промышленности, сопровождавшиеся широким привлечением киргизской женщины к общественно-полезному труду, принесли ей экономическую независимость, что обеспечило равноправное положение ее в семье. А это в свою очередь явилось крупнейшим фактором, вызвавшим глубокие изменения в семейно-брачных отношениях, которые привели к возникновению нового типа семьи — киргизской, советской семьи.

Существенной чертой нового типа семейно-брачных отношений является заключение браков по инициативе самих молодых людей, по их взаимной

склонности и любви, чему обычно не препятствуют и родители. Этому в огромной степени способствовало то обстоятельство, что унижительный для женщины обычай уплаты калыма был запрещен законом. Однако надо отметить, что в некоторых местах до наших дней пережитки калыма иногда еще сохраняются, но в скрытой или замаскированной форме. Браки оформляются в установленном советским законом порядке — путем регистрации в ЗАГСе, хотя по традиции во многих семьях совершают и мусульманский акт бракосочетания.

Таким образом, современный брак утратил в целом прежний характер сделки между родителями юноши и девушки. Все меньше становится браков, заключаемых по настоянию родителей. Если родители девушки не дают согласия на брак с ее избранником, намереваясь выдать ее за другого, молодые люди договариваются, и жених тайно уводит к себе девушку. Такой способ заключения брака не имеет ничего общего с встречающимися иногда случаями похищения девушек без их согласия с целью вступления в брак. Этому нетерпимому в советском обществе явлению дается решительный отпор.

Исчезли обычаи сговора родителей о будущем браке детей, еще находящихся в колыбели. Прекратил существование и позорный обычай левирата.

В прошлом, когда прочно сохранялись экзогамные брачные запреты, довольно часто привозили жену издалека. Теперь многие молодые люди берут жен в пределах своего селения, так как с переходом к оседлому образу жизни во многих случаях в одном селении или колхозе поселились группы различного происхождения и стали возможны без нарушения традиционных запретов браки между близкими соседями. Это несомненно способствует укреплению браков, поскольку молодые люди обычно хорошо знают друг друга с детства, вместе учились в школе, совместно трудятся на производстве.

Серьезные успехи достигнуты в борьбе с ранними браками, имевшими раньше широкое распространение, хотя отдельные случаи браков с несовершеннолетними девушками еще встречаются. В советских условиях стал абсолютно господствующим принцип моногамии. С уродливыми пережитками многоженства, которые иногда обнаруживаются, ведут борьбу советская общественность и судебные органы.

Одним из важных последствий установления новых национальных взаимоотношений, основанных на дружбе между народами, братском сотрудничестве между ними, следует считать появление смешанных браков. Такие браки, например, между киргизами и узбеками, бывали и раньше, ныне же они стали обычным явлением. Теперь уже перестали быть редкостью, как то было прежде, браки между киргизами и русскими. Это свидетельствует о преодолении былой национальной и религиозной замкнутости. Смешанные киргизско-русские семьи, в которых мужья — киргизы, жены — русские, являются своего рода проводниками многих культурных навыков, передовых форм домашнего быта и семейных обычаев, характерных для русских.

Свадьба является значительным событием не только для семей брачующихся, но и для довольно широкого круга родственников. В ней участвует обычно и колхозный актив. В свадебных обычаях сохраняется еще много традиционных элементов. Но эти обычаи нередко выступают уже в значительно измененном виде. Торжественное празднование свадеб было доступно в прошлом только обеспеченной части населения. Теперь большинство колхозных семей имеет возможность богато справлять их. Хотя и подвергся изменению, но еще бытует обычай сватовства. Довольно часто девушка переезжает в дом будущего мужа вскоре после окончания переговоров между сторонами, не дожидаясь обязательного в прошлом свадебного пира в доме отца невесты.

В тех случаях, когда свадьба происходит в доме отца невесты, соблюдаются такие церемонии, как осмотр приданого, переодевание жениха в новый комплект одежды, который дарят ему родители невесты. Устраиваются игры молодежи (*кыз оюн*). Наиболее популярна игра *токмок салуу*, в ходе которой молодые люди исполняют лирические песни, шутки, импровизированные произведения. Перед отъездом молодой происходит ее прощание с матерью и другими родственницами и подругами.

Когда жених отправляется за молодой, чтобы устроить пир в своем доме, его сопровождает несколько друзей, выполняющих функции друзей (*жуйөө жолдош*). Они должны преподнести родственницам молодой подарок (*жеңгетай*), чаще в виде денег. Молодая берет с собой обычно самую необходимую одежду и обязательно — свадебную занавеску (*көшөгө*).

По пути следования новобрачных в южной Киргизии иногда дети и подростки протягивают через дорогу аркан. Чтобы освободить путь, их одаривают мелкими деньгами.

Приезжающих встречает среди других мать молодого, которая осыпает новобрачных домашним печением, произнося благопожелания. По приезде в дом мужа молодая иногда по-прежнему несколько дней сидит за занавеской. Родственники и знакомые семьи мужа заходят в дом, чтобы посмотреть молодую, и делают подарок за смотрины — *көрүмдук*.

Свадебный пир — той — проводится обычно очень торжественно. Иногда его устраивают сначала для представителей старшего поколения и почетных гостей, а затем уже для женатых сверстников и друзей из молодежи. Помимо обильных угощений, организуется поочередное пение, проводят игры, заводят патефон. Иногда на свадьбу приглашают артистов и музыкантов, которые исполняют произведения народной музыки.

В расходах на свадебное угощение, как и в других свадебных расходах, принимают большое участие близкие родственники жениха. Видное место в свадебных церемониях до сих пор занимает многократный взаимный обмен подарками между семьями брачующихся. В состав приданого, в изготовлении которого участвует и сама девушка, входят предметы домашнего обихода (одеяла, войлочный ковер, декоративное вышитое панно, свадебная занавесь) и одежда для невесты (несколько платьев, пальто, жакет, туфли). Приданое привозит чаще всего мать молодой после свадьбы. Но привозу приданого обычно предшествует визит родителей молодого и его родственников к родителям молодой. Они привозят с собой подарки для родственников семьи молодой.

Изменение характера брачных отношений, в которых отразились выросшая самостоятельность киргизской молодежи, ее новое советское мировоззрение, самым благоприятным образом повлияло на весь уклад семейной жизни.

Значительный прогресс отмечается в самой форме семьи. Правда, обычай проживания большими неразделенными семьями в некоторой степени еще сохраняется и теперь: в каждом селении можно встретить семьи, в которых совместно проживают и ведут общее хозяйство отец с несколькими женатыми сыновьями или два женатых брата. Но преобладающей, типичной стала малая семья. Ее утверждение как абсолютно господствующей формы семьи способствовало освобождению семейных отношений от свойственных неразделенным семьям черт патриархальности. Это положительный и крупный шаг в развитии киргизской семьи, особенно ощутимый для женщин.

В неразделенных семьях насчитывается иногда до 15 членов. Во внутреннем их укладе можно наблюдать более отчетливо выраженную власть главы семьи. Но в этих же семьях развита материальная и трудовая взаимопомощь, облегчающая участие их членов в общественном труде. Отдельные неразделенные семьи были зарегистрированы и среди киргизских рабочих-шахтеров.

У киргизов преобладают средние по числу членов семьи, состоящие из четырех-пяти человек. Однако значительный процент составляют семьи из шести членов и больше. Характерной чертой киргизской семьи является прочность родственных связей, поэтому принято за обычное влечь в состав семьи тех или иных близких, а иногда и дальних родственников, по каким-либо причинам лишившихся семейного очага (взрослого брата или сестру главы семьи, брата или сестру отца, вдову брата или брата отца, сына или дочь брата или сестры, детей брата отца или матери).

В настоящее время нередко можно наблюдать своеобразное «расщепление» семьи, чаще большой, неразделенной, на две части, обособленные семь-восемь месяцев в году (а иногда и круглый год) в территориальном отношении, но связанные как семейно-родственными узами, так и интересами общего домашнего хозяйства. Часть членов такой семьи работает на животноводческой ферме и находится со скотом на отгонных пастбищах, а другая часть — в полеводческой бригаде. Этим семьям приходится жить «на два дома», что налагает известный отпечаток на их домашний быт. Необходимость деления семьи на две части вызывается нередко и наличием детей-школьников, живущих в поселке. В то же время другие семьи животноводов в течение многих лет в полном составе живут вне поселка на дальних пастбищах.

Совершенно иной стала экономическая основа семьи, что изменило и характер внутрисемейных отношений. В прошлом все устои семьи определял принцип частной собственности на средства производства. С переходом всех средств производства в общественную собственность и установлением безраздельного господства социалистической системы хозяйства киргизская советская семья хотя и продолжает сохранять некоторые хозяйственные функции, но главные свои силы трудоспособные члены семьи отдают не развитию частного хозяйства (своего или чужого), а развитию социалистического производства. Поэтому и основу материального благосостояния семьи составляют доходы, получаемые ею от участия ее членов в общественном производстве. Второстепенную роль играют доходы от личного хозяйства. Все эти виды доходов служат теперь для удовлетворения все возрастающих разносторонних личных потребностей колхозников и их семей, для повышения материального и культурного уровня их жизни.

Совсем отпали некоторые прежние стороны хозяйственной жизни семьи, утрачены и многие производственные функции. Теперь киргизская женщина освобождена от некоторых видов труда, требовавших затраты огромных сил и времени и обусловленных в прошлом особенностями полунатурального единоличного хозяйства, кочевым образом жизни. Труд в личном хозяйстве и в домашнем быту распределяется теперь более равномерно, поскольку в нем принимают участие и мужчины. Имущественные отношения строятся на новой основе, в соответствии с советским законодательством. Весьма существенно отмирание старого обычного права наследования имущества покойного его братьями и родственниками по мужской линии. В настоящее время его законными наследниками стали жена и дети.

Самым веским показателем преобразования всей внутренней основы семьи являются новые взаимоотношения между мужем и женой, являющиеся результатом все более укрепляющейся экономической самостоятельности женщины. Равноправное положение мужа и жены, подлинно товарищеские отношения между ними, как и более свободное и самостоятельное положение молодежи, сочетаемое с уважением к старшим, возникли в процессе преодоления господствовавших в старой семье патриархальных традиций. С встречающимися еще иногда случаями проявления феодально-байского отношения к женщине и детям партийные организации и советская общественность Киргизии ведут неослабевающую борьбу.

Большую роль в изменении внутрисемейных отношений у киргизов сыграло многообразное влияние русского народа, его передовой культуры, общение с русскими семьями, живущими по соседству. Особенно отчетливо это влияние проявляется в городах и поселениях городского типа, но его можно наблюдать повсеместно и в сельских местностях, не исключая и отдаленных высокогорных районов республики.

В киргизской семье детям прививают трудовые навыки, воспитывают у них чувство ответственности, взаимопомощи, привязанности к семье, уважения к старшим. Именно поэтому общей чертой киргизского семейного быта является отмеченная выше большая прочность родственных связей. Воспитание молодого поколения, являющееся важнейшей функцией семьи, осуществляется совместно с советской школой, пионерской и комсомольской организациями. В детях воспитываются любовь к Родине, к Коммунистической партии, преданность делу коммунистического строительства, чувство интернационализма. Со своей стороны школа помогает выработке правильных принципов самого семейного воспитания. Учителя, большинство которых получило образование в городах, воспринимали там не только знания, но и лучшие стороны русской культуры. В тех сельских местностях, где отсутствуют компактные массивы русского населения, семьи колхозников именно с помощью учителей и получили представление о современных взглядах на воспитание детей в семье. Всюду же, где киргизское население близко соприкасается с русским, пример русских семей и опыт долголетнего общения с ними сказываются положительно на воспитании детей в киргизских семьях. Результаты этого влияния прослеживаются в более внимательном, чем раньше, отношении к детям, их нуждам и запросам, в поощрении способностей детей к музыке, пению, вышиванию, в благожелательном отношении к получению детьми не только среднего, но и высшего образования, в выделении детям-школьникам своего «рабочего места» в доме для приготовления уроков, в более строгом отношении к внешности ребенка, его одежде, опрятности.

Теперь принято давать детям новые, в том числе и русские, имена. Но живуча еще и старая традиция отражать в детских именах особо значительные события окружающей жизни и памятные даты. В именах киргизских детей можно найти названия советских праздников, в них отражены Советская власть, Отечественная война, мир, перепись населения, переезд на сырты и т. п. Большинство детских имен имеет традиционный характер.

Рождение ребенка рассматривается в любой семье как счастливое событие. Оно отмечается обязательно угощением (*жентек*), состоящим из национального лакомства боорсок и лепешек с топленным маслом. Через пять-семь дней ребенка кладут в колыбель (*бешик*). Несмотря на отрицательные качества колыбели, унаследованной от старого кочевого быта, детские кроватки пока распространены незначительно. Первое укладывание ребенка в колыбель сопровождается устройством небольшого женского праздника (*бешик той*). Колыбель окуривают дымом горящего можжевельника, бросают жир в огонь и совершают некоторые другие обряды. Устраивается угощение и на 40-й день (*кыркы*), когда на ребенка надевают рубашечку, сшитую из 40 лоскутов, собранных у соседей, икупают в «40 ложках» воды. Эти и другие обряды, которыми сопровождается период младенчества, составляют пережитки древних верований, связанных с желанием сохранить жизнь ребенка, сделать ее долгой и счастливой. Они выполняются в некоторых семьях по инициативе старых женщин, оказывающих влияние на своих невесток, дочерей и других молодых родственниц, которые подчиняются установившейся традиции, не вдумываясь в содержание этих обрядов. К числу укоренившихся обычаев относится и мусульманский обряд обрезания, совершаемый над мальчиками.

Входят в быт и новые обычаи, соблюдаемые в первую очередь в семьях интеллигенции: отмечать день рождения детей, устраивать для них елку. Детям покупают игрушки, дают деньги на посещение киносеансов.

Большим уважением пользуются многодетные матери. Советское правительство окружило киргизскую женщину-мать, как и других женщин нашей страны, огромной заботой. Пособия многодетным и одиноким матерям, бесплатная медицинская помощь, детские ясли, отпуска по беременности и многое другое создали благоприятные условия для увеличения рождаемости в киргизских семьях и уменьшения детской смертности.

В киргизских семьях, где так велика любовь к детям, нередко можно встретить усыновленных, в том числе и детей здравствующих близких родственников. Во время Великой Отечественной войны получило распространение усыновление киргизскими семьями русских детей. В этом явлении проявилась новая, советская идеология, основанная на идее дружбы и братства народов.

Если процесс развития старой киргизской семьи шел в направлении постепенного распада патриархальных связей, обособления и индивидуализации семьи, ее укрепления в качестве хозяйственной единицы феодального общества, то процесс развития киргизской семьи в советском обществе идет принципиально иным путем и на новой основе. Став уже моногамной семьей и постепенно утрачивая черты хозяйственной единицы общества, она превратилась в важную ячейку советского трудового коллектива как в городе, так и в деревне. В противоположность старой семье прогресс современной киргизской семьи характеризуется развитием и укреплением ее многосторонних связей со всем социалистическим обществом. Важнейшее значение при этом имеет упрочение в семейной жизни принципов коммунистической морали, неразрывно связанное с преодолением феодально-байского отношения к женщине.

Остатки религиозной идеологии прочно удерживаются в семейных обычаях, связанных с погребальным обрядом. Хотя все основные элементы ритуала погребения совершаются в соответствии с требованиями мусульманской религии, многое в нем восходит и к народной традиции, к воззрениям, вытекающим из древнего культа предков.

У киргизов похороны и поминки превращаются обычно в своего рода общественное событие, в котором участвуют не только члены семьи и близкие родственники, но и широкий круг дальних родственников, которых специально извещают, если они живут в других селениях, районах и городах, а также односельчане. Похороны и связанные с ними обычаи вызывают очень большие расходы.

Во многих сельских местностях до сих пор принято тело умершего до погребения помещать в юрте, которая специально ставится во дворе для этой цели. Традиционный характер носит оплакивание покойного, в котором участвуют женщины, исполняющие трогательные плачи-причитания. Они сидят в юрте, где помещается усопший. Близкие родственники-мужчины стоят около юрты, опершись на посохи. Пока прибывают родственники или желающие выразить соболезнование, плач и рыдания слышатся и в юрте и вне ее. Вдова обычно сидит с распущенными волосами, покрытая темным или светлым платком (в зависимости от возраста покойного).

После двукратного обмывания тела умершего, которое затем заворачивают в белый саван, совершается обряд отпущения грехов (*доорон*) и читается заупокойная молитва. В обмывании местами и теперь обязательно участвуют свойственники (*сөөк тамыр*) из разных групп (из тех, откуда брали в семью девушек, и из тех, куда девушек отдавали из данной семьи замуж). Представителям других крупных семейно-родственных групп, присутствующих на похоронах, иногда и теперь вручают деньги «на помин души» (*мучо*).

На кладбище, по старому обычаю, отправляются только мужчины. До настоящего времени во многих населенных пунктах каждая семейно-родственная группа имеет свое кладбище, но все чаще теперь наблюдается смешанное захоронение.

В устройстве могил отмечается несколько вариантов, причем один из них восходит, по-видимому, к древнему, так называемому катакомбному типу погребальных сооружений.

В северной Киргизии до сих пор сохраняется традиция устраивать вокруг могил глинобитные оградки или возводить надмогильные сооружения в виде небольших мавзолеев — глинобитные (*моло*) или из сырцового кирпича (*жумбоз*).

В погребальный обряд входит определенный цикл поминок, которые совершаются на третий день после смерти (*учулук*), на седьмой день (*жетилик*) и на 40-й день (*кыркы*). На 40-й день (или на 20-й день) ближайшие родственники посещают могилу покойного. Они берут с собой различные продукты, которые съедают возле могилы. Это посещение называют *бейит башына баруу* (хождение на сороковины). Завершаются все церемонии тризной — аш, устраиваемой через год после смерти, а иногда и раньше. Тризны нередко бывают очень многолюдными, с обильным угощением, для чего забивают много скота. Советская общественность выступает против устройства таких расточительных тризн, тяжело отражающихся на бюджете семьи. После тризны прекращаются оплакивание умершего и соблюдение траура.

Здравоохранение Тяжелые экономические и бытовые условия жизни киргизских трудящихся в прошлом усугублялись широким распространением различных болезней и почти полным отсутствием медицинской помощи. Теснота юрты, в которой обычно помещались также новорожденные ягнята и козлята, постоянный дым от костра, загрязненность земляного пола — все это создавало антисанитарные условия для ее обитателей. Из наиболее распространенных у киргизов болезней можно назвать разной формы тиф, преимущественно возвратный, натуральную оспу, чесотку, цингу, ревматизм, сифилис. В результате вспышек эпидемии оспы или тифа население, лишенное медицинской помощи, вымирало тысячами. При наличии свыше 70 тыс. населения в Пржевальском уезде за 1890 г. обратилось за врачебной помощью всего только 1157 больных. На весь уезд имелся один врач в г. Пржевальске. Немногочисленные врачи в большинстве своем не были знакомы с бытом кочевников и не знали их языка. Однако и среди них, как и среди других представителей русской интеллигенции, были прогрессивные деятели, положившие немало сил для внедрения в массы кочевников современной культуры. Такими деятелями были пишпекский врач Ф. В. Поярков, а также отец и брат М. В. Фрунзе; первый из них работал фельдшером, второй — врачом в г. Пишпеке.

В 1913 г. на территории нынешней Киргизии было шесть земских больниц на 100 коек, девять амбулаторных учреждений с 15 врачами и 24 фельдшерский и фельдшерско-акушерский пункт. Таков был более чем скромный вклад царской администрации в дело оздоровления сотен тысяч человек киргизского населения, обитавшего в труднодоступных горных районах. Естественно, что население само вынуждено было изыскивать способы лечения, обращаться к помощи многочисленных местных знахарей (*табын, тамырчы, дарымчы, эмчи*). От сифилиса, например, были в ходу ртутные подкуривания (каломелем) и втирания. Для излечения желтухи применялось магическое средство — больного заставляли смотреть целый день на медный таз. Раны, чтобы остановить кровь, присыпали жженым войлоком и тертым табаком или заливали горячим салом. При головных болях и укусах ядовитого паука-каракурта применяли кровопускания. Лихорадку лечили испугом, при простудных

Скорая помощь в колхозе. Араванский район, Ошская область

горячках заставляли потеть, для чего завертывали больного в свежеснятую шкуру животного.

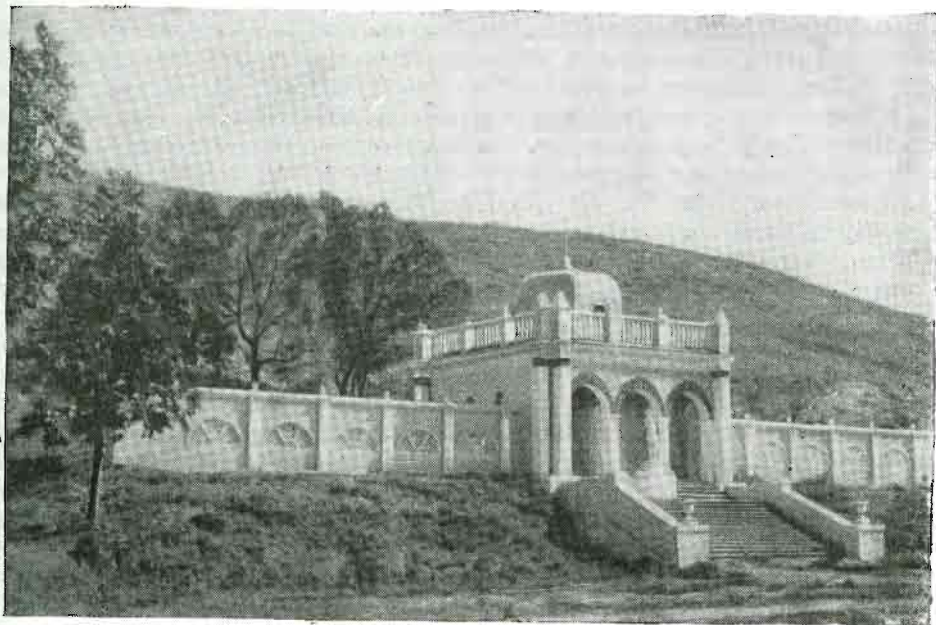
Киргизские знахари, нащупывая пульс, определяли характер болезни и сообразно этому назначали ту или иную «диету». Всю пищу они делили на горячительную (*ысылык*), прохладительную (*сууктук*) и нейтральную (*мунуз тамак*). Часто при затяжных болезнях применялось лечение голодом и водой. Некоторые знахари лечили заклинаниями, заговорами и различного рода магическими действиями.

Все эти и подобные им способы лечения, при крайне ограниченной медицинской помощи, в большинстве случаев только увеличивали рост смертности. Падала и рождаемость. Основными причинами этого были неблагоприятные экономические условия, частые голодовки и истощение, наступавшие преимущественно при массовом падеже скота. Только за 10 лет, с 1903 по 1913 г., киргизское население уменьшилось почти на 10%. Особенно велика была детская смертность.

Первые представления о современной медицине проникали в среду киргизского населения благодаря русским медицинским работникам. Первую больницу построили на киргизской земле русские. И это высоко ценит киргизский народ.

Подлинная охрана народного здоровья в Киргизии начала развиваться только после Октябрьской социалистической революции. В 1960 г. в Киргизии работало уже около 1300 медицинских учреждений, оснащенных новейшей аппаратурой и оборудованием. В них насчитывалось 16,3 тыс. коек. Больницы, амбулатории, фельдшерские пункты созданы теперь даже в самых отдаленных районах и селениях. В медицинских учреждениях республики трудится 3413 врачей (1960 г.), свыше 10 000 фельдшеров, акушеров, медсестер и других медицинских работников средней квалификации. В Киргизии выросли многочисленные национальные медицинские кадры.

Если в дореволюционной Киргизии один врач приходился на 100 тыс. человек, то теперь один врач приходится на каждые 750—800 жителей. Обеспеченность населения Киргизии врачами в несколько раз выше, чем Турции, Ирана и Пакистана. За 20 лет существования Киргизский меди-

Здание солярия на Джалал-Абадском курорте

динский институт подготовил 3340 врачей. Среди 300 окончивших институт в 1960 г. половину составляли киргизы.

Помимо больниц и амбулаторий, развернута широкая сеть родильных домов, постоянных детских яслей и детских садов (в тех и других насчитывается более 36 тыс. мест), работают 198 женских и детских консультаций. В колхозах Киргизии ежегодно действует около тысячи сезонных детских учреждений — яслей-площадок. Непрерывно расширяется сеть постоянных медицинских учреждений на отдаленных пастбищах, где колхозники находятся в период зимовки скота. Медицинское обслуживание животноводов проводится и на летних пастбищах, в период массового выпаса скота.

Только за 1958—1959 гг. по инициативе и силами колхозов построено около 200 зданий под больницы, амбулатории, родильные дома. Например, в колхозе им. Фрунзе горного Кочкорского района на средства колхоза возведена больница на 25 коек с центральным отоплением и канализацией. Развертывается строительство и детских учреждений. Некоторые колхозы построили для детских садов специальные типовые здания, другие — бригадно-полевые детсады и ясли. Колхозы Иссык-Кульского и Кантского районов первыми начали создавать колхозные молочные кухни для детей младшего возраста. Широкий размах мероприятий по медицинскому обслуживанию населения привел к полной ликвидации натуральной оспы, холеры, чумы и других остроинфекционных заболеваний, к снижению заболеваемости малярией и свежими формами бруцеллеза до единичных случаев. Большую роль в оздоровлении населения играют прекрасные киргизские курорты, из которых наибольшей известностью пользуются горно-климатические курорты Койсара и Тамга на берегу оз. Иссык-Куль, Джалал-Абадский курорт, минеральные источники Арасан (близ г. Фрунзе) и Джеты-Огузские источники (близ г. Пржевальска). На Иссык-Куле работают Джеты-Огузский и Чолпон-Атинский зимние детские курорты, курорты Ак-Су и Светлый мыс. Летом на Иссык-Куль приезжают отдыхать тысячи людей. Здесь вырастают палаточные городки различных предприятий и учебных заведений. Специально для

туберкулезных больных открыты санатории в г. Оше и близ Пржевальска. Почти все 15 санаториев, в которых имеется более 3 тыс. коек, переведены на круглогодичную работу. Имеются также четыре дома отдыха на 1105 мест. Некоторые колхозы строят свои собственные курорты и дома отдыха. Важное оздоровительное значение имеют организуемые летом пионерские лагеря, в том числе межколхозные.

Развивается в Киргизии и медицинская наука. В 1957—1959 гг. были открыты три новых научно-исследовательских института: курортологии и физиотерапии, туберкулеза, онкологии и радиологии. Сотрудники института краевой медицины создали новые препараты, особенно ценные для лечения животноводов, работающих в высокогорных условиях, а также для рабочих и специалистов предприятий цветной металлургии. Столичные врачи посещают отдаленные районы и айлы, проводят там приемы больных, дают консультации местным врачам. Осуществляемые в широких масштабах мероприятия по медицинскому обслуживанию населения привели к тому, что за годы Советской власти общая смертность снизилась в 4 раза, а детская в 5 раз. В 1959 г. смертность детей в Киргизии была ниже, чем во всех других братских союзных республиках. В результате увеличивается естественный прирост населения. Если в 1940 г. он составлял 16,7 на 1000 человек населения, то в 1960 г. составил уже 30,7.

В соответствии с переустройством всего бытового уклада населения изменились и его гигиенические навыки. Этому способствуют лекции, доклады и беседы на медицинские темы, ставшие частым явлением в киргизском айле. Увеличилось потребление мыла, которое давно уже стало для рабочих и колхозников необходимым предметом в быту. Теперь и бани, о которых кочевники-киргизы не имели раньше представления, появились во многих колхозах и совхозах; посещение их стало насущной потребностью местных жителей. Некоторые колхозы ввели бесплатное пользование баней для колхозников. Партийные организации Киргизии борются за то, чтобы во всех населенных пунктах были построены бани, работающие круглый год, чтобы местное население повсеместно пользовалось кроватями, индивидуальной постелью.

Получили распространение в быту металлические ложки и вилки (раньше густую пищу ели руками), индивидуальная посуда для каждого члена семьи. Сохраняется традиционный обычай обмывания рук перед едой. Во время общественной трапезы присутствующих обносят тазом с кувшином, наполненным водой, и полотенцем.

Совершенно исключительное значение для оздоровления всего быта имеет строительство водопроводов в колхозах. Население вынуждено было раньше летом пить загрязненную воду из оросительных каналов, а зимой пользоваться снеговой водой. Благодаря помощи государства и активному участию самих колхозников трудом, транспортом и средствами во многих районах десятки колхозов получили чистую питьевую воду. В одном лишь Чуйском районе водопроводы действуют в девяти колхозах и четырех совхозах.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Киргизский народ, находившийся до Великой Октябрьской социалистической революции под тяжелым гнетом царского буржуазно-помещичьего режима и подвергавшийся манапско-байской эксплуатации, не только был обречен на неимоверные страдания и нищету, но и был лишен возможности развивать свою культуру.

Поголовная неграмотность, широкое распространение суеверий и знахарства, оторванность от культурных центров тормозили приобщение трудовых киргизских масс к современной культуре. Но ни царизму, ни

феодално-байской верхушке не удалось убить народную культуру. Она продолжала бережно сохраняться в гуще народа.

Лучшие образцы многообразного культурного наследия киргизского народа — устно-поэтические и музыкальные богатства, произведения прикладного искусства — создавались трудовым народом и вышедшими из его среды талантливыми мастерами. Они предназначались для народа и обслуживали его познавательные и эстетические запросы.

Однако с углублением классовых противоречий в развитии киргизской культуры все более отчетливо выступали две тенденции: с одной стороны — подлинно народная, демократическая, с другой — феодално-байская, стремившаяся идейно подчинить себе все творения народа. Отсюда возникли феодалные версии эпоса, появились придворные музыканты, выработывались малохудожественные, но пышные образцы декоративного искусства.

Создаваемая народом культура в условиях классового общества далеко не всегда была доступна самим трудящимся, ее нередко присваивали и использовали господствующие классы.

Демократические элементы киргизской культуры во второй половине XIX и в начале XX в. особенно усилились в результате сближения ее с передовой русской культурой.

Октябрьская социалистическая революция произвела коренной переворот не только в экономике, в производственных отношениях, но и во всех видах надстроек старого патриархально-феодалного общества. Возникли предпосылки для создания новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Она складывалась в упорной борьбе с буржуазными националистами, тянувшими назад, пытавшимися отравлять ядом антинародной идеологии молодые всходы новой киргизской культуры, содержание которой было принципиально противоположным старой патриархально-феодалной культуре.

Благодаря широкой и многосторонней воспитательной работе Коммунистической партии киргизский народ навсегда порвал с отсталой идеологией старого общества и воспринял новую, марксистско-ленинскую идеологию, приобщился к высшим достижениям передовой русской и советской науки и культуры.

Идеология интернационализма, дружбы и братского сотрудничества между народами, вошедшая в плоть и кровь советского общества, неизмеримо расширяет возможности для обогащения киргизской культуры достижениями всей многонациональной культуры народов СССР.

Октябрьская революция вместе с тем возродила к полнокровной жизни все наиболее ценное из богатого наследия киргизской народной культуры, дала ему новое развитие и вдохнула в него новое содержание.

Расцвет культуры киргизской социалистической нации представляет собой яркий контраст упадку культуры, наблюдаемому в тех соседних странах Востока, народы которых еще страдают под игом колониализма.

На протяжении многовековой истории киргизский народ накопил богатый запас эмпирических знаний, которые, в частности, нашли отражение в народном календаре. В нем представлен оригинальный 12-месячный цикл и крайне древний счет по Плеядам (*тоогоол*). Наряду с этим был распространен и счет по так называемому 12-летнему животному циклу, знакомый другим народам Средней Азии и известный далеко за ее пределами.

В быту киргизы до сих пор пользуются народными мерами длины и расстояния и способами определения времени. Их космогонические представления были связаны с пастушеским образом жизни. Опыт наблюдения за цветением растений и их ростом, за поведением животных и птиц позволил киргизам выработать приметы, по которым они пытались определять время наступления весны или зимы, предвидеть ее малоснежность

или многоснежность, предугадывать качество будущего травяного покрова. Среди народных метеорологов (эсепчи) большой известностью в Прииссыккулье пользовался в конце XIX в. Манаке Айманбаев. Обобщая народный опыт и знания, некоторые эсепчи своими прогнозами и советами помогали скотоводам и земледельцам в их трудовой деятельности.

Совершенно исключительны познания киргизов в области живой природы. С глубокой старины им известны сотни различных горных растений, причем хорошо выяснены их ядовитые или полезные свойства как для домашних животных, так и для человека. Особой, можно сказать, виртуозности в распознавании видов и подвидов хищных птиц, использовавшихся для охоты, достигали обслуживавшие киргизскую знать опытные охотники.

Довольно точны были анатомические познания киргизов, особенно в отношении домашних животных, хорошо разработана терминология для мастей домашних животных, их возраста.

Однако, несмотря на всю их ценность, эмпирические знания не могли помочь трудящимся выйти из состояния культурной отсталости, в котором киргизский народ пребывал веками и которое лишь усугубилось в условиях колониальной политики царизма.

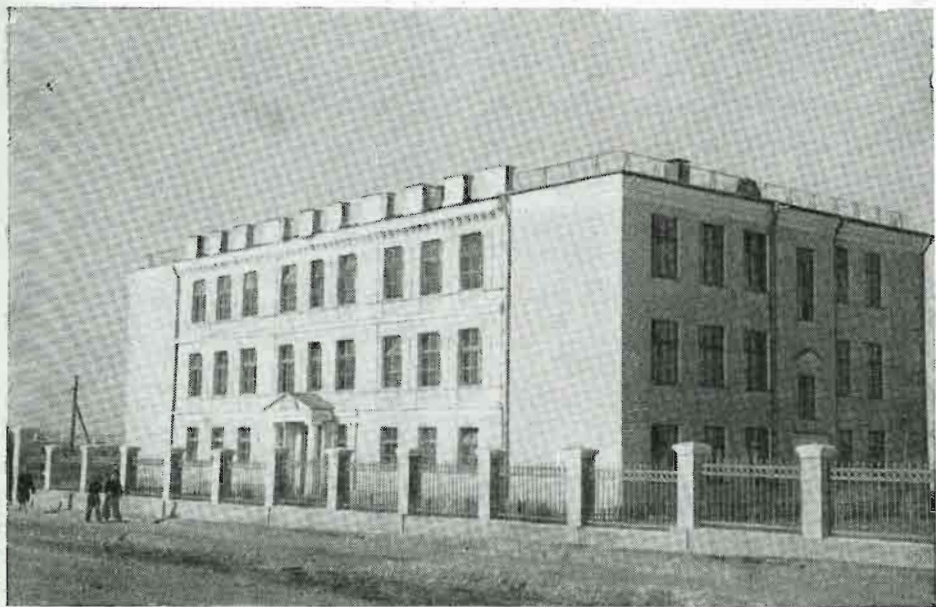
Всячески задерживая развитие культуры на окраинах, царизм стремился оставить киргизский народ в темноте и невежестве. До Октябрьской революции киргизы были почти сплошь неграмотными. Грамотных насчитывалось менее 2%. Это были преимущественно манапы, баи, чины местной администрации, служители культа. Грамотные женщины исчислялись десятками. На территории современной Киргизии в 1914—1915 гг. было 103 начальных, три семилетних и одна средняя школа. Во всех школах обучался 7041 ребенок и среди них всего 360 киргизских детей.

До присоединения к России обучением киргизских детей занимались приглашавшиеся манапами в собственные айлы узбекские муллы, все знания которых сводились к умению читать некоторые главы корана, который они плохо понимали. С присоединением края к России в айлах начали появляться татарские учителя, обладавшие несколько бóльшими знаниями, чем их предшественники. Возникавшие айльные начальные школы конфессионального типа — мектебы (*мектеп*) — устраивались обычно при мечетях, где имелся имам, который и обучал детей. Родной язык в них не изучался. Ряд таких мектебов содержали манапы и баи; в них обучались дети их приближенных и родственников. Усвоившие грамоту получали должности писарей у волостных управителей или же какое-либо место в аппарате местной администрации. Бедняк, если он и был грамотным, обычно на такие должности попасть не мог.

Русско-гуземные училища, существовавшие в некоторых пунктах (Пишпек, Ош, Кетмень-Тюбе, Пржевальск), готовили преимущественно кадры переводчиков и мелких чиновников для местного административного аппарата. Хотя количество этих училищ было крайне незначительно, а система преподавания в них не приводила к ощутимым результатам, все же они сыграли некоторую положительную роль, оказывая известное влияние на общее развитие киргизской молодежи, открывая путь для проникновения элементов русской культуры в среду киргизского населения. Овладение русской грамотой создавало предпосылки для знакомства с русской литературой. Среди учителей (их было всего 216) также имелось некоторое количество прогрессивных представителей русского народа.

Таким образом, вопреки желанию царского правительства, через школы, через общение с демократически настроенными учителями киргизский народ, хотя и медленно, начинал приобщаться к передовой русской культуре.

Последовавшая за установлением Советской власти культурная революция в Киргизии распространилась до самых отдаленных кыштак

Средняя школа. Чуйская долина

и айлов и подняла к сознательной жизни огромные массы людей, интересы и кругозор которых дотоле замыкались в границах своего мелкого хозяйства, своего зимнего стойбища, родовой общины.

Особенно большого темпа роста достигло народное просвещение в годы довоенных пятилеток.

Ныне уже обеспечена поголовная грамотность подрастающего поколения. В республике было осуществлено всеобщее обязательное семилетнее обучение, в крупных городах — десятилетнее обучение детей.

В 1960/61 учебном году в Киргизии насчитывалось 1763 школы, из них 376 — средние. В них обучалось 380 тыс. детей, что более чем в 50 раз превышает количество детей, обучавшихся до революции. В течение 1960 г. в целом по республике было построено и приспособлено под школы помещений на 30 тыс. ученических мест. В 1961 г. строительство приобрело еще большие размеры: 33 школы на 13,7 тыс. ученических мест построены за счет госбюджета и, кроме того, 100 новых школьных зданий и около 300 пристроек сооружено на средства колхозов.

Органы народного образования проводят большую работу по укреплению связи школы с жизнью, с производством. В соответствии с законом, принятым Верховным Советом Киргизской ССР, с 1959/60 учебного года в республике начался перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение, создаются одиннадцатилетние трудовые политехнические школы с производственным обучением. Новые учебные планы и программы введены в первых — пятых классах всех общеобразовательных школ. В 1960/61 учебном году в республике работало 450 восьмилетних и 300 средних школ с производственным обучением на базе промышленных предприятий, колхозов, совхозов и РТС. Организованы сотни ученических производственных бригад.

При многих сельских школах созданы интернаты, облегчающие возможность обучения детей, родители которых по разным причинам живут далеко от школы, в том числе детей колхозников, которые проводят зиму с колхозным скотом на отгонных пастбищах. Более половины интернатов полностью содержится государством, остальные организованы с частичным

Общежитие в интернате киргизской средней школы № 3 в г. Фрунзе

участием родителей. В интернатах живет около 5 тыс. учащихся. Кроме того, в 1960/61 учебном году в республике насчитывалось 38 школ-интернатов, в которых обучалось 12 тыс. детей.

Велика тяга к получению среднего образования среди молодежи, работающей на производстве. В 215 школах рабочей и сельской молодежи без отрыва от производства обучается 17,4 тыс. человек. Из года в год растет количество киргизской молодежи, получающей среднее образование. Если в 1952 г. средние школы окончили около 2500 киргизских юношей и девушек, то в 1956 г. их было уже около 4500, в том числе 1292 девушки. Теперь большая часть выпускников средних школ, иногда целые классы, остается работать в колхозах и совхозах или идет работать на промышленные предприятия.

Учащиеся киргизских школ проявляют большой интерес к изучению русского языка, преподавание которого введено во всех нерусских школах. В некоторых киргизских школах существуют кружки по изучению русского языка дополнительно к классным занятиям.

В школах Киргизии работает около 22 тыс. учителей, среди них свыше 8 тыс. киргизов. 1197 киргизских учителей имеют высшее педагогическое образование.

Школа принесла с собой не только грамотность и знания, но и многие навыки культурного быта в самые отдаленные кыштаки и айлы.

За последние годы развернуто большое строительство новых школьных зданий, в том числе в таких отдаленных высокогорных районах, как Тогуз-Тороуский, Советский, Ат-Вашинский. Все большее развитие получает строительство школ силами колхозников и на средства колхозов. Только за 1956—1960 гг. колхозами было построено 194 школы на 30 800 ученических мест. Это создает возможности для перевода занятий в школах на одну смену.

Наряду с сетью общеобразовательных школ в Киргизии имеется 28 различных техникумов, педагогических училищ и других специальных средних учебных заведений. В них учится 17,2 тыс. человек. Кадры высшей квалификации готовятся в Киргизском государственном универси-

Работа на пришкольном участке П.анфяловская средняя школа

тете, политехническом, сельскохозяйственном, медицинском и педагогических институтах. Во Фрунзе создан женский педагогический институт. В восьми высших учебных заведениях в 1960/61 г. обучалось более 17 тыс. студентов. В одном лишь университете учатся свыше 5 тыс. студентов и аспирантов более 30 национальностей. В большинстве вузов открыты вечерние и заочные отделения, имеются филиалы Заочного финансового и библиотечного институтов. Кроме того, в различных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов СССР учатся сотни киргизских юношей и девушек. В последние годы некоторые колхозы и совхозы начали за свой счет направлять девушек и юношей на учебу. В 1960 г. в сельскохозяйственном институте обучалось 50 студентов, направленных туда колхозами и совхозами и получавших от них стипендии.

Только в 1958 и 1959 гг. вузами и средними специальными учебными заведениями Киргизии выпущено 4450 специалистов с высшим образованием и 8040 — со средним образованием.

Важно отметить, что число студентов на 10 тыс. жителей в Киргизии (80) примерно в 2 раза больше, чем во Франции, в 2,5 раза больше, чем в ФРГ, и в шесть раз больше, чем в Пакистане.

В Киргизской ССР около 34% студентов высших учебных заведений и 27% — средних учебных заведений составляют киргизы. В 1960 г. здесь насчитывалось более 71 тыс. специалистов только с высшим и средним специальным образованием, в том числе 18,1 тыс. киргизов. Среди них инженеры, агрономы и зоотехники, учителя, врачи, писатели, ученые, артисты, художники. До революции лишь единичные киргизы имели высшее и среднее образование.

Велики успехи, достигнутые в области создания киргизской письменности и литературного языка. Это находит проявление в росте печатной продукции.

Киргизский государственный университет

В первые годы после Октябрьской революции преподавание в школах северной Киргизии велось на татарском и казахском языках, а в южной Киргизии — на узбекском и татарском. Только с 1923 г. начали появляться первые учебники на киргизском языке и именно к этому году следует отнести возникновение подлинно национальной киргизской письменности. После национального размежевания Средней Азии появилась первая многотиражная печатная газета на киргизском языке — «Эркин Тоо» («Свободные горы»). С 1923 по 1928 г. официально признанным киргизским алфавитом был реформированный арабский алфавит, а с 1928 г. был осуществлен переход на латинизированный алфавит. В дальнейшем латинизированный алфавит был заменен новым, в основу которого положена русская графика.

В период зарождения современный киргизский литературный язык базировался на северной группе диалектов. Ныне, сохраняя в основном северную фонетику, в части лексики киргизский литературный язык широко использует богатство всех киргизских диалектов.

С первых же дней существования киргизский литературный язык столкнулся с массой понятий, которые до того или вовсе не были известны киргизам, или были известны в очень малой степени. Потребовались новые слова. Естественный путь для удовлетворения этой потребности состоит в расширении значения старых слов и в заимствовании новых. Буржуазные националисты в Киргизии, широко используя первую возможность, игнорировали вторую, стремясь отгородиться от языка великого русского народа. Попытки помешать прогрессивному развитию литературного языка не имели успеха. В настоящее время киргизский язык обладает хорошо разработанной терминологией во всех отраслях знания, которая выросла в нем главным образом за счет советских, русских и интернациональных терминов. Под влиянием коренных социально-экономических изменений в жизни киргизского народа не только расширяется лексика, но отчасти изменяются морфология и синтаксис киргизского языка.

В настоящее время, удовлетворяя первую потребность в школьных учебниках, специалисты по киргизскому языку, работающие в научных

учреждениях и учебных заведениях Киргизской ССР, широко развернули работу по дальнейшему изучению киргизского литературного языка и диалектов и по изданию капитальных пособий. Уже изданы научная грамматика, киргизско-русский и русско-киргизский словари. Правительством Киргизской ССР утверждена подготовленная учеными совместно с работниками просвещения новая орфография. На киргизском языке ведется преподавание в начальной, средней и частично высшей школе.

До Октябрьской революции на территории Киргизии существовала одна типография (частная), в которой печаталась газета «Пишпекский листок». В настоящее время в Киргизской республике издается 140 газет, журналов и других периодических изданий, в том числе шесть республиканских, четыре областных, городские, районные газеты и многотиражки, 13 журналов общим тиражом более 600 тыс. экз. Две трети газет издается на киргизском языке, остальные — на русском, узбекском, таджикском и дунганском языках. Киргизское государственное издательство печатает большое количество политической, художественной, социально-экономической, сельскохозяйственной литературы и учебников на киргизском языке.

В 1926 г. в Киргизии было выпущено всего 16 названий книг. Их общий тираж составил 65 тыс. экземпляров. За 30 лет в республике издано свыше 10 тыс. названий книг, тираж которых достиг 67 млн. экз. Теперь в Киргизии ежегодно выпускается свыше 800 названий книг общим тиражом около 5 млн. экз. Большая их часть выходит на киргизском языке.

Огромную роль в идейной и культурной жизни киргизского народа играет издание трудов классиков марксизма-ленинизма. На киргизском языке опубликованы отдельными изданиями около ста произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, издан первый том избранных произведений великих основоположников марксизма, завершается перевод «Капитала». Переведено на киргизский язык и издано массовым тиражом Собрание сочинений В. И. Ленина. На киргизском языке напечатаны три тома сборника «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», массовыми тиражами выпущены учебные пособия «История КПСС», «Основы политических знаний», «Основы марксизма-ленинизма», «Основы марксистской философии», материалы XXII съезда КПСС.

Благодаря большой и разветвленной сети культурно-просветительных учреждений широкие массы киргизского населения имеют возможность приобщиться к передовой советской культуре, овладеть политическими и научными знаниями. В республике работает около 800 клубов, домов и дворцов культуры, свыше тысячи массовых библиотек, книжный фонд которых превышает 5 млн. экз., большая сеть кинотеатров и кинопередвижек.

Новая духовная жизнь киргизского народа особенно отчетливо проявляется в широком распространении печатного слова. Книга стала повседневной потребностью киргизского рабочего и колхозника. Многие из них имеют личные библиотеки, десятки тысяч являются постоянными читателями общественных библиотек. Помимо чтения издаваемых в республике газет и журналов, трудящиеся выписывают 320 тыс. экз. центральных газет и журналов.

Массовые библиотеки начали применять новые формы работы: читателям открывается доступ к книжным фондам, в небольших селениях, на колхозных фермах, на крупных стойбищах животноводов организованы пункты выдачи книг, в наиболее отдаленные селения и труднодоступные урочища выезжают энтузиасты-книгоноши. Работают и библиотеки-передвижки.

Значительное развитие получила кинофикация. В Киргизии действуют 570 стационарных и 182 передвижных киноустановки. Посещение киносеансов стало излюбленной формой проведения досуга городских и

сельских жителей. 20 автокинопередвижек обслуживают и животноводов, находящихся со скотом на отдаленных отгонных пастбищах. Там действует более 120 культурно-просветительных учреждений. К отгонщикам приезжают на гастроли артисты театров, передвижные выставки, их обслуживает свыше 50 культбригад.

Среди киргизов, и в прошлом не отличавшихся религиозным фанатизмом, получили широкое распространение атеистические взгляды. Сознание молодого поколения в подавляющем большинстве случаев свободно от религиозных предрассудков. Однако среди некоторых слоев киргизского населения еще сохраняется религиозное мировоззрение, а во многих семьях старики соблюдают религиозные обряды. Еще выполняются такие требования мусульманской религии, как обрезание мальчиков — *суннет*, обряд бракосочетания — *нике*, религиозные праздники. Некоторые обряды связаны с пережитками доисламских верований. Хотя большая часть обрядов выполняется по привычке, под влиянием стариков или из желания не обидеть их, нельзя недооценивать отрицательного влияния религиозных пережитков (которое более ощутимо среди южных киргизов). Пережитки религиозной идеологии мешают повышению идейного и культурного уровня трудящихся. В этих условиях особое значение приобретают различные формы научно-атеистической пропаганды, которую ведут партийные организации и культурно-просветительные учреждения и благодаря которой постепенно усиливается отход населения от религии.

Все большее развитие получает за последние годы лекционная пропаганда. В ряде районов республики работают отделения Общества по распространению политических и научных знаний. В наиболее крупных пунктах созданы лектории. Многие передовые колхозы являются коллективными членами общества. Только за 1960 г. членами общества прочитано 54 тыс. лекций.

Массовой формой культурного досуга повсеместно стало радио. Радиопередачи ведутся не только на киргизском, но и на языках других национальностей. В республике насчитывается более 200 тыс. радиотрансляционных точек. Кроме того, население пользуется 82 тыс. радиоприемников. Они имеются и во многих чабанских бригадах. В последние годы получает развитие телевидение. Помимо передачи собственных программ, Фрунзенская студия телевидения ретранслирует передачи из Алма-Аты. Передачи студии смотрят жители Чуйской долины, части Иссык-Кульской котловины, долинных районов Ошской области. В Киргизии каждый вечер включаются экраны 15 тыс. телевизоров.

Научные и политические знания несут в массы музеи. В республике работают Музей природы и Исторический музей Академии наук, Дом-музей М. В. Фрунзе, Музей изобразительных искусств в г. Фрунзе, краеведческие музеи в городах Оше, Джалал-Абаде и Пржевальске (здесь имеется также мемориальный музей Н. М. Пржевальского).

В Киргизии начала развиваться такая форма повышения культурного уровня населения, как университеты культуры. В 1961 г. 27 университетов культуры посещали тысячи слушателей.

Большое место в эстетическом воспитании населения занимает художественная самодеятельность.

В Киргизии уже создано 12 народных самодеятельных театров.

Наука

Начало изучению Киргизии и населяющих ее народов положили выдающиеся русские исследователи и путешественники П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. П. Федченко, Н. А. Свердлов, И. В. Мушкетев; с территории Киргизии начинал свои знаменитые путешествия Н. М. Пржевальский, на берегу Иссык-Куля и оборвалась жизнь этого отважного исследователя.

Язык и культура киргизского народа были впервые исследованы русским акад. В. В. Радловым. Основы киргизской историографии заложил

русский акад. В. В. Бартольд. Большая плеяда деятелей русской культуры — Н. Аристов, Ф. Поярков, Н. Зеланд — с симпатией относилась к киргизскому населению, стремясь помочь его культурному росту. Но эти представители передовой русской науки и культуры, способствовавшие своими трудами наступившему много позднее экономическому прогрессу страны, развитию киргизской культуры, были немногочисленны. Киргизский народ в условиях колониального режима продолжал оставаться в своей массе отсталым, обреченным на прозябание.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия не только для расцвета научных исследований в Киргизии, но и для возникновения местных научных учреждений, для роста национальных научных кадров.

Первая научная ячейка появилась в Киргизии в 1926 г., когда был создан Государственный музей краеведения. На его базе в 1928 г. возник комплексный научно-исследовательский институт краеведения, из которого в дальнейшем вырос ряд самостоятельных научных учреждений: институт животноводства, институт киргизского языка и письменности и др. Затем в республике появились многочисленные ведомственные научные учреждения: ветеринарная, селекционная и плодородная станции, институт эпидемиологии, успешно развивал свою деятельность Комитет наук.

В 1943 г. благодаря помощи русских ученых возник Киргизский филиал Академии наук СССР, а на его базе в 1954 г. была создана национальная Академия наук. Это было выдающееся событие в развитии культуры киргизского народа. В составе учреждений Академии наук три отделения: естественно-технических наук, биологических наук и общественных наук. Эти отделения объединяют 13 институтов и несколько самостоятельных отделов, а также ботанический сад и музей, в которых работает свыше 500 научных сотрудников. В настоящее время в Академии наук Киргизской ССР представлены уже такие важные специальности, как ядерная физика и радиофизика, математика и механика, электроника, автоматика и телемеханика, горное дело и металлургия, органическая химия. В конце 1960 г. в Академии наук и вузах республики насчитывалось 2315 научных работников, в том числе 643 кандидата и доктора наук.

Академия наук координирует в общей сложности деятельность 39 научных учреждений республики, обслуживающих различные нужды народного хозяйства и культурного строительства, и высших учебных заведений. Она превратилась в крупный центр научной мысли и подготовки кадров.

В аспирантуре высших учебных заведений и Академии наук Киргизской ССР проходят подготовку более 180 будущих ученых, большая часть которых — киргизы.

За годы своего существования Академия наук Киргизской ССР и другие научные учреждения подготовили много ценных научных исследований, содействующих дальнейшему развитию народного хозяйства республики, раскрывающих ее несметные природные богатства, помогающих развитию национальной культуры. Наука все теснее связывается с производством. В сотрудничестве с практиками ученые Киргизии (совместно с учеными Казахстана) вывели высокопродуктивные породы скота, геологи провели важные исследования по выявлению полезных ископаемых, проделана работа по определению путей наилучшего использования богатейших гидроэнергетических ресурсов, ценные результаты дали опыты создания искусственных сенокосов в горных условиях, сделано обобщенное описание почв Чуйской долины, разработан новый способ кормления крупного рогатого скота, подготовлены и выпущены в свет двухтомная «История Киргизии», ряд монографий, освещающих отдельные проблемы истории киргизского народа, издан капитальный русско-киргизский словарь.

Устное поэтическое творчество и художественная литература

Крупную роль в культуре киргизов играло устное народное поэтическое творчество. В нем в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная древняя культура, трудовая жизнь, надежды и чаяния, поэтическое восприятие природы.

На пути развития устного народного творчества стояло в прошлом много препятствий. Социальный и национальный гнет, влияние идеологии ислама задерживали естественный рост народных талантов. Но вопреки всем трудностям трудовой народ рождал своих певцов (*акын*), которые скитались от кочевья к кочевью со своим нехитрым комузом и несли народу свое творчество. Некоторые из них поднимали свой гневный голос против манапов и баев, жестоко угнетавших трудовой люд, против царских приспешников, призывали к борьбе. Неудивительно, что баи и манапы преследовали акынов, отказывавшихся подчинять свою творческую деятельность их интересам. Несмотря на травлю, издевательства со стороны манапов и баев, стремившихся приспособить народное творчество к своим вкусам, оно продолжало жить и развиваться, сохраняя лучшие демократические и художественные традиции.

Довнесенное до наших дней киргизское устное творчество отличается большим жанровым разнообразием. Наряду с трудовыми, лирическими и обрядовыми песнями значительное развитие в творчестве киргизского народа получили и другие виды народных произведений: сказки, предания, героические поэмы типа народных романов и в особенности богатырский эпос.

Кочевой образ жизни киргизов в прошлом породил такие произведения, как пастушеские женские песни (*бекбекей*) и песни пастухов-табунщиков (*шырылдан*). Песни бекбекей исполнялись женщинами и девушками ночью, когда они караулили овечьи отары возле айла. Пение их сопровождалось протяжными заунывными выкриками. В песнях женщины предостерегали друг друга о грозящей от волков опасности, призывали к бдительной охране отар, угрожали волкам:

...Надо чутко в загоне стеречь овец!
Из боярышника жердь у меня.
Волк-ворюга, тебе смерть у меня!
...Только сунься волк, окружим!
Палками его оглушим!

Песни шырылдан распевали пастухи, приходившие с далеких пастбищ в айлы за пищей. Табунщики пели:

...Шырылдан — это наш удел.
Мы сегодня не смеем спать.
Только был бы табун наш цел,
Сон успеем мы наверстать.
Я устал от долгой езды,
Я коня по нагорьям пас...

Помимо трудовых пастушеских песен, существовали песни, сопровождавшие процессы земледельческого труда, в частности молотьбу. Песни, исполнявшиеся во время молотьбы, назывались *оп-майба*.

Жизненный опыт народа, его мудрость получили яркое отражение в многообразных пословицах и поговорках. Как и всякие народные изречения, киргизские пословицы и поговорки в образной и доходчивой форме прививают любовь к родине и к народу, воспитывают чувство мужества, порицают пороки, осуждают зло. Они были раньше тесно связаны со скотоводческим, а отчасти и с военно-кочевым бытом народа. На почве этого

жанра устного народного творчества выросли самостоятельные, специфические для киргизского фольклора произведения, представляющие собой нравоучительные песни и поэмы. Они состоят из бытующих в народе пословиц (часто имеющих стихотворную форму) и рифмованных афоризмов. Такие поэмы называются *санат* (поучение или пример, достойный подражания). Пословицы подбираются или на одну какую-либо тему, или разнообразны по тематике, но в целом выступают в виде поэтических моральных поучений.

Другой вид нравоучительных поэм (*насыят*, т. е. наставление, совет) включает пословицу лишь в качестве дополнительного элемента. Более поздние дореволюционные насыяты содержали наставление об обучении ремеслу и грамоте, в них говорилось о пользе знаний. Существовали насыяты и религиозного содержания.

Большое место в киргизском фольклоре занимает песенное творчество. Это связано в первую очередь с выдающимся поэтическим даром киргизов, с их редкой способностью к импровизации, к воплощению в поэтических образах и в стихотворной форме всех наиболее значительных событий окружающей жизни. Широкое развитие песни связано также с музыкальной одаренностью народа. Ведущую роль в песенном жанре занимает лирика. Здесь и песни любовные (*секетбай* и *куйгөн*), и песни-жалобы (*арман*), исполнявшиеся по случаю какого-либо горя, личной утраты. В них рассказывается о нужде и бедности, о насильственном замужестве. К песням-жалобам примыкают песни-прощания (*коштошуу*), исполнявшиеся при прощании с родным краем, с народом, с близкими, с любимой.

Особую разновидность представляют песни-состязания (*айтмичи*), исполняемые во время своеобразных поэтических и музыкальных турниров между народными поэтами — акынами. Состязаются в умении владеть даром импровизации чаще всего два акына, но на больших празднествах устраивались раньше состязания, в которых принимали участие многие из присутствующих. Иногда проводились также состязания-диалоги, которые состояли из загадок и разгадок.

В прошлом киргизские манашы культивировали жанр песен-восхвалений (*мактоо*). Им противостояли слагавшиеся демократически настроенными акынами песни-издёвки (*жордоо*), высмеивавшие баев, манапов, а также вообще разные неблагоприятные поступки людей.

Существуют песни различных возрастных групп, особенно молодежи, которые поют обычно во время игр, во время качания на качелях, девичьи песни-состязания (*акый* или *акыйнек*). Большой любовью к детям насыщены колыбельные песни.

Среди бытовых песен видное место занимали причитания и обрядовые песни, которыми, в частности, сопровождался свадебный и погребальный обряды. Перед отправлением невесты из родительского дома в дом будущего мужа ее мать, родственницы и подруги пели трогательные песни-плачи. В них с большой силой раскрывалось бесправие девушки, вышедшей замуж, и содержались наставления дочери о том, как вести себя в доме мужа, просьбы к родителям мужа хорошо обращаться с невесткой.

Большой художественной силы достигали похоронные плачи (*кошок*), слагавшиеся обычно женщинами. В одних случаях это были причитания, короткие лирические произведения, в других же — более крупные произведения типа элегий, подробно повествующие о жизни покойного. Последнего типа плачи зачастую слагались в прошлом профессиональными певцами по заказу феодальной знати. Содержанием их было прославление «заслуг» того или иного манапа с целью идеологического воздействия на трудящихся. Причитания, исполнявшиеся в дни поминания умерших, перерастали в особые поминальные песни — *жоктоо*. Причитания-плачи исполняются иногда и в наше время.

Большое место в устном творчестве киргизов занимает эпический жанр. Необходимо прежде всего остановиться на эпических произведениях малой формы. Насчитывается более десятка эпических поэм, являющихся, по-видимому, в значительной части остатками эпических сказаний тех племен, которые вошли в состав киргизской народности. Некоторые из них, несомненно, древнего происхождения. Такова сказочная поэма «Эр Тёштюк», герой которой действует в подземном мире. Сюжет и образы этой поэмы перекликаются с эпосом народов Алтая. Сказочные мотивы отражены и в поэме «Коджоджаш», которая повествует об охотнике, ведущем длительную борьбу с диким животным, обладающим сверхъестественной силой. Эту борьбу после гибели Коджоджаша завершает его сын Молдоджаш. Поэма возникла, по-видимому, в обществе, находившемся на низком уровне развития производительных сил, в ней оцутимы черты анимистического мировоззрения.

В поэмах «Курманбек» и «Эр Табылды» уже отчетливо выражены интересы двух противоположных классов — феодалов и зависимых от них рядовых скотоводов. В этих поэмах, возникших, несомненно, в народной среде, главные герои наделены чертами защитников народных интересов, выразителей народных чаяний. Здесь отразилась борьба против иноземных захватчиков — калмыцких феодалов. Эпос этого типа характерен для эпохи объединения киргизских племен в народность. В противоположность ему есть поэмы, например «Джаныш и Байыш», воспевающие захватнические войны. Они возникли в феодально-аристократической среде, которая была заинтересована в таких войнах.

Наконец, среди произведений этого жанра представлены новеллистические поэмы с социально-бытовым и сказочно-романтическим содержанием («Олджобай и Кишимджан», «Мендирман», «Джангыл Мырза»). Они приближаются по типу к народным романам. Их содержание — приключения героев, семейно-бытовые конфликты. Особо должна быть отмечена глубоко народная поэма «Кедей-кан», представляющая собой образец социальной сатиры, обращенной против угнетателей народа. Она повествует о бедняке, хитростью занявшем место хана и использовавшем ханскую власть в интересах таких же, как и он сам, простых людей.

Значительное место в киргизском фольклоре занимают легенды и предания. Помимо преданий генеалогического характера, должны быть отмечены древнейшего происхождения легенды с мифологическим содержанием, отражающие главным образом космогонические представления. В некоторых легендах сохранились остатки тотемистического мировоззрения; такова легенда о происхождении прародительницы племени бугу от оленей. Многочисленны легенды и о происхождении животных и птиц. Имеют и теперь некоторое распространение исторические предания.

К эпическому жанру примыкают сказки (*жөө жомок*), очень разнообразные по содержанию. Здесь и сказки волшебные, которые содержат необыкновенные приключения героев, описания фантастических животных, и бытовые, в которых ярко запечатлена жизнь народа, его мечты о лучшей жизни, и анекдотические сказки, и сказки о животных. Создателями и распространителями сказок были сказочники-профессионалы (*жомокчу*).

Наиболее крупным произведением киргизского героического эпоса является поэма «Манас».

«Манас» представляет собой большую по объему эпическую трилогию, созданную в результате коллективного творчества многих поколений талантливых сказителей — *манасчы*. Впервые отрывок из «Манаса» был записан в середине 50-х годов XIX в. казахским ученым-просветителем Чоканом Валихановым. На русском языке в прозаическом переводе он был опубликован лишь в 1904 г. Сокращенный вариант «Манаса» был

позднее записан также В. В. Радловым, который опубликовал его в 1885 г. в киргизском оригинале и переводе на немецкий язык.

Среди киргизов «Манас» бытовал только в устной традиции. Сохранению «Манаса» до самого последнего времени способствовала не только феноменальная память сказителей, но и большая популярность его в народе. Немалую роль в популяризации некоторых сюжетов «Манаса» с антинародным содержанием сыграла манапско-байская верхушка и позднее буржуазные националисты.

Эпос у киргизов в известной степени подчинил себе все остальные жанры фольклора, вобрав в себя в той или иной мере все его богатство: и предания, и сказки, и песни, и поговорки.

Сказители в своем большинстве были не только исполнителями эпоса, но и поэтами-импровизаторами, создателями его новых вариантов.

Для исполнения «Манаса» требовались многие дни и даже недели. Приглашать к себе манасчы на длительный срок могли преимущественно манапы, бии и баи. Большую роль в распространении «Манаса» в народе играли рапсоды (*ырчы*), исполнявшие отдельные, наиболее популярные эпизоды поэмы. В отдельных отрывках «Манас» был известен широким слоям населения. Исполнялся «Манас» обычно при большом стечении слушателей, без инструментального сопровождения. Часть поэмы, содержащая рассказы и описания, излагается в более быстром темпе, а диалоги и речи героев поются речитативом, плавно и торжественно. Исполнение их ведется в духе музыкального сказа. Существует свыше 20 мелодий, используемых при исполнении «Манаса». Сказитель сопровождает исполнение поэмы разнообразными жестами и богатой мимикой.

Основная сюжетная линия, проходящая через первую часть трилогии «Манас», — это богатырские подвиги легендарного Манаса, совершаемые им в Средней Азии и соседних странах. Здесь представлены циклы песен, посвященные рождению, юношеским годам Манаса, избранию его ханом, военным подвигам Манаса и его дружины, состоящей из 40 витязей (*кырк чоро*). Один из циклов посвящен тризне по ташкентскому хану Кокетею, союзнику Манаса. Тяжело раненный в последнем походе, Манас возвращается в долину Таласа, где и умирает. Вторая часть трилогии «Манас», поэма «Семетей», относится к жизни сына Манаса — Семетея, а третья, «Сейтек», посвящена сыну Семетея — Сейтеку. По объему «Семетей» не уступает первой части трилогии. В отличие от «Манаса», стиль которого характеризуется чертами торжественности, суровой героики, поэмам «Семетей» и «Сейтек» присущи черты лирических произведений.

Первый исследователь «Манаса» Ч. Валиханов указывал, что в нем нашли отражение «образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их»¹.

В «Манасе» подробно разработано несколько отдельных сюжетов, из которых наиболее крупными являются сватовство и женитьба Манаса на Каныкей, заговор семи ханов против Манаса, переселение к Манасу его родственников — *көз-каман*.

Большое место в эпосе занимает социально-бытовой материал: мастерски написанные картины свадьбы, поминок, народных игр и развлечений, домашнего быта. Манас выведен в эпосе как главное, стержневое действующее лицо, вокруг которого группируются все остальные. В поэме нет почти ни одного эпизода, где бы не участвовал сам Манас. Эпос рисует замечательные образы киргизских женщин и прежде всего красавицы Каныкей — умной и проницательной жены Манаса, верной и мужественной подруги богатыря. Большое место в поэме отведено Ак-Кула — волшебному коню Манаса.

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. 1, стр. 420.

Многое в «Манасе» относится к области сказочного, фантастического, богато представлена в нем мифология. Но часть событий, которые описываются в «Манасе», является художественным отображением некоторых периодов истории киргизской народности и консолидировавшихся в ней племен, в том числе и довольно древних.

Киргизам неоднократно приходилось выступать против чужеземных захватчиков и угнетателей — монгольских, ойратских, узбекских и других феодалов и ханов. В большинстве военных эпизодов эпоса отражены события, связанные с ожесточенной борьбой киргизских племен против ойратов (джунгаров), вторгавшихся на территорию Средней Азии в XV—XVIII вв. Мотив борьбы с джунгарами сближает киргизский эпос с эпосами других народов Средней Азии (казахов, узбеков, каракалпаков).

Вместе с тем, в эпосе «Манас» нашли отражение и эпизоды более раннего исторического прошлого киргизских племен, с характерным для него господством военно-демократического строя. «Манас» представляет собой в целом чрезвычайно сложный («сплав») различных по происхождению и времени возникновения жанров и сюжетов. Он складывался на протяжении длительного времени, постепенно обрастая все новыми сюжетами и песнями, впитывая в себя прежде всего эпические сказания тех племен, которые образовали в конечном итоге киргизскую народность. В упомянутом выше сочинении «Маджмӯ' ат-таварих» содержится прозаический пересказ некоторых эпизодов из эпоса «Манас», которые свидетельствуют в пользу существования казахско-ногайского слоя в эпосе.

В своей основе эпос «Манас», веками бытующий среди киргизов, является, безусловно, народным произведением. Вместе с тем, развиваясь в прошлом в классовом обществе, он подвергался активному воздействию со стороны байско-манапской верхушки киргизского общества, стремившейся приспособить его к своей идеологии. Позднее на некоторых сказителей оказали вредное влияние буржуазные националисты. В результате в киргизском эпосе сложились две группы редакций эпоса: с одной стороны, народная, демократическая, с другой — феодально-байская, пропитанная чуждыми и враждебными народу идеями.

В идейном содержании «Манаса» отражены противоречия, присущие патриархально-феодальному строю. Сложившийся как эпопея в эпоху начавшегося объединения разрозненных племен и формирования киргизской народности, что было тесно связано с необходимостью защиты от ойратских завоевателей, эпос «Манас», с одной стороны, содержит прогрессивную идею объединения племен и изгнания из своей страны чужеземных захватчиков, а с другой — идеализирует патриархально-феодальные порядки, в том числе те, подчас жестокие, методы, при помощи которых утверждала и поддерживала свое господство над трудовыми массами правящая знать киргизских племен.

Реакционную направленность эпоса характеризует воспевание таких черт социального уклада и быта господствовавших классов, как ханская власть, система вассалитета, феодальные междоусобицы, рабы, обслуживающие своим трудом знать; захватнические набеги, сопровождающиеся угоном скота и пленных, увозом богатой добычи, пышность ханского двора, расточительные и обременительные для народа траты. В поздних вариантах к этому прибавились все усиливавшиеся мотивы борьбы с «неверными».

Реакционные мотивы в эпосе были обязаны своим возникновением тем манасчы, которые составляли окружение феодальной знати. Но среди манасчы были и такие, которые исполняли отдельные сюжеты эпоса перед народными массами и были по своим духовным устремлениям близки народу. Они по-своему, в демократическом духе, осмысливали сказания эпоса. Многочисленные военные столкновения такие манасчы истолковывали в плане защиты родины, борьбы против чужеземных посягателей на неза-

висимость и достоинство народа. Эта идея воплощалась в образе главного героя эпоса — Манаса, который во главе народа добивается объединения родственных, но разобщенных племен для защиты от внешних врагов, борется и с внутренними врагами. Тенденция к преодолению племенной и феодальной раздробленности, к целостности, единству и независимости киргизского народа была объективно прогрессивной.

Феодальные круги, а позднее буржуазные националисты стремились использовать эту здоровую целеустремленность эпоса, порожденную конкретной исторической обстановкой, в своих классовых целях, усиленно внедряя в эпос пантюркистские и панисламистские идеи, придавая образу Манаса черты вождя и объединителя всех тюркоязычных народов, борца за веру. Автор одного из вариантов эпоса сказитель Сагынбай Орозбаков (1867—1930 гг.) отразил в своей редакции именно эти чуждые народу антидемократические идеи. Однако они не могли лишить эпос его широкой народной основы. Наиболее близкими к народной среде являются две части трилогии: «Семетей» и «Сейтек», хотя и они не свободны от идеализации патриархально-феодального строя.

Новые условия жизни, новые культурные явления, начавшееся преобразование социального строя киргизского общества после присоединения к России внесли крупные изменения в характер устного народного творчества. В нем все более отчетливо стали разграничиваться интересы различных классов.

В поэме «Курманбек», как и в некоторых других произведениях «малого» эпоса, усиливались демократические идеи. Резче подчеркивалась борьба против внутренних врагов народа — манашов и баев. В поэме «Жээрен Чечен» воспеваются труд, пропагандируется польза знаний, оседлости. В некоторых из поэм-сказок женщина выступает уже не в качестве бессловесной рабыни, а борющейся за свои права. В поэме «Ак-Мёёр» героиня протестует против насильственной выдачи ее замуж за дряхлого старика. Героиня поэмы «Каптагайдын кызынын арманы» («Песня дочери Каптагая») пытается освободиться от пут традиции: стремясь к свободе, она переодевается в мужскую одежду и в поисках достойного себе спутника жизни убегает из отцовского дома. Во всем этом сказалось изменение самосознания народа и, в частности, женщины, вызванное влиянием новых общественных условий, начавшегося сближения с русским народом, с передовой русской культурой.

В творчестве народных поэтов — акынов также отчетливо выступают противостоящие друг другу направления. Представителями реакционного направления, начавшими свою деятельность еще в первой половине XIX в., были акыны Калыгул и Арстанбек. В своих произведениях, созданных как во время господства Кокандского ханства, так и после присоединения Киргизии к России, эти акыны характеризуют переживаемое ими время как *зар заман*, или *тар заман*, т. е. эпоху народного плача, бед, страданий и скорби. В этих произведениях отражалась идеология феодальной верхушки киргизской народности. Именно феодалам были выгодны затухание классовых противоречий, уход в мир мистики, идеализация патриархально-феодальных порядков.

Мотивы уныния и тоски, предчувствия несчастий пронизывают произведения поэтов реакционного направления. Они выступали против присоединения Киргизии к России, ориентировали общественные идеалы киргизского народа на страны мусульманского Востока, проповедовали идеи мюридизма и как следствие этого вражду и непримиримость ко всем иноверцам. Охваченные боязнью нового, реакционные акыны выступали против прогрессивных явлений, возникавших в киргизской среде под влиянием общения с представителями русского народа. Страшась наступающих событий и рассматривая их как приближение «конца мира», эти акыны видели в новых явлениях только отрицательные стороны. Они

жаловались на разрушение семейных устоев, упадок нравов, падение благочестия. Отсюда призывы к сохранению патриархально-феодалного строя. Борьбу против колониального гнета царизма реакционные акыны подменили борьбой против русских вообще.

Творчество крупного киргизского поэта колониального периода Молдо Кылыча Шамырканова (1866—1917 гг.) в значительной степени находилось под влиянием идеологии его предшественников — акынов реакционного направления. Он был грамотным и в отличие от многих других акынов записывал свои произведения. Первой печатной книгой на киргизском языке, изданной до Октябрьской революции, была поэма Молдо Кылыча «Зилзала» («Землетрясение»), содержащая реалистическое изображение большого стихийного бедствия, постигшего часть территории Киргизии и Казахстана — землетрясения 1911 г. В этой поэме Молдо Кылыч отдал солидную дань религиозному мировоззрению, она проникнута пессимизмом и мистическими мотивами, поэт уповает на бога, на милосердие феодально-родовой знати. Землетрясение он истолковывает как наказание аллаха за грехи людей. Это одно из произведений, послуживших основанием для оценки Молдо Кылыча как поэта реакционного направления. Ограниченность мировоззрения Молдо Кылыча, его представлений об общественном устройстве того времени лишала его возможности понять значение происходивших в жизни народа изменений. Однако в творчестве Молдо Кылыча звучат мотивы и другого характера. Его сатирические поэмы «Пир беркута» и «Пернатые» содержат обличение и осуждение господствовавших классов и сочувствие к обреченной на бесправие и нищету киргизской бедноте. Поэт отразил в своем творчестве противоречия, которые были свойственны киргизскому аилу во второй половине XIX — начале XX в., находившемуся под двойным гнетом — своих феодалов и царских колонизаторов.

Наряду с пессимистическими произведениями реакционного направления и в борьбе с ними зрело и утверждалось другое, глубоко демократическое направление. Представлявшие это направление акыны Токтогул и Тоголок Молдо создавали песни с ярко выраженными демократическими тенденциями, обличающие манапов и баев, а также царских колонизаторов как виновников бедствий и страданий народа. Эти акыны выражали в своем творчестве сокровенные чаяния народа, открыто восставали против социальной несправедливости, воспевали дружбу народов и стремление к свободе. Именно они воплотили в своих песнях лучшие художественные традиции прошлого. Демократическая линия развития народно-поэтического творчества окрепла благодаря новым общественным условиям, складывавшимся после присоединения Киргизии к России в результате проникновения передовых идей русского общества в киргизскую среду.

Наиболее ярким представителем демократического направления в киргизской поэзии был талантливый акын и композитор Токтогул Сатылганов (1864—1933 гг.). Он родился и вырос в местности Сасык-Джийде, расположенной в горной котловине Кетмень-Тюбе (современный Токтогульский район Ошской области), в семье бедняка, вынужденного работать на баев. Большое влияние на формирование творческих способностей будущего поэта оказала его мать Бурма, известная сочинительница и исполнительница кошоков — трогательных причитаний на свадьбах и похоронах.

Уже в детстве Токтогул, помогая отцу, работал пастухом у бая. В кругу таких же, как он, подростков, Токтогул начал складывать песни, в которых выражал сочувствие к угнетенным и обездоленным беднякам.

Как хорошего певца и музыканта (он играл на комузе) Токтогула начали приглашать на общественные сборища, свадьбы, тризны.

Вдохновенные песни Токтогула завоевали ему популярность и любовь среди широких масс киргизского населения. Они отличались изумительной простотой и ясностью мысли, глубокой лиричностью. Особенно широкое признание народа талант Токтогула получил после его знаменитого поэтического состязания в 1882 г. с известным акыном Арзыматом, придворным поэтом знатного манапа Дыйканбая. Токтогул стал акыном профессионалом. Но он пел не для баев и манапов, а для рядовых кочевников. Он не только исполнял популярные народные песни, но и сочинял новые, в которых наряду с лирическими все громче звучали гражданские мотивы.

Многие поэмы Токтогула возникли под непосредственным влиянием знакомства с русской культурой. В отличие от своих предшественников, Токтогул не смешивал русский трудовой народ с царскими колонизаторами. Он выступал в своих произведениях как смелый и гневный обличитель колониального порабощения, а также гнета баев и манапов. Токтогул вступил в открытую борьбу с сыновьями манапа Рыскулбека — неограниченными властителями и эксплуататорами киргизского населения Кетмень-Тюбе. Подвергаемый гонению и насилиям, он боролся с манапами единственным оружием — песней. В сложенной им песне «Пять кабанов» Токтогул с исключительной силой изобразил пятерых всесильных манапов, бесчеловечно и жестоко обиравших народ.

Образ бедняка (*кедей*), страдающего, но готового к борьбе, протестующего против насилия, занял центральное место во всем творчестве Токтогула.

Как яркий представитель прогрессивной киргизской общественной мысли Токтогул обличал и разоблачал не только манапов, баев, волостных управителей, царских чиновников, но и реакционное мусульманское духовенство. Он зло и остро бичевал жадность, ханжество и лицемерие клерикалов, стремясь помочь своему народу осознать наносимый ими вред. Широкой известностью пользовалась, например, его песня «Ишан Каппа».

Поэзия Токтогула, проникнутая духом классовой борьбы, делала его имя ненавистным для байско-манапской верхушки. Воспользовавшись удобным случаем, манапы решили избавиться от Токтогула. Во время андижанского восстания 1898 г., по доносу сыновей Рыскулбека, Токтогул был арестован царскими властями. Это был открытый акт мести, расправа над смелым и мужественным певцом и борцом за социальную справедливость. Ложно обвиненный за участие в восстании, Токтогул был приговорен к смертной казни через повешение, замененной затем каторгой. Его сослали в Сибирь. После неудачной попытки побега он получил дополнительно 12 лет каторжных работ.

Токтогул Сатылганов

Тяжелая жизнь в ссылке не сломила дух вольнолюбивого поэта. И там, оторванный от родной земли, он продолжал творить. Разлука с народом, который Токтогул безгранично любил и который отвечал ему взаимностью, глубоко терзала сердце поэта.

Токтогул был неграмотным, но он видел страдания народа в царской России и не из книг, а в общении с политическими заключенными разных национальностей, в беседах со ссыльными русскими революционерами познавал правду жизни, обогащал свою память новыми сведениями, проникался идеями интернационализма.

Под влиянием русских революционеров окончательно сформировались и окрепли передовые демократические взгляды Токтогула. Его творчество приобрело острую и зрелую политическую направленность, окрасилось чертами революционности.

При содействии русских друзей Токтогул второй раз пытался бежать, но снова неудачно. Срок наказания был увеличен до 25 лет. Только после 12-летнего пребывания на каторге, с помощью русских поселенцев, Токтогулу удалось вырваться на свободу. Два года пришлось ему скитаться по незнакомым местам, пока в 1910 г. он не добрался до родной земли.

Токтогулу пришлось жить нелегально, скрываясь от мести манაпов и баев и расправы царских тюремщиков. Снова посаженный в 1913 г. в тюрьму по проискам манапов, он был взят на поруки и дожил до светлых дней освобождения своего народа от ига эксплуататоров.

Токтогул стремился сблизить свой народ с Россией и русскими. Он связывал будущее родного края не с мусульманскими странами, что было характерно для акынов реакционного направления, а с русским народом, с его культурой. В сближении с нею он видел верный путь к избавлению от средневековой отсталости. Токтогул был первым общественным деятелем в Киргизии, который часто высказывал такую, например, мысль: «клад науки — у русских» (*окуунун кени оруста*).

Наряду с политическими стихами Токтогул создал много произведений на лирические и бытовые темы. Все они проникнуты оптимизмом, глубокой уверенностью в торжество справедливости.

Токтогул является родоначальником новой, высокоидейной, демократической киргизской литературы. Он воспитал целую школу акынов, творчество которых стало в дальнейшем неотъемлемой частью киргизской советской литературы.

Крупную прогрессивную роль сыграл Токтогул и в развитии киргизской народной музыки. Его музыкальные произведения вошли в сокровищницу киргизского народного искусства.

Токтогул является самым выдающимся представителем демократического направления не только в киргизском искусстве, но и в киргизской общественной мысли второй половины XIX — начала XX в.

Октябрьскую революцию, Советскую власть Токтогул встретил вдохновенными произведениями. Широко известно его стихотворение, посвященное В. И. Ленину, в котором впервые в киргизской литературе с большой любовью и теплотой создан образ великого вождя трудящихся.

Крупную роль в развитии демократического направления в киргизской устной и письменной литературе сыграл акын-«письменник», талантливый киргизский поэт-просветитель Байымбет Абдырахманов (1860—1942 гг.), по прозвищу Тоголок Молдо. Родина поэта — местность Куртка в долине р. Нарына (ныне Ак-Талинский район Тянь-Шаньской области). Тоголок Молдо, выходец из трудовой семьи, воспитывался у своего деда Музооке, известного акына и музыканта. От деда он и воспринял любовь к поэзии и демократические взгляды.

На формирование творчества Тоголока Молдо, его демократическое мировоззрение оказали большое влияние, с одной стороны, окружавшая

его действительность, с характерным для нее углублением классовых прогнворечий, усилением байско-манапского и колониального гнета, а с другой — начавшееся сближение трудовых масс киргизского и русского народов. Знакомство с Токтогулом и его произведениями также отразилось на характере творчества Тоголока Молдо.

Хорошо зная жизнь киргизской бедноты, ее бедствия и страдания, Тоголок Молдо в некоторых своих произведениях выступает против грабежа, произвола, насилий, чинимых баями и манапами, волостными управителями и царскими чиновниками. Его оружием является острая сатира. В сатирической поэме «О наземных и водяных птицах», сходной с басней, Тоголок Молдо под видом пернатых выводит, с одной стороны, бедняков, а с другой — в образе коршунов, ястребов — их угнетателей. Манапы отвечали на творчество Тоголока Молдо преследованиями и гонениями поэта.

На более позднем этапе творчества в произведениях акына отчетливо отразились демократические идеи, крепнувшие в киргизском обществе под влиянием передовой революционной русской общественной мысли.

Для поэзии Тоголока Молдо характерны мотивы просветительства. Он обращается в своих поэмах к родному народу с призывом учиться у русских культурному ведению хозяйства, овладевать знаниями, ремеслами, бороться с отсталостью, невежеством, суевериями. В поэме «Дети земли и вселенной» он в художественной форме рационально объясняет различные явления и законы природы, опровергая вместе с тем их религиозные толкования.

Цикл нравоучительных поэм Тоголока Молдо посвящен обличению лени, самодовольства, которым противопоставляются трудолюбие, справедливость, любовь к человеку.

Творчество Тоголока Молдо получило широкую известность и пользовалось в народе большой популярностью.

К числу крупных акынов-демократов принадлежал также Барпы Алыкулов. Пользуются известностью произведения акынов-«писменников» Ысака Шайбекова, Абылкасыма Джутакеева, Токторалы Талканбаева.

После Великой Октябрьской социалистической революции возникли новые стимулы для развития устного творчества киргизского народа. Началась большая работа по его записи и изучению. До установления в Киргизии Советской власти «Манас» бытовал лишь в устной традиции. В 1920-х годах, после окончания гражданской войны в Киргизии, была впервые предпринята запись полного текста «Манаса». Позднее от крупного

Байымбет Абдырахманов (Тоголок Молдо)

советского сказителя Саакбая Ааралаева был записан один из наиболее ценных вариантов эпоса объемом свыше 400 тыс. строк. Много вариантов и отрывков из «Манаса» собрано от других сказителей. В последние годы издан сводный текст эпоса.

В целом киргизское устное народное творчество во всем многообразии его жанров и богатстве содержания можно рассматривать как одно из важнейших достижений народной культуры. В прошлом оно непрерывно обогащалось за счет усиления мотивов социального протеста против феодального гнета. Многие лучшие образцы киргизского фольклора дожили до наших дней и вошли составной частью в киргизскую советскую социалистическую культуру.

Лучшие художественные образцы старого фольклора записываются и изучаются, многие из них продолжают исполняться и теперь. В то же время, используя традиционные формы фольклора, народ создает новые произведения, в особенности лирические песни, наполненные новым содержанием, отражающие яркую современную действительность.

В театре, с концертной эстрады, в полевом стане, в записи на патефонной пластинке и по радио можно услышать наиболее созвучные нашей эпохе произведения фольклора. Всюду желанными гостями являются популярные акыны и сказители. Во всех уголках Киргизии известны имена лучших киргизских певцов-импровизаторов Алымкула Усенбаева Осмонкула Бюлебалаева, сказителя Саякбая Каралаева. В их песнях нет прежней печали и горя, в них советская Родина сравнивается с цветущим садом; вдохновенные строки посвящены Коммунистической партии, великому русскому народу, дружбе народов, Москве.

Акыны провели большую работу по собиранию и восстановлению лучших образцов киргизского фольклора. Ценные исследования эпического творчества киргизов принадлежат академику Академии наук Казахской ССР М. О. Ауэзову, члену-корреспонденту АН СССР В. М. Жирмунскому, литературоведу У. Джакишеву.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря систематической помощи великого русского народа киргизский народ стал на путь создания национальной художественной литературы. Сохраняя и развивая свою национальную форму, киргизские литература и искусство имеют новое, социалистическое содержание.

Писатели и поэты Киргизии, объединенные в Союз советских писателей, насчитывающий более 90 членов, в своих произведениях не только повествуют о тяжелом прошлом киргизского народа в эпоху царизма, но и воспевают радость жизни и труда в стране социализма, нерушимую дружбу советских народов. Их творчество утвердилось в борьбе с попытками представителей буржуазно-националистической литературы всячески приукрасить, идеализировать прошлое.

Письменная литература у киргизов начала развиваться одновременно с возникновением киргизской письменности (1924 г.). Киргизская художественная литература выросла под благотворным влиянием передовой русской и советской литературы. Воспринимая ее богатейший опыт и лучшие традиции, киргизская литература черпала все лучшее и из устного народного творчества. Но новое содержание советской литературы требовало и новых форм. Настойчиво изучая произведения русских классиков и ведущих советских писателей, киргизские литераторы обогатили свою молодую литературу новыми жанрами и новыми средствами художественного изображения действительности. Крупную роль в формировании творчества многих киргизских поэтов и писателей сыграло широкое восприятие традиций М. Горького и В. Маяковского с их острой революционной направленностью. Для творчества киргизских писателей характерны тесные взаимосвязи с литературами других братских народов СССР.

Киргизская литература подвиглась в своем развитии до таких слож-

ных жанров, как новелла, рассказ, повесть, роман, поэма, драматическое произведение. Метод социалистического реализма, которым упорно овладевали киргизские писатели, помог им создать ряд значительных произведений. Решения ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам явились крупнейшей вехой в развитии киргизской литературы. Киргизские писатели обратились к темам социалистической действительности. Из-под их пера вышли произведения, заслужившие одобрение широкой общественности. К ним прежде всего относятся роман Тугельбая Сыдыкбекова «Люди наших дней», удостоенный Государственной премии и переведенный на русский язык и на языки народов почти всех союзных республик, а также на китайский, польский и чешский языки, повесть Касымалы Баялинова «На берегах Иссык-Куля», роман Насридина Байтемирова «Салтанат» («Торжество»).

Но в произведениях некоторых писателей были вскрыты ошибки националистического характера, которые заключались в идеализации феодального прошлого, в восхвалении реакционных личностей. Другие писатели неправильно освещали советскую действительность. Благодаря помощи партийной организации республики эти ошибки успешно преодолеваются.

До последнего времени господствующее положение в киргизской литературе занимала поэзия. Но теперь уже ведущим жанром является проза. Признанным мастером киргизской литературы, создавшим поэтические прозаические и драматургические произведения большой эмоциональной силы, считается народный поэт Киргизии, действительный член Академии наук Киргизской ССР, бывший пастух Аалы Токомбаев (псевдоним «Балка», т. е. «Молот»). Его стихотворением «Октябрьдин келген кези» («Победное шествие Октября»), напечатанным в первом номере киргизской газеты «Эркин Тоо» 7 ноября 1924 г., начинается история киргизской советской письменной литературы. Его перу принадлежит около десяти сборников стихов. Он явился создателем политической лирики. Пионер новых жанров в киргизской литературе, А. Токомбаев в своих стихах поднимает до высот философской лирики. Среди его произведений целый цикл своего рода философских элегий. К ним относятся «Воспоминания», «Ночь поэта». В них он обращается к проблеме человеческой личности, затрагивает мотивы общественного служения народу, победы человеческого разума над природой. Некоторые прозаические произведения А. Токомбаева построены на фольклорных сюжетах.

В годы Великой Отечественной войны вышли сборники стихов А. Токомбаева, он написал также драмы «Ант» («Клятва») и «Намыс» («Честь»).

Новые произведения поэта свидетельствуют о его дальнейшем творческом росте. Накануне завершения его новой большой роман в стихах «Токтогул», посвященный жизни великого акына-демократа.

В творчестве Кубалычбека Маликова представлено все многообразие литературных жанров. Им издано более полутора десятка книг стихов. Широко известны в республике стихи Алымкула Усеябаева, Темиркула Уметалиева, Толена Шамшиева, Абдрасула Токтомушсва, Мусы Джангазиева, К. Акаева, С. Шимеева и других поэтов.

Большой популярностью пользуются галактильные жизнеутверждающие стихи поэта-лирика Джомарта Боконбаева, а также отличающиеся задушевностью стихи Алымкула Осмонова, ныне покойных. Для поэзии А. Осмонова характерны глубокая выразительность образов, богатство содержания и тонкость чувства.

Истоками киргизской прозы в некоторой мере послужили такие жанры устного творчества, как сказки, прозаические варианты эпических сказаний, анекдоты, легенды. Но главную роль в ее зарождении сыграло влияние русской литературы. Она развивалась значительно медленнее, чем поэзия. Первым прозаическим произведением была повесть Касымалы Баялинова «Аджар», написанная в 1928 г. и рассказывающая о тяжелой участи киргизской девушки до Октябрьской революции. Она переведена

на десятки языков, в том числе на английский, испанский, французский. Следующим прозаическим произведением был автобиографический роман «Узак джол» («Долгий путь») Мукая Элебаева. Большой историко-приключенческий роман Касымалы Джантошева «Каныбек» посвящен жизни и быту киргизского аила второй половины XIX в. В реалистический сюжет романа влетела фантастика, идущая от волшебных сказок и эпоса.

Переход к реалистической прозе, отображающей советскую действительность, был сделан в повести А. Токомбаева «Раненое сердце». В полной мере современная тема зазвучала в романах крупнейшего киргизского прозаика, действительного члена Академии наук Киргизской ССР Тугельбая Сыдыкбекова. Внимание автора привлекла к себе тема коллективизации. Ей был посвящен первый роман Т. Сыдыкбекова «Кен-Суу», написанный под влиянием «Поднятой целины» М. Шолохова и положивший начало жанру реалистического романа. Эту же тему автор разрабатывает в романе «Темир». Наиболее крупным произведением Т. Садыкбекова является упомянутый выше роман «Люди наших дней». С эпической широтой автор рисует героический труд киргизских колхозников в годы Великой Отечественной войны, дружбу и братство народов нашей страны, высокий моральный облик советских людей. Среди прозаиков известны также Н. Байтемиров, Т. Абдумомунов, У. Абдукаимов.

В творческом содружестве с театром выросла и киргизская драматургия. Зачинателями этого жанра явились Молдогазы Токобаев и Касымалы Джантошев, пьесы которых «Кайгылуу Какей» и «Карачач» долгие годы пользовались популярностью. Над драматургическими произведениями работают также А. Токомбаев, К. Маликов, Р. Шукурбеков, К. Эшмамбетов, Т. Сыдыкбеков. Заметный вклад в драматургию внес Т. Абдумомунов (пьесы «Узкое ущелье» и «Дочь Атабека»).

За последние годы созданы новые талантливые произведения. Заново переработан роман «Кен-Суу», Т. Сыдыкбеков написал крупное многоплановое произведение «Среди гор». Он закончил работу над романом «Батыйна» — первой книгой трилогии «Женщина». Большое произведение о рабочем классе Киргизии «Свет под землей» создал С. Сасыкбаев. Заслужил признание своей жизненной правдой роман Мамасалы Абдукаримова «Жить хочется».

Молодой киргизский прозаик Чингиз Айтматов приобрел широкую известность небольшой повестью «Джамия». В ней с большой художественной силой рассказана история молодой киргизской женщины, нашедшей в себе силы преодолеть отжившие обычаи и пойти навстречу своему светлому чувству. Эта повесть получила широкое международное признание. Во Франции она вышла с предисловием Луи Арагона, назвавшего ее «самой прекрасной на свете повестью о любви». С большим интересом были встречены такие рассказы Ч. Айтматова, как «Лицом к лицу», «Верблюжий глаз». Новые повести писателя «Тополёк мой в красной косынке» и «Баллада о первом учителе» показали его дальнейший творческий рост. Произведения Ч. Айтматова переведены более чем на 20 языков в СССР и за рубежом.

К числу творчески одаренных молодых писателей принадлежат также поэты Б. Сарногоев, С. Джусуев, прозаики К. Каимов, посвятивший свое новое крупное произведение «Атай» киргизскому композитору Атау Огонбаеву, и Ш. Бейшеналиев. Последний известен как автор повести «Кычан» (о киргизском Павлике Морозове) и романа «Путь к счастью» из жизни студентства. Способный поэт и литературовед Мухтар Борбогулов успешно выступил с прозаическим произведением «Юноша из аила».

В Киргизии издаются ежемесячные общественно-политические и литературные журналы «Ала-Тоо» (на киргизском языке) и «Литературный Киргизстан» (на русском языке).

Одним из крупнейших достижений киргизских поэтов и писателей, оказавшим большое влияние на процесс формирования киргизской лите-

ратуры, является перевод на киргизский язык классических образцов русской и советской, а также западноевропейской литературы. Уже вышли из печати многие творения великого Пушкина в переводах А. Осмонова, К. Маликова и других поэтов и писателей. «Евгений Онегин» был впервые переведен на киргизский язык К. Байлиновым. Стали доступны киргизскому читателю произведения Лермонтова, Л. Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрин, Горького. На киргизском языке изданы и лучшие произведения советской художественной литературы.

Становится известным киргизскому народу творчество великих писателей братских народов. А. Осмонов перевел «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели; изданы произведения Низами. Наконец, К. Эшмамбетовым и А. Осмоновым переведены на киргизский язык и такие произведения классической литературы, как «Гамлет», «Отелло» и «Двенадцатая ночь» Шекспира, а также «Тысяча и одна ночь».

Изобразительное искусство

Издавна развитое у киргизов декоративное прикладное искусство отмечено изяществом и богатством форм, четкостью рисунка, высокой культурой цвета. В силу особенностей кочевого уклада жизни применение его было ограничено в прошлом художественным оформлением жилища, одежды, предметов утвари, сбруи. Тем не менее в этой стороне народного творчества также проявлялась высокая художественная одаренность народа.

Киргизское изобразительное искусство всегда имело подлинно народный характер. Его лучшие образцы, украшавшие чаще всего юрты, предметы внутреннего убранства, костюм, седла, сбрую киргизской феодальной знати и крупных скотовладельцев были изготовлены руками мастеров и мастериц — выходцев из народа. В художественном замысле этих произведений искусство сохранялись лучшие народные традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Малохудожественные, но поражающие пышностью декоративной отделки предметы убранства юрт, отдельные украшения, выполненные по заказу феодалов, были сравнительно редки и не характеризовали в целом демократического, по своему содержанию, изобразительного искусства киргизов.

Прикладное искусство у киргизов представлено ковроделием, изготовлением разных типов узорных войлоков, орнаментированных циновок, узорным ткачеством, тиснением по коже, резьбой по дереву и художественной обработкой металла.

Выделкой шерстяных ворсовых изделий уже давно занимаются памиро-алайские и ферганские киргизы, а также киргизы, живущие в юго-западной части Сяньцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Ковроделие было развито раньше преимущественно у племен группы ичкилик, но оно было хорошо знакомо и другим южным киргизам. Теперь ковры изготовляют главным образом в юго-западных районах Отской области.

В прошлом ковровые изделия были очень широко распространены в быту. Кроме ворсового ковра (*килем*), до сих пор можно встретить мешки разного назначения, имеющие ковровую лицевую сторону (*чабадан*, *кош жабык*), ковровые дорожки для украшения юрты (*тегирич*), переметные сумы (*куржун*), коврики для седла (*эгер көпчүк*). Раньше было принято готовить ковры небольших размеров, но с конца XIX в., когда они стали поступать в продажу на местные рынки, начали делать ковры крупных размеров. Теперь преобладают ковры размеров 3—3,2 × 1,4—1,5 м.

Киргизские ковры изготовляются на таком же примитивном горизонтальном станке (*дукон*), как туркменские и узбекские. Он состоит из двух жердей, длина которых несколько превышает ширину основы, и трех палок, служащих для создания зева, его раскрытия и перемены ниток основы. Уток и ворсовые узлы прибавляют деревянной колотушкой с зубьями, ворсовую нить отрезают ножом, а ворс подравнивают ножницами.

Ворсовый ковер. Восточный Памир

Высота ворса 5—7 см. Ворсовый узел полутурный, вяжется руками. Плотность киргизского ковра в среднем 900—1000 узлов на 1 кв. дм. Ковры большого размера изготавливают обычно коллективно.

Ковры ткют из овечьей шерсти, но на основу идет и верблюжья и козья шерсть.

Преобладающими цветами в коврах являются мареново-красный и индигово-синий, оба — в глубоко приглушенных тонах. Реже используются желтый, коричневый, зеленый, белый. Тона и оттенки красок своеобразны, а сочетание их свидетельствует о тонкости вкуса ковровщиц. Киргизы пользовались для окраски шерсти растительными красителями, а с конца XIX в. — анилиновыми красками, применение которых ухудшило качество ковров.

Киргизские ковры имеют рамку, окаймляющую центральное поле. Узоры на рамке отличаются от узоров на центральном поле. Композиция орнамента ковров имеет несколько

вариантов. Например, центральное поле разделено на долевые полосы, по которым располагаются узоры, или на нем расположен однородный узор в шахматном порядке либо по диагоналям, или на центральном поле образованы ромбы с узорами внутри них.

Ковровый орнамент складывается из восьмигранников, крупных крестов, простых и ступенчатых ромбов, часто в сочетании с мотивами типа «бараньих рогов» и др. В названиях орнамента отражен окружающий реальный мир, но сами узоры уже в большинстве случаев не напоминают реальных предметов. В орнамент проникли отдельные китайские мотивы, которые утвердились в качестве составного элемента декора киргизского ковра. Ковровый орнамент имеет очень большое сходство с орнаментом на киргизских чиевых циновках (*ашкана*, *чыгдан*).

По орнаменту и особенностям расцветки киргизские ковры наиболее близки к коврам современного Синьцзяна и к узбекским (анджиданским) коврам. В мотивах орнамента много общего с каракалпакскими коврами.

Под влиянием разного рода неблагоприятных причин ковровое производство у киргизов накануне Октябрьской революции пришло в упадок. К настоящему времени оно несколько оживилось. Киргизские ковры поступают в продажу, в особенности на рынок в г. Исфаре (Таджикская ССР). В Киргизской ССР организуются ковровые мастерские, к работе в которых привлекаются народные мастерицы. Появляются новые ковры с современной тематикой узора.

Более распространены у киргизов войлочные ковры, а также различные бытовые предметы из орнаментированного войлока. Для орнаментации войлока применяются три технических приема. Первый прием — это вкатывание в основной фон войлока узоров из цветной шерсти. Такого

Изготовление войлочного ковра с вкатанным узором «ала кийиз». Наукатский район, Ошская область

типа ковры называют *ала кийиз*. Второй прием — аппликация: на войлочную основу нашивают узор из окрашенного войлока или из ткани. Наконец, третий прием состоит в сшивании вместе элементов одного узора, вырезанных одновременно из двух разных по цвету кусков войлока. Ковры, изготовленные таким способом, называют *шырдак* (*шырдамал*, *төрбөлжун*). Кроме ковров, из орнаментированного войлока изготавливают мешки и сумки для хранения и перевозки утвари, принадлежности сбруи и т. п.

Орнамент на войлочных изделиях отличается простотой и ясностью узора, сравнительно крупными размерами; он не перегружен мелкими деталями и окрашивается чаще всего в два основных цвета: синий и красный, коричневый с оранжевым или с красным.

По композиции орнамента войлочные ковры типа *шырдака* имеют свои особенности не только на разных территориях (Прииссыккулья, Чуйской долины, Таласа и др.), но и в пределах одной территории. Наиболее характерны следующие разновидности: ковры с крупным сплошным узором и каймой разной ширины; с большими квадратами, поставленными на ребро, с узорами внутри квадратов и между ними; с центральным полем, разделенным на две половины (по принципу негатива и позитива); с крупными кругами на центральном поле и др.

По характеру орнамента войлочные ковры киргизов сходны с коврами казахов.

Одно из видных мест в искусстве киргизской женщины занимает вышивка. Вышивкой украшают одежду, различные предметы домашнего обихода (подвесные сумки, мешочки, наволочки, покрывала, подзоры, декоративные полотенца), чепраки. Лучшими образцами вышивального искусства являются богатые по мотивам цветные композиции, обрамляющие настенные украшения — особого типа панно-ковры — туш кийиз. Вышивают бумажными, шерстяными или шелковыми нитками разных цветов по бархату, хлопчатобумажной и шерстяной ткани, по сукну, войлоку и, наконец, по коже. Из технических приемов чаще всего встречается тамбурный шов, но вышивают также гладью. Среди узоров вышивок имеются стилизованные растения, крестообразно расположенные парные

Шивание узоров для войлочного ковра «шырдак». Джеты-Огузский район, Прииссыккулье

«рога», зигзаг, розетки и другие геометрические фигуры. Все эти мотивы близки к казахским. Встречаются также изображения птиц, животных и даже людей. За последнее время под влиянием соседнего русского населения распространилась вышивка крестом и мотивы русского и украинского орнамента.

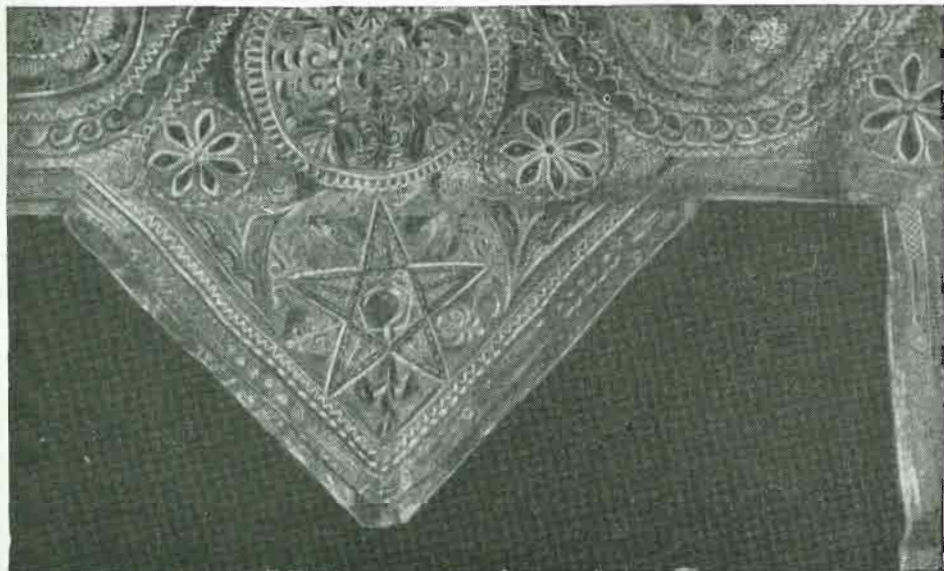
Оригинальны по технике и рисунку узоры из цветной шерсти, которыми покрывают циновки из стеблей чия, употребляемые для обтягивания деревянного остова юрты. В них встречаются восьмигранники, внутри которых помещен квадрат с парными «рогами» на концах. Этот узор, а также композиция орнамента, наличие бордюра, наконец, расцветка с применением диагональной симметрии цвета — красного, белого, синего — ближе всего напоминают тканые киргизские и туркменские ковры.

Тканые полосы, служащие для скрепления различных частей юрты, также часто делают орнаментированными.

Повсеместно распространенное узорное ткачество отличается большим разнообразием. На всей территории Киргизии бытует способ тканья *терме* — с одним утком, со скромной цветовой гаммой. В южной части республики встречается способ тканья *кажары*, *букары*, для которого характерны большая плотность, особая техника и своеобразный орнамент. Третий способ — *беш кеште* — распространен главным образом в северной части Ошской области, отчасти в южной, а также в Таласе. Он напоминает вышивку гладью. Его особенности — тканье с двумя утками, геометрический узор, белый фон и определенное сочетание тонов узора.

Тиснение по коже и аппликация из кожи встречаются главным образом на старых сундуках, футлярах для ч.шек, различных кожаных сосудах для кумыса и молока, принадлежностях седла. Орнаменты, вытисненные на кожаных сосудах для кумыса (*көөкөр*), по форме очень близки алтайским тисненым узорам на таких же сосудах.

Конскую сбрую, изредка мужские пояса и некоторые другие предметы украшают металлическими пластинками и бляхами, покрытыми узором, выполненным путем чеканки, насечки, гравировки, черни, или прорезным узором. Из серебра и теперь изготавливают различные женские укра-

Образец современной вышивки на настенном ковре «туш кийиз». Ат-Башинский район, Тянь-Шаньская область

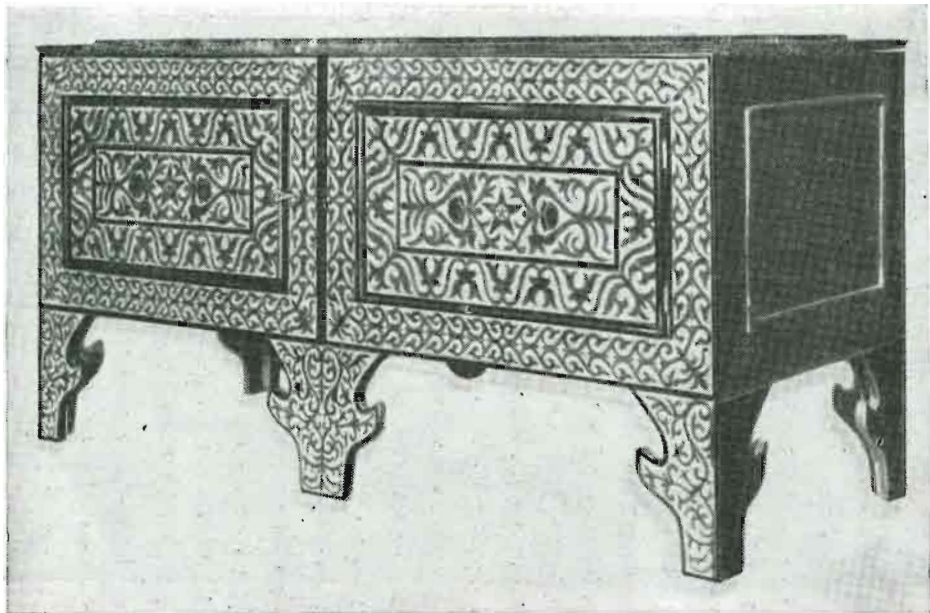
шения. Самым распространенным видом техники, применяемой ювелирами, является аппликация серебром (с применением серебряной проволоки) по металлу. Кроме того, мастера применяют штамповку, зернь, вставку цветных камней.

Резным орнаментом покрывают иногда двери и дверные рамы в юрте, сундуки и шкафчики, музыкальные инструменты. Применяют две техники резьбы: плоскую и глубокорельефную, при этом плоская резьба часто окрашивается красной, синей, белой, желтой красками. Мотивы резьбы — растительные и геометрические. За последнее время появилась и роспись по дереву.

Резьба по дереву, как и художественная обработка металла, производится, как правило, мужчинами, остальные виды прикладного искусства составляют область художественного творчества женщин. В киргизском орнаменте встречаются реалистические изображения животных, птиц и других элементов окружающей природы, а также предметов быта. Наряду с ними, особенно в вышивках и аппликациях, применяются фантастические узоры, называемые *кыял*.

Проведенные в последнее время исследования киргизского орнамента показали, что он формировался постепенно, в его состав входят и древние, и более поздние элементы, в ряде случаев на нем отразилось влияние тех народов, с которыми киргизы и их предки входили в разное время в тот или иной контакт. Наиболее древние элементы киргизского орнамента — простейшие геометрические мотивы, встречающиеся главным образом на предметах из дерева, отчасти в вышивке и на войлоке. Однако более распространены и определяют общий характер киргизского прикладного искусства рогообразные мотивы, волна с завитками, крестообразные фигуры, пальметты и другие, которыми киргизы украшают изделия из кожи, дерева, металла, войлока. Этот комплекс орнаментальных мотивов восходит, по-видимому, к искусству поздних кочевников (IX—XII вв.). В киргизском орнаменте, несомненно, отразились и связи с искусством оседлого населения Средней Азии.

Кроме орнамента, киргизам был известен и тематический рисунок, применявшийся начиная с XVIII в. в росписи надгробных сооружений.

Резной шкафчик работы мастера Касымова. Город Токмак

Это — живопись типа фресок, аналогичная живописи в мазарах Казахстана, но, так же как и последняя, изученная еще очень недостаточно. Среди рисунков на стенах мавзолеев встречаются изображения различных животных (верблюдов, лошадей, собак, козлов), предметов утвари, вооружения и одежды, наконец, человеческих фигур. Иногда чувствуется попытка расположить фигуры в связную композицию (сцены охоты, перекочевков), а также намек на пейзаж. Так же как и у казахов, исполнение всех этих рисунков диктовалось анимистическими идеями и представляло собой область религиозного искусства. Композиции отражали события, происходившие при жизни умершего. Изображения предметов должны были заменить реальные предметы, необходимые, по верованиям киргизов, для удовлетворения нужд покойного в «загробном мире».

Киргизское изобразительное искусство не однородно на всей территории его распространения. Чем ближе к периферии, тем заметнее становятся его связи с искусством соседних народов. Так, на юге Киргизии отмечается значительная общность элементов киргизского орнамента с узбекским и таджикским. Наблюдаются особенности в орнаменте у различных территориальных групп киргизского населения. В целом киргизское искусство носит вполне самобытный характер, но обнаруживает известную близость с казахским, отчасти с каракалпакским искусством, а также и более отдаленную — с изобразительным искусством народов Алтая.

После Великой Октябрьской социалистической революции народное творчество, получившее стимул для дальнейшего развития благодаря повышению материального благосостояния и росту культурного уровня, окруженное заботой со стороны партии и правительства, начало использоваться и осмысляться по-новому. Одновременно зародились и начали приобретать национальное своеобразие неизвестные ранее киргизам формы изобразительного искусства — живопись, графика, скульптура.

Богатая и яркая киргизская орнаментика покрывает в виде росписей и фресок стены новых монументальных зданий, она украшает в виде декоративных панно и войлочных ковров стены и полы новых жилищ

Киргизская вышивка

Киргизская вышивка

рабочих и колхозников, ею расцвечены костюмы физкультурников. Орнаментика широко и многосторонне используется в декоративном оформлении и в костюмах национальных музыкальных и драматических спектаклей.

Орнаментика начинает обогащаться новыми мотивами, органически включаемыми в традиционный узор: пятиконечной звездой, серпом и молотом и другими советскими эмблемами; мастера работают над новыми композициями и расцветкой орнамента.

Мастеров декоративного прикладного искусства можно встретить во всех районах Киргизии. Среди них имеются представители старшего поколения и талантливая молодежь. Лучшие изделия замечательных вышивальщиц и мастериц по изготовлению войлочных ковров А. Бокбаевой (Чуйская долина), Турдукан Мамыркановой (Прииссыккуле), Кюмюш Ормоновой и Сайры Ашыровой (Ошская область) представлены в республиканском историческом музее. Хранительницы лучших традиций ворсового ковроткачества Марзия Сатарова, Ырыс Нарынбетова, Толгонай Исманова, Айша Маткаримова, Баян Мадалиева продолжают творчески трудиться в различных районах южной Киргизии. По всей Таласской долине славится мастер художественной обработки металла Бейшеналы Курманкулов из Кировского района, а на Тянь-Шане известен потомственный ювелир Андашбай Ырсалиев из Джумгалского района. Изящные ювелирные вещи из серебра изготавливает женщина-мастер Барниса Джээнбекова из Алайского района.

Образцы киргизского прикладного искусства неоднократно экспонировались на международных выставках в Нью-Йорке, Париже. В их изготовлении участвовали Мадакан Сасыкова, Алтын Майрыкова, ныне покойные искусные мастерицы Суура Асарбекова и Машон Алымбекова.

В настоящее время изготовлением ковров, туш кийизов, изделий из дерева, рога и кости занимаются мастерские декоративно-прикладного искусства Художественного фонда Киргизской ССР. Изготовленные в этих мастерских по эскизам киргизских художников ковры ручной работы демонстрировались на Всесоюзной выставке образцов декоративно-прикладного искусства в Москве в 1960 г.

Создание в г. Фрунзе в 1943 г. Государственного музея изобразительных искусств и помощь русских художников имели огромное значение в развитии киргизского профессионального изобразительного искусства. Оно возникло как совершенно новая область художественного творчества. Его пионерами стали получившие художественное образование в Москве первые национальные художники Гапар Айтиев (ныне народный художник Киргизской ССР) и Сабырбек Акылбеков (заслуженный деятель искусств). Г. Айтиев создал ряд крупных произведений, в которых отобразил различные стороны жизни родного народа и природы Киргизии. В его даровании сочетаются пейзажное, жанровое и портретное мастерство. В картинах и пейзажах Г. Айтиева нашли отражение события Великой Отечественной войны («Письмо с фронта»), образы его современников (портреты героев труда, писателей, артистов, картина «Чабаны»), пленительная красота Иссык-Куля («На Иссык-Куле», «Вечер в Чолпон-Ата», «Ущелье Орто-Урюкты»). Он выполнил в мраморе скульптурный портрет акына Токтогула, совместно с Д. Коджоакматовым написал сложный групповой портрет «Акыны», оформил спектакль «Алтын-кыз» для декады киргизского искусства (1939 г.), участвовал в росписи плафона зрительного зала в здании театра оперы и балета.

С. Акылбеков создал ряд полотен, отличающихся яркой живописностью, отличной колористичностью («Уборка урожая», «Полдень», «Вечером в табуне»). Им создано пейзажное панно в главном фойе театра оперы и балета.

Печатью таланта и самобытности отмечено творчество более молодого поколения — воспитанников художественных вузов Москвы и Ленинграда

Колхозный музей изобразительных искусств. Колхоз «Кызыл-Шарк», Кара-Суйский район, Ошская область

Алтымыша Усубалиева, Джакуля Коджоакматова, Асанбека Молдоакматова. Портреты, гравюры, картины А. Усубалиева, жанровые пейзажи К. Керимбекова, фризы, декоративные панно, портреты, картины на темы гражданской войны в Киргизии — «Последние», «В отряд Фрунзе» Д. Коджоакматова дополняются оригинальными работами А. Молдоакматова — декоратора, оформившего ряд оперных и балетных спектаклей. В последнее время ряды киргизских художников пополнились. Среди молодых художников — Аалы Джусупов (картина «Киргизские дети»), Мурза Оморкулов (линогравюры, посвященные строительству дороги Фрунзе — Ош), скульпторы Г. Сатаров и Т. Сыдыков.

В Киргизии сложился крепкий творческий коллектив художников, в котором вместе с киргизами работают завоевавшие широкую известность русские мастера изобразительного искусства. Особенно большую роль в развитии изобразительного искусства в Киргизии играет ее уроженец народный художник Киргизской ССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии С. А. Чуйков. Он оказал глубокое влияние на творчество киргизских художников, был инициатором создания Музея изобразительных искусств. Он является подлинным певцом новой Киргизии. Им созданы «Киргизская колхозная сюита», талантливая серия «У нас в Киргизии», крупные полотна «Дочь Киргизии», «Токтогул среди народа» и большое число других произведений. Много сил отдают воспитанию молодых кадров народный художник Киргизской ССР скульптор О. М. Мануйлова — автор ряда монументальных произведений и скульптурных портретов, заслуженные деятели искусств график Л. А. Ильина, живописцы И. П. Гальченко, А. И. Игнатьев.

Работы киргизских художников неоднократно были представлены на всесоюзных и международных выставках. 70 лучших картин, гравюр и скульптур художников Киргизии были выставлены на Всесоюзной художественной выставке в 1961 г.

Большую работу по популяризации лучших произведений искусства проводит Государственный музей изобразительных искусств. Он систематически организует передвижные выставки — картинные галереи на колесах, которые проникают в самые отдаленные районы, вплоть до пастбищ Тянь-Шаня. Силами художников создан первый в республике музей изобразительных искусств в колхозе «Кызыл-Шарк» Ошской области. Кадры художников готовятся во Фрунзенском художественном училище и в художественных вузах Москвы, Ленинграда, Ташкента.

Музыкальное творчество

Киргизская музыка уходит своими корнями в глубокую древность. О любви киргизов к музыке и поэзии свидетельствуют почти все наблюдатели и исследователи. Музыка сопровождала в прошлом различные общественные события, в том числе празднества, тризны, военные походы, а также семейные торжества.

Она была наиболее любимым и широко распространенным видом народного искусства.

Музыкальное творчество киргизского народа представлено как в вокальных, так и в инструментальных формах. Оно выработало свой законченный стиль, отличается богатым запасом ритмических средств и характерно своим лиризмом, сдержанностью и эпической простотой. Главным признаком своеобразного стиля киргизской народной музыки является ее программность, конкретность создаваемых художественных образов. Киргизской музыке свойственны жизнерадостность и оптимизм. Они проявляются в мягкой, плавной, повествовательной художественной форме.

Важнейшие черты художественного стиля киргизской музыки сближают ее с музыкой казахов, некоторых народов Алтая и хакасов. Киргизская музыка выросла из семиступенной диатонической основы, сформировавшись на ее раннем этапе. Древние основы и самобытные черты, заметно сохранившиеся в киргизской музыке, находят выражение в таких ее важнейших признаках, как речитативность и импровизационность. Речитативность сохранилась в большей чистоте лишь в отдаленных районах, например у алайских киргизов, но она также продолжает существовать как манера исполнения эпических произведений, многих массовых народных песен, особенно обрядовых. Однако в киргизской музыке возникла и развивалась и другая линия песенного творчества в виде протяжных распевных песен. К ним относятся лирические, любовные, пастушеские песни. Распевные песни получили большое распространение у северокиргизских племен.

Импровизация характерна как для вокальной, так и для инструментальной киргизской музыки. Киргизский музыкант часто является в то же время и автором исполняемого произведения; если он и не импровизирует его полностью, он вносит в него элементы своего творчества. Яркими представителями киргизского музыкального творчества в прошлом являлись народные певцы — акыны. Они развивали лучшие художественные традиции прошлого. Акын чаще всего являлся не только певцом, но и музыкантом, и композитором. В более ранний период народные певцы были одновременно и поэтами-импровизаторами, и мастерами инструментальной музыки, и сказителями эпоса.

У акынов имелись свои специфические песенные жанры: песни-наставления, песни-порицания, небольшие эпические произведения, песни, с которыми они выступали в соревнованиях. Эти жанры обладали древними музыкальными признаками и звучали при исполнении как речитативная, эпически размеренная и уравновешенная музыкальная речь.

Творчество акынов по идейной направленности не было однородным. Передовая часть акынов — выходцев из народа выражала в своих музыкально-поэтических импровизациях демократические устремления народа, протест против произвола и бесправия, мечты народа о лучшей

жизни. Приближенные к феодальной знати акыны культивировали жанр восхваления этой знати, стремились своим творчеством поддержать и укрепить ее господство, патриархально-феодальные устои общества. Эти две противоположные тенденции в музыкально-поэтическом творчестве вначале не были еще четко оформившимися и не всегда строго дифференцировались, но в дальнейшем получили свое развитие, predetermined общественно-историческими условиями.

Большой степени выразительности и оригинальности по мелодическому содержанию, несмотря на сравнительную простоту исполнительских средств, достигает киргизская инструментальная музыка. Среди народных музыкальных инструментов первое место по степени распространения и популярности занимает *комуз* — трехструнный щипковый инструмент лютневого типа, близкий к казахской домбре, но имеющий, в отличие от нее, три струны и гладкий гриф, без ладовых подразделений. Далее следует струнный смычковый инструмент (*кыяк*), состоящий из деревянного кузова грушевидной формы, несколько удлиненного кнizu, с вытянутой кверху шейкой. Нижняя половина кузова обтянута верблюжьей кожей, служащей декорацией инструмента. Кыяк имеет две струны из пучков конских волос; из таких же волос делается и смычок.

На металлическом инструменте (*темир комуз*, *ооз комуз*) типа варгана играют преимущественно женщины и дети. Звук его очень мелодичен, похож на тихий свист. *Сурнай* близок к аналогичным среднеазиатским инструментам типа гобоя. Как и барабан (*дослабиш*), сурнай использовался в прошлом главным образом во время военных походов. *Чоор* — разновидность пастушеской дудки, продольная открытая флейта с тремя или четырьмя пальцевыми отверстиями. Изготавливается из стебля стеного растения, реже из дерева, обтянутого в некоторых случаях пищеводом телянка. Отдельные исполнители пользуются своеобразным «ударным» инструментом в виде подвижной фигурки козла (*так теке*), прыгающей на столике. Она приводится в движение ниткой, протянутой к руке исполнителя, и, отбивая такт музыке, прodelывает в то же время забавные движения.

Виртуозность исполнителей-инструменталистов доведена у киргизов до большого совершенства. Инструментальное трехголосие является большим достижением киргизской народной музыки. Среди пьес (*куу*) для комуза встречаются подлинные шедевры народно-музыкального творчества. Пьесы для кыяка — более древнего происхождения и по своей тематике часто отражают события военной эпохи. Таковы, например, пьесы «Ураан» (боевой клич), маршеобразная пьеса «Кер өзён», героическая пьеса «Кайра-качба» («Не отступать»). На кыяке исполняют также музыкальные бытовые сценки.

В киргизской музыке вообще широко представлены пьесы программно-образительного характера.

Из народных композиторов и музыкантов XVIII—XIX вв. в памяти народа сохранились имена Тилена, Кальчеке, Сыртбая, Куренкея, Музооке. Большим мастером-инструменталистом был наш современник Мураталы Куренкеев. Крупнейшим композитором, музыкантом и певцом, имя которого пользуется необычайной популярностью, а произведения составляют богатейшую сокровищницу киргизского музыкального искусства, является Токтогул Сатылганов. Мелодии его песен, как и их слова, запоминались и распевались на всех народных празднествах.

После Октябрьской революции начало развитию и совершенствованию киргизской музыки было положено созданием Киргизской государственной ордена Трудового Красного знамени филармонии им. Токтогула Сатылганова. Киргизские музыканты-исполнители никогда не знали коллективного исполнения и игры по нотам. Впервые в Киргизии среди коллективов филармонии был создан государственный оркестр народных

инструментов, который составил из усовершенствованных и модернизированных национальных инструментов — комуза и кыяка, разделенных по образцу профессиональных оркестров (прима, альт и т. д.), и соединенных к ним современных флейт, гобоя, фагота и ударных инструментов. Под руководством ныне покойного композитора П. Ф. Шубина оркестранты овладели нотной грамотой. Все это позволило оркестру исполнять произведения не только киргизского народного творчества, но и советских, русских и западноевропейских композиторов. В составе оркестра представлены крупнейшие солисты-музыканты, акыны и певцы Киргизии. Здесь протекала деятельность популярных музыкантов и певцов Атая Огонбаева, Мусы Баегова и Шаршена Термечикова, искусство которых до сих пор пользуется большой любовью народа, здесь расцвело мастерство виртуозов комузистов Карамолдо Орозова и Ибрая Туманова. Оркестр вырастил первых киргизских дирижеров.

Помимо оркестра народных инструментов, в составе Киргизской филармонии был создан ансамбль комузистов из учеников виртуоза Атая Огонбаева. Он выступал в 1958 г. на Всемирной выставке в Брюсселе. Работает также ансамбль исполнителей на металлических инструментах (темир комуз), бригады акынов-импровизаторов, исполнителей собственных и народных песен. Здесь же существует государственный национальный хор, исполняющий не только киргизские народные песни, но и произведения советских композиторов, и, наконец, ансамбль народного танца.

Киргизский народ, не имевший своего народного танца, теперь успешно создает его. Русскими мастерами хореографии совместно с выросшими уже киргизскими кадрами проделана в этом направлении большая работа. Существуют уже созданные по мотивам народных игр, трудовых процессов, орнамента новые киргизские танцы «Кийиз» («Войлок»), «Джаш кербез», «Кыздардын кыялы» («Девичьи мечты»), танец чабанов и др.

Настойчивая работа по освоению богатств русской и советской музыки, проведенная одаренной киргизской молодежью, принесла богатые плоды. Родилась новая киргизская профессиональная музыка, представленная разнообразными, в том числе и наиболее сложными жанрами. А. Тулеев создал симфонию «Слава тебе, партия!», посвященную XXII съезду КПСС, симфоническую сюиту для оркестра сочинил Т. Эрматов, марш для симфонического оркестра написал К. Молдобасанов, сюиту для фортепиано — С. Медетов. А. Аманбаев сочинил ораторию «День Тянь-Шаня», А. Малдыбаев и М. Абдраев — вокальную симфоническую поэму. Киргизскими композиторами написано много массовых песен. О творчестве композиторов, связанном с развитием театра, будет сказано ниже.

Театр, кино Киргизское театральное искусство, несмотря на свою молодость, успело вырасти в серьезный фактор культурной жизни республики. В нем представлены уже такие новые для киргизов виды современного искусства, как драма, опера, балет. Оно выросло на основе использования лучших достижений русской и советской музыкальной и театральной культуры.

Больших успехов в развитии новых форм и жанров национального искусства достигли ведущие театральные коллективы — Киргизский государственный орден Ленина театр оперы и балета и Государственный орден Трудового Красного Знамени театр драмы.

Созданный на базе существовавшей с 1926 г. студии, Государственный драматический театр подготовил первые кадры киргизских артистов. После реорганизации его в Музыкальный театр, с приездом присланных в помощь деятелей русского искусства, началась работа по подготовке национальных музыкально-артистических кадров и первых музыкальных спектаклей. Результаты этой работы не замедлили сказаться. На двух декадах киргизского искусства, состоявшихся в Москве в 1939 и 1958 гг.,

перед советской общественностью были продемонстрированы яркие художественные достижения киргизского народа.

Во время первой декады были показаны музыкальная драма «Алтын-Кыз», рисующая борьбу трудящихся против руководимых буржуазными националистами остатков басмаческих шаек на юге Киргизии в 1931—1932 гг., пытавшихся сорвать коллективизацию; музыкальная драма «Аджал-Ордуна» («Не смерть, а жизнь», буквально — «Вместо смерти»), в которой развертывается картина восстания 1916 г., и, наконец, первая киргизская национальная опера «Ай-Чурек», созданная по мотивам эпоса «Семетей». Музыка оперы, написанная В. Власовым, А. Малдыбаевым и В. Фере, построена на киргизских народных мелодиях.

За выдающиеся заслуги в развитии киргизского театрального искусства многие участники декады, работники Киргизского музыкального театра и Киргизской государственной филармонии были награждены орденами и медалями Союза ССР. Был награжден также и ряд русских театральных и музыкальных деятелей, оказавших огромную помощь в деле развития киргизского искусства.

Композитору и артисту Абдыласу Малдыбаеву было присвоено почетное звание народного артиста СССР.

Эта декада послужила мощным стимулом для дальнейшего развития театрального искусства. Музыкальный театр был реорганизован в Киргизский театр оперы и балета. В его репертуаре появились классические оперы, в том числе «Евгений Онегин» Чайковского. Постановка ее на киргизском языке, явившаяся большим событием в театральной жизни и имевшая большой успех, совпала по времени с варварским разрушением фашистскими вандалами музея Чайковского в Клину.

Важным этапом в жизни театра явилась первая постановка на русском языке оперы «Чио-Чио-Сан» Пуччини, причем ряд ведущих партий исполняли киргизские артисты. Заслуженный успех выпал на долю исполнительницы трудной партии Баттерфляй Сайры Киизбаевой. Создание этого спектакля способствовало росту киргизских актеров и певцов. Театр сделал значительный шаг вперед, поставив новую оперу В. Власова, А. Малдыбаева и В. Фере «На берегах Иссык-Куля», посвященную событиям наших дней.

Из балетных постановок необходимо отметить национальный балет «Анар» (музыка В. Власова и В. Фере) и классические «Соперницы», «Волшебная флейта» и «Копчелия».

Новыми удачными постановками театра явились балеты «Лебединое озеро» Чайковского, «Чолпон» М. Раухвергера, «Раймонда» Глазунова, «Спящая красавица» Чайковского. Несмотря на все трудности, с которыми сопряжено создание балетных спектаклей при отсутствии предшествующей хореографической культуры, киргизский балет переживает процесс заметного роста и совершенствования. Наибольшей известностью пользуются балерины Бюбюсара Бейшеналиева, Сайнат Джакабаева, Чолпон Джаманова. Среди одаренной молодежи Рейна Чокоева и Уран Сарбагишев. Важную роль в развитии балета играют киргизские балетмейстеры и постановщики Н. Тугелов и Э. Мадемилова.

Коллектив Государственного театра драмы укомплектован в основном молодежью, получившей специальное образование в Московском государственном институте театрального искусства им. Луначарского. В его репертуаре пьесы киргизских драматургов, переводные пьесы современных советских драматургов, русских классиков, «Отелло» и «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера.

Помимо указанных театров, в Киргизии работают областной музыкальный драматический театр в г. Нарыне, театры в городах Оше, Пржевальске и других центрах. Коллективы городских театров систематически выезжают в кыштаки, где они являются желанными гостями. Нацио-

нальные оперы «Ай-Чурек» и «Ак-Шумкар» (музыка Рязова), музыкальная драма «Аджал-Ордуна», балеты «Анар» и «Чолпон» пользуются широкой популярностью у зрителей. На гастрольные постановки, устраиваемые часто на открытом воздухе, собираются многие тысячи сельских жителей. Только в 1959 г. для них было организовано 3500 спектаклей и концертов. На них присутствовало свыше миллиона зрителей.

Национальные кадры актеров, режиссеров и дирижеров имеют, как правило, хорошее профессиональное образование, воспитаны на лучших традициях русского и мирового театра. Умелым постановщиком рекомендовал себя А. Куттубаев, талантливыми дирижерами — А. Джумаакматов, К. Молдобасанов, Н. Давлесов. Крупнейшую роль в развитии музыкально-театрального искусства играет выдающийся артист и талантливый композитор народный артист СССР Абдылас Малдыбаев. Он сочинил популярные ныне песни, в творческом содружестве с композиторами В. Власовым и В. Фере написал музыку ряда национальных опер.

Кроме киргизских, в республике имеются старейший русский драматический театр им. Н. К. Крупской, узбекский музыкально-драматический театр в г. Оше. В восьми театрах Киргизии объединено свыше тысячи творческих работников. Много киргизской молодежи учится в театральных, музыкальных и хореографических учебных заведениях Москвы и Ленинграда, в созданном в г. Фрунзе музыкально-хореографическом училище им. Мураталы Куренкеева.

Во время второй декады киргизского искусства и литературы в Москве театральное искусство Киргизии продемонстрировало свои новые творческие успехи. Коллектив оперного театра показал новую национальную оперу «Токтогул» В. Власова, А. Малдыбаева и В. Фере, оперу «Опричник» Чайковского, балеты «Анар» и «Чолпон». В киргизском драматическом театре москвичи смотрели пьесы киргизских драматургов «Курманбек» К. Джантошева, написанную по мотивам одноименного эпоса, и «Тар-Капчыгай» («Узкое ущелье») Т. Абдумомунова, «Грозу» А. Островского и пьесу «Тайфун» современного китайского драматурга Цао Юй.

Достигнутые деятелями искусства успехи были достойно оценены общественностью. За выдающиеся заслуги в развитии искусства почетные звания народных артистов СССР были присвоены талантливой солистке балета Киргизского театра оперы и балета Бюбюсаре Бейшеналиевой, солистке того же театра, популярной певице Сайре Киязбаевой и выдающемуся артисту Киргизского драматического театра Муратбеку Рыскулову. В числе ведущих киргизских артистов должны быть названы также Бакен Кыдыкеева, Марьям Махмутова, Салима Бекмуратова, солистка филармонии Мыскал Омурканова, А. Мырзабаев, С. Токтоналиев. Многие участники декады были награждены орденами и медалями СССР.

Среди новых музыкальных постановок, свидетельствующих о дальнейшем росте киргизского театрального искусства, балет «Куйручук» (музыка К. Молдобасанова и Г. Окунева), музыкальная комедия «Бой-доктор» («Холостяки») (А. Аманбаева), «Борис Годунов» Мусоргского, узбекская опера «Проделки Майсары» (музыка С. Юдакова по пьесе Хамзы) и балет «Тропоею грома» азербайджанского композитора Кара Караева.

Большой интерес киргизской общественности вызвала постановка театром оперы и балета новой оперы М. Раухвергера «Джамиля», либретто которой написано по мотивам популярной повести Чингиза Айтматова. Несмотря на отдельные недостатки, эта интересная лирико-психологическая опера, утверждающая высокие нравственные идеалы и бросающая вызов отсталым взглядам на любовь и брак, была горячо принята зрителями. В опере широко использованы киргизские народные мелодии.

К творчеству Ч. Айтматова обратился и драматический театр, осуществивший постановку спектакля «Бетме бет» («Лицом к лицу»), по мотивам одноименного рассказа писателя.

Успешно развивается в Киргизии самая молодая в Советском Союзе кинематография. В г. Фрунзе создана студия художественных и документальных фильмов. Она выпустила уже фильмы «Токтогул», «Моя ошибка» и «Далеко в горах». С участием киргизских артистов центральными киностудиями выданы такие фильмы, как «Салтанат» (Мосфильм, 1955 г.), демонстрировавшийся на международных кинофестивалях, фильм-сказка «Легенда о ледяном сердце» (Мосфильм, 1957 г.) и фильм-балет «Чолпон» (Ленфильм, 1959 г.). Киргизская студия подготовила ряд документальных и научно-популярных фильмов, в том числе цветной полнометражный документальный фильм «Рождение песни» («Киргизстан сегодня»). В основу новых художественных фильмов, создаваемых студией, также положены произведения киргизского прозаика Ч. Айтматова. Это фильмы «Ботокёз» («Верблюжий глаз»), повествующий о киргизском юноше, покоряющем целину, и «Джамия».

Игры, развлечения, спорт

У киргизского населения издавна пользуются большим распространением разнообразные игры и развлечения.

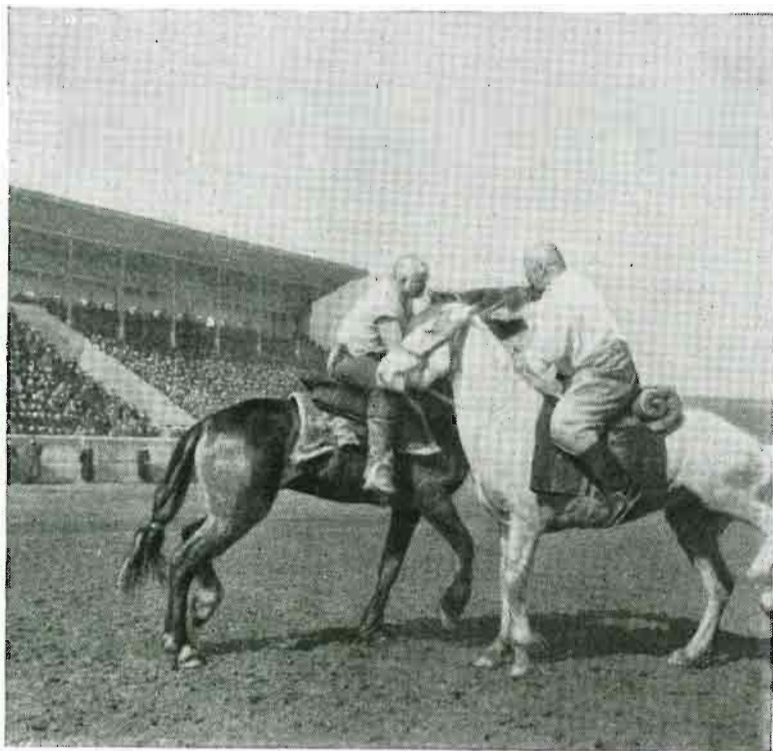
Различаются игры молодежи, мужские и детские. Наиболее распространенными среди молодежи играми являются *жоолук таштамай* (аналогичная русской игре в «жгут»), *думпүлдөк* — игра в «волков и овец», *жашынбак* — игра в прятки, различные виды игр в жмурки. Одно из самых любимых развлечений молодежи — качели (*селкинчек*) из веревок, привязываемых к деревьям или столбам. Качаются по двое, с пеннем. Среди игр мужской молодежи следует отметить игру с мячом (*кара казан*), имеющую некоторое сходство с футболом, *оромпой* — игру в догонялки на одной ноге, *коон узмой* — игру, заключающуюся в том, что две группы, взявшись за руки перетягивают одна другую, *ак чөөлмөк* — ночную игру, во время которой две партии соревнуются в том, чтобы раньше разыскать и доставить к черте брошенную кость или белый мяч из шерсти.

Излюбленная игра — состязание мужчин *аркан тартыш* (перетягивание каната), но особенной популярностью среди них пользуется игра в бабки (*ордо*), которая воспроизводит бой за захват ханской ставки.

Из детских игр наиболее популярны *чикит* — игра в чижика, различные виды игр в бабки, *эшек секиртмей* — игра, аналогичная русской чехарде, *ала кучук* — игра в «кошки-мышки».

Массовые развлечения, спортивные упражнения и зрелища всегда играли весьма значительную роль в жизни киргизского народа. Самый характер многих развлечений связан исторически с условиями военной, походной жизни, требовавшей постоянной готовности к защите и нападению и, следовательно, способствовавшей развитию храбрости, силы и ловкости. Однако эта область народного быта нередко использовалась в целях укрепления личного авторитета и получения доходов с населения феодальной верхушкой, устраивавшей пышные празднества по различным поводам семейной и общественной жизни. Наконец, некоторые развлечения носили пережиточный характер, они сопровождали в прошлом различные обряды или являлись их составной частью.

Наиболее древнее из спортивных развлечений — это *сайыш* — поединки двух всадников, вооруженных длинными деревянными пиками. Цель состязания — выбить противника из седла. Обязательной частью одежды в этих случаях был кожаный или войлочный (в несколько слоев) нагрудник. Иногда в поединках выступали женщины. Такие поединки имели нередко смертельный исход, поэтому уже в начале XX в. устраивались очень редко, а после Октябрьской революции были вовсе запрещены. Поводом к излюбленному виду развлечений — скачкам (*ат чабыш*) — в прежнее время служили главным образом поминки и тризны. В дальнейшем скачки превратились в излюбленный вид спорта.

Борьба «эниш». Стадион в г. Фрунзе

В скачках, устраивавшихся раньше обычно с призами, главную роль играет быстрота бега лошадей и их выносливость. Дистанции для скачек были всегда большими, иногда до 50 км. Для выбора лошадей, пригодных для скачек, их тренировки, так же как и подготовки жокеев (ими бывают обычно мальчишки), разработана целая система различных приемов и правил, требующих большого искусства и специального навыка. В настоящее время скачки устраиваются на меньшие дистанции (до 8—10 км) и проводятся с целью испытания колхозных и совхозных скакунов.

Другим видом состязаний являются скачки с козлом (*көк бору* или улак тартыш). В них уже имеет большое значение не только хорошее качество лошадей, но и умение наездника хорошо держаться в седле, его выносливость и сообразительность. Для состязания закалывают козленка и отрезают ему голову и нижние части ног. Цель состязания — поднять, не слезая с лошади, козла и доставить его к условленному месту, уходя от противников и не давая им вырвать козла. Состязания обычно привлекают большое число участников. Нередко они делятся на две партии. У памирских киргизов скачки на лошадях заменялись раньше скачками на верблюдах.

Весьма популярными видами развлечений являются борьба на лошадях — *эңиш*, одарыш, заключающаяся в стаскивании противника с лошади, и борьба кюрёш, цель которой — свалить противника на землю.

После Октябрьской революции современная физическая культура и спорт получили в Киргизии большое развитие. В настоящее время в Киргизии культивируется более 40 классических и национальных видов спорта, в том числе киргизские скачки, борьба кюрёш, борьба

на конях, настольная игра *тогуз коргол*. Конские скачки, борьба и другие виды национального спорта и развлечений устраиваются в дни советских праздников, фестивалей, спортивных соревнований. Национальными видами спорта занимаются десятки тысяч человек. Киргизы показали себя прекрасными спортсменами и по новым для них видам спорта. Среди семи участников исключительного по дальности лыжного перехода Фрунзе—Москва, совершенного в 1936 г. летчиками и планеристами Фрунзенского аэроклуба, было двое киргизов. Среди киргизов есть и альпинисты, и боксеры, и гимнасты, и футболисты, и велосипедисты — тысячи юношей и девушек овладевают высотами спортивного мастерства. Многие спортсмены-киргизы являются чемпионами республики и рекордсменами. В их числе, например, мастер спорта СССР, прыгун международного класса Тобокел Мамыров. В Киргизии создана широкая сеть спортивных сооружений, в том числе 10 крупных стадионов. В добровольных спортивных обществах работают сотни специалистов, имеющих специальное физкультурное образование. Новые кадры спортсменов воспитываются в молодежных и детских спортивных школах, в Институте физической культуры (г. Фрунзе). Физкультурное движение в Киргизии охватывает более 200 тыс. человек.

